

Вот в чем дело. Волею безжалостной судьбы, истории азербайджанцы, оказавшиеся вдали от родины, не считают Турцию чужой страной, чужбина в их душах...

Не зря в народе говорят: “На чужбине хорошо гулять, но умирать лучше на родине”. И, возможно, доказательством служит и то, что перед смертью великий сын азербайджанского народа Мамед Эмин Расулзаде трижды прошептал: “Азербайджан, Азербайджан, джан Азербайджан!”.

Об этом мне рассказывал Мамед бек Кенгерли, присутствовавший при последнем вздохе Мамед Эмин бека.

“В 1942 году я попал в Крыму в плен, - рассказывал Мамед бек, - однако ни одного дня не провел в немецких лагерях. Нас спас Мамед Эмин, и впоследствии я стал его близким другом. Эмин бек был величайшим из азербайджанцев XX века. Это был очень чистый душой, совестливый, толерантный человек. Мамед Эмин хотел видеть Азербайджан не одной из турецких провинций, а независимой страной. И была у него еще одна мысль, которую я хочу довести до вас. Он не был против азербайджанских коммунистов, для нас и его наследников сейчас в этом нет никакой разницы, лишь бы с честью, достойно служить азербайджанскому народу. Естественно, речь не идет о коммунистах вроде Мир Джана Багирова и Алигейдара”.

С азербайджанскими эмигрантами в Анкаре. Слева: Анар, Яхъя Дашидев, Мехмет Кенгерли, Наби Хазри, Ахмед Караджа, Джемиль Унал, Назим Ибрагимов

Я намерен подробнее написать о своих встречах с Мамед беком Кенгерли, Ахмедом Гараджой, Джамилем Уналом - эмигрантами, которые смогли сберечь идеи Азербайджанской Демократической Республики, Мамеда Эмина Расулзаде, их символы, историческую память и донести их до нынешних поколений. Я вообще давно мечтаю на-

писать книгу о Турции, куда впервые приехал в 1967 году, о встречах с представителями самых различных партий, религиозных, философских, общественных взглядов, о наших спорах и сходстве, моих интервью и размышлениях, о турецком обществе, которое я видел с разных сторон. У меня накопилось множество дорожных заметок, мыслей и впечатлений, которыми я хотел бы поделиться. В истории Азербайджана, в духовной жизни Азербайджана Турция занимает столь большое и ни с чем не сравнимое место, что я не хочу спешить делиться поспешными и необязательными наблюдениями. И мои эти записки посвящены лишь одному - изображению Турции глазами азербайджанской творческой эмиграции. Сама эта тема является предметом более широкого рассмотрения, в "Адабият газети" была опубликована лишь малая часть материалов, условно относящихся к азербайджанской эмиграции в Турции. И мы кое-что сделали для того, чтобы познакомиться с этой литературой, донести ее до читателей. Сейчас есть возможность выезжать за рубеж, возникли возможности для обмена печатными изданиями, книгами, в Баку даже был проведен весьма значительный симпозиум, посвященный эмигрантской литературе. Тем не менее, следует признать, что наши читатели еще не в полной мере знакомы с обширной ветвью нашей литературы - эмигрантской, ибо непосредственных текстов опубликовано очень мало.

В последний раз я был в Турции в апреле нынешнего года. Общество любителей азербайджанской литературы в Измире пригласило народного поэта Наби Хазри, директора Энциклопедии Назима Ибрагимова и меня на обсуждение ряда проблем, связанных с нашим переходом на латинскую графику. Одновременно члены этого общества планировали торжественно передать в дар Азербайджану множество книг и лекарств.

На приеме у Намика Камала Зейбека. Слева: Назим Ибрагимов, Анар, Наби Хазри

Мы приняли участие в этом мероприятии, выступали там, однако больше говорили не о проблемах перехода на латинскую графику, а о тяжелом периоде, испытываемом Азербайджаном, о карабахской проблеме. Потом у нас были встречи в Анкаре и Стамбуле. Нас принимал советник премьер-министра Демиреля по проблемам Азербайджана и других тюркоязычных стран, прекрасный знаток литературы вообще и азербайджанской в частности, политический деятель, способный часами читать наизусть стихи Намик Кямал Зейбека, мы получили приглашение в благотворительное общество “Даянет”. В Анкаре мы встречались с председателем Общества писателей Махмедом Доганом, с другими его членами, с председателем Турецкого общества владельцев литературных и научных трудов Яхъей Акенкином и другими членами этого общества, подписали соглашения. В Измире я встретился со своими старыми друзьями Али Явузом Акпинаром, Фикретом Туркменом, в Анкаре - с Явузом Булендом Бакулером, Ирфаном Насреддиноглы. Я передал Али Явузу Акпинару, который долгие годы был пропагандистом азербайджанской литературы, привет от нашего уважаемого ученого Аббаса Заманова и его просьбу. Аббас Заманов попросил меня:

- В Турции один из наших эмигрантов - Абай Даглы написал пьесу “Физули”. Попробуй найти эту пьесу. Во всяком случае, Али Явуз должен знать о ней.

Я передал эту просьбу Али Явузу, и на следующий день он принес мне пьесу “Физули”, изданную в 1968 году в Стамбуле, и даже ксерокопию с нее. В Баку я подарил книгу Аббасу муаллиму. Учитывая, что Аббас муаллим очень не любил, когда из его библиотеки берут книги, ксерокопию я оставил себе.

Я очень благодарен Аббасу муаллиму за то, что он сказал мне об этой пьесе, и уверен, что он сам проведет тщательный литературоведческий анализ этого произведения. Наряду с реальными историческими лицами - Физули, Хабиби - в пьесе и сочиненные автором персонажи: возлюбленная поэта Хиджран, бесталанный и глупый соперник - “поэт” Абу Марван и прочие. Пьеса написана в стихах. Строки, созданные Абаем Даглы, соединяются по ходу содержания с бейтами самого Физули.

В литературе есть точные данные о том, что Физули родился в Ираке, жил там. Однако благодаря творческой фантазии Абая Даглы оживает тоска Физули по родине, мотивы одиночества. В уста Физули автор пьесы вкладывает свою печаль, свою тоску по родине. Он рассказывает о тоске по родине эмигрантов XX века устами героя из века XVI.

Высокую оценку пьесе дал автор предисловия, профессор Стамбульского университета Нихад Тарлан: “По ряду политических и прочих причин поэтический гений Физули стал понятен лишь в XIX веке. Предпринявший прекрасную попытку написать пьесу о Физули, Абай Даглы добился замечательного результата. Наш великолепный

*С дочерью Насиббека Усуббекова Зохрай ханум и
Валой Амирджан в Стамбуле 1993 г.*

поэт Абай Даглы переносит нас на любимую им землю Азербайджана. На прекрасном турецком языке он увлекает нас в лирику Физули".

(Здесь в скобках я хотел бы коснуться еще одной темы. Готовя к печати и отрывки из пьесы "Физули", и фрагменты из эссе Ахмеда Агаоглы, я дал тексты в азербайджанской транскрипции. Сами же слова, строение фраз, язык приведены мною не на турецком, на котором разговаривают в Турции, а на языке на котором говорят в Азербайджане. Мне кажется, что в близкой и братской Турции азербайджанская эмигрантская литература сохранила все тонкости азербайджанского языка, что должно стать предметом исследований наших языковедов.)

В начале пьесы Абай Даглы в стиле "Шикаетнаме" Физули рассказывает о проблемах, вставших перед его произведением. "Есть у меня произведение", - сказал я. "Ну и что?" - ответили мне. Сказал я: "Это пьеса". "Изучи актерское мастерство", - сказали мне. "Я написал его ради искусства", - сказал я. "Встреться с другими", - ответили мне. "Я пришел к вам с просьбой", - сказал я. "Убирайся отсюда", - сказали мне. "Я хотел бы получить ответ", - сказал я. "Проваливай к черту", - ответили мне.

Я поздоровался, но никто не спросил, кто я".

Мне кажется, что эта пьеса Абая Даглы (он еще является автором посвященной Ататюрку пьесы "Юный отец" и "Деде Горгуд") - должна быть полностью напечатана у нас и привлечь внимание наших театров или телевидения.

Немало интересных встреч было у нас и в Стамбуле. Уважаемый профессор Туран Язган, глава "Общества по изучению тюркского мира", занимающегося духовным, культурным, письменным, языковым объединением тюркоязычных народов, пригласил нас на Турецкий день, проводившийся 5 мая. Звучали пламенные речи, песни, в том числе и написанная на слова Ахмеда Джавада песня Узеир бека "Бушевало Черное мо-

Октай Акбал, Анар, Гусейн Аббасзаде и Балаш Азероглу

ре". Мы много знаем о преследовании коммунистов, в том числе и Назыма Хикмета в 40-е годы, их арестах. Однако нам ничего не было известно о преследовании тогдашним турецким режимом пантюркистов, проповедовавших единство тюркских народов. Нам рассказали, что в те годы в тюрьмах томились пожилые интеллигенты, - знаменитый философ Нихад Атсыз, всемирно известный ученый Заки Валиди. В полиции следователи плевали в лицо Заки Валиди, и он до конца жизни не смог забыть об этом издевательстве. И за что - из-за пантюркизма.

- Так что из-за пантюркизма страдали не только вы, азербайджанские тюрки, - сказали нам. - Страх перед Сталиным ужасал и тогдашнее турецкое правительство.

- Знаю, - отвечал я. - В те годы азербайджанская народная песня "Белые яблоки Губы" по турецкому радио звучала как "Белые яблоки Игдыра", чтобы не было никаких азербайджанских следов. Я слышал и об этом.

А в Стамбуле, в Синдикате писателей, объединяющем самых левых турецких писателей, нам сказали: "Как вы страдали от коммунистов, так мы страдали из-за пантюркизма". В этом Синдикате у нас были две встречи и пресс-конференция, в которой приняли участие представители газет "Джумхуриет", "Миллиет", "Хурриет". Нынешний глава Синдиката (до него на этой должности были Яшар Кемаль и Азиз Несин), азербайджанец по происхождению, Октай Акбал - потомок карабахского хана Ибрагима Джаваншира. На встречах в Баку мы подписали соглашение о литературных взаимосвязях. Октай бек написал в газету "Хурриет" статьи о бакинских впечатлениях. В этих материалах он постарался подробно проинформировать турецких читателей о трагедии Карабаха, родины его предков.

Сейчас я вновь повторяю свои упреки левым писателям Турции, с которыми не раз встречался. Вы мало интересуетесь нами, если в каком-то дальнем уголке планеты происходит какая-та несправедливость, вы тут же поднимаете голос. Азербайджан уже пять лет в огне и крови, отчего же мир не слышит вашего голоса? Они соглашаются со мной. Однако в Турции у левых есть удивительный страх: они очень боятся демонстрировать тягу к Азербайджану и к другим тюркским народам из опасения быть обвиненными в пантюркизме. Правда, в последнее время и здесь наметились определенные перемены. Возможно, первыми провозвестниками этого явились националистические выступления социалиста Эджевида, направленные в защиту Азербайджана и повлиявшие на перемены в турецком общественном сознании. Немалая роль в росте интереса к проблемам Азербайджана принадлежит и нашему земляку Тофику Маликли. Ныне профессор Стамбульского университета и в то же время представитель Союза писателей Азербайджана в Турции Тофик Маликли в своих выступлениях постоянно привлекает внимание турецких писателей к проблемам Азербайджана, к карабахской трагедии. Благодаря этим выступлениям Синдикат турецких писателей принял резкое заявление, направленное против армянской агрессии в Карабахе.

Определенную работу ведут в этом направлении и другие наши соотечественники, заставляя прислушаться к голосу Азербайджана.

Весьма примечательна в этом отношении деятельность знаменитого певца Лютфияра Иманова. Мы приняли участие в концертах, которые с большим успехом давали в Стамбуле и Измире Лютфияр Иманов и пианист Зохраб Адыгезалзаде.

*Анар и
Ильдениз
Гуртулан*

Мы дали множество интервью во многих газетах, встречались с общественностью. Кроме карабахской, мы касались еще множества проблем, ибо в Турции с большим интересом относятся к будущему независимому, демократическому строительству в Азербайджане, к нашей политике. В своих выступлениях перед писательской общественностью, на встречах с членами обществ “Деянет” и “Исследования тюркского мира”, в университетах, в обществах азербайджанской культуры в Измире и Анкаре мы выдвигали конкретные предложения. Главной нашей идеей была необходимость создания “Тюркского ЮНЕСКО”, которое занималось бы общими проблемами культуры, науки, литературы, искусства, образования, спорта, религии. Вести совместную культурную работу, издавать совместные книги, журналы, снимать фильмы, ставить спектакли, проводить концерты, выставки, постепенно создавать многотомную Тюркскую энциклопедию, выпустить совместную поэтическую антологию, посвященную 1500-й годовщине тюркской поэзии. Все наши предложения были одобрены. Мы пришли к согласию о созыве общетюркского съезда писателей тюрksких народов.

Однако у меня была еще одна цель. Издать произведения живущих в Турции азербайджанских поэтов, писателей, драматургов, критиков и публицистов. Я поделился этой идеей со многими. В Анкаре мне обещали оказать посильную помощь Ахмед Гараджа и Салахаддин Гылыдж, которые обязались собрать и подготовить тексты произведений, а затем передать их мне. Однако мы пробыли в Анкаре всего три дня. Мне предстояло пробыть дольше в Стамбуле в связи со съемками фильма, и я дал себе слово не возвращаться обратно, не получив некоторых текстов. В этом мне оказал огромную помощь мой дорогой друг Ильдениз Гуртулан.

Мы с ним знакомы несколько лет. За время наших встреч в Баку и Стамбуле я увидел в нем человека с богатым внутренним миром, глубоких и обширных знаний. Память этого интересного человека хранила массу воспоминаний. Ильдениз бей был че-

ловеком деятельным, но не любящим рассказывать о своей работе. Скромности в нем было не меньше, чем заслуг. Он и его супруга Фариде ханум родом из Северного Азербайджана, однако какое-то время оба прожили в Иране, поэтому в их речи ощущается сладость тебризского диалекта. Отец Ильдениза, Аждар Бабазаде (Аждар Гуртулан), был представителем партии “Мусават” в Тегеране. Впоследствии ему пришлось перенести много несчастий, он прошел и “ледяной ад” природы - Сибирь, и подвалы ГПУ, и, наконец, в Турции, избавился от страданий своей многотрудной жизни, очутившись в бездне иных страданий - ностальгии. Мы с Ильденизом посетили их семейный уголок на кладбище, где покоятся его отец Аждар Гуртулан (1898-1971), мать - Туран ханум (1926-1983). Потом посетили могилы ближайшего соратника М.Э.Расулзаде - Али Азертекина, недалеко покоится и Мирзабала, которого Ильдениз бей считал своим учителем.

Из головье памятника на могиле Мирзабала было покрыто трехцветным азербайджанским флагом с изображением пера аиста (именно таким пером любил писать Мирзабала). Надпись на могиле гласила:

“Мы принесли много жертв, среди нас были сгнившие в ссылках, наши матери и возлюбленные проливали слезы, с нами были не знающие усталости последователи. Это большая история, которую создал он - День 28 МАЯ. Мы умирали во имя принципов, созданных им, верные нашей КЛЯТВЕ о Независимости.

МИРЗАБАЛА (1898-1959)

Автором надгробия был хорошо знакомый мне Чингиз Бекташ. С этим прекрасным архитектором и поэтом мы познакомились в Турции в 1975 году, вместе с ним ездили в Конью, где он досконально объяснял мне особенности древних сельджукских надгробий, рассказывал об архитектурных особенностях сельджукского треугольника. Чингиз Бекташ приходился со стороны жены родственником Мирзабале. Из почтения к покойному он вложил в это надгробие всю душу и создал истинное произведение искусства.

Ильдениз перевел на турецкий язык мою повесть “Белый лиман” и опубликовал ее в издательстве “Симави”, он же закончил перевод “Шестого этажа пятиэтажного дома” и представил его в то же издательство. В рецензиях, вышедших в турецких изданиях, в том числе и в статьях Аднана Озялчинера и Мустафы Гутлу, перевод Ильдениза Гуртулана получил высокую оценку. Вообще Ильдениз Гуртулан является неутомимым проводником азербайджанской литературы в Турции, прекрасным знатоком нашей новейшей истории. В некогда издаваемом им журнале “Искусство и литература” он много писал о классиках и их последователях в литературе Северного и Южного Азербайджана, печатал их произведения, с подробным изложением их биографий. Именно Ильдениз впервые представил Турции Самеда Бехранги. Написал трогательные стихи, повествующие о судьбе Бехранги и его семьи. Однако всем этим - литературной деятельности, редактурой, поэзией, переводами - он занимался в свободное время, за счет бесконечных ночей. Потому что основная его деятельность, позволяющая зарабатывать на

хлеб насущный, - медицина, частная практика. Каждый день ранним утром он со своей супругой Фаридой ханум переезжает из одной, азиатской части Стамбула, в другую, европейскую, и до самого заката лечит людей. “Если б Ильдениз бей мог заниматься одной литературой, - говорит его близкий друг Салахаддин Гылыдж, - он стал бы самым популярным в Турции писателем, смог бы претендовать на Нобелевскую премию”.

С детства Ильдениз жил, окруженный именами М.Э.Расулзаде, Мирзабалы, Ахмеда Агаоглы, Алибека Гусейнзаде, Ахмеда Джагароглы, с некоторыми из них он был близко знаком.

Во время одного из моих путешествий в Турцию я созвонился с внуком Ахмед бея Агаоглы, сыном Самеда Агаоглы - Текдашем Агаоглы, с которым познакомился еще в Баку, и мы пошли к его тете, последней живущей дочери Ахмед бея - Гюльтекин ханум. Там же был и брат Текдаша - Мустафа Кемаль. Комнаты, словно в музее, были украшены рисунками, фотографиями, в том числе и фотографиями Ататюрка, подписанными для Ахмед бея.

*Ахмед бек Агаоглы.
Рисунок А.Лансере*

Удивительно, что Текдаш свято верит в идеи коммунизма - он даже перевел “Капитал” Маркса на турецкий язык. Его же перу принадлежит и перевод на турецкий язык “Тихого Дона”. За свои убеждения ему пришлось посидеть в тюрьмах, потом вместе со своей женой, скульптором-керамистом Гадрией ханум, он эмигрировал в Швейцарию. Я помню, что и его дед - Ахмед бей был сослан англичанами на Мальту. Его отец - Самед бей был министром при правительстве Мендереса и после падения этого режима некоторое время находился под арестом. По своим убеждениям Ахмед бей - чистый республиканец, он был соратником Ататюрка, Самед бей был крайним правым, а его внук Текдаш предан идеям коммунизма. Все трое были людьми, безраздельно верными своим идеалам, своей вере, политиками, преследовавшимися различными режимами. Даже сегодня, когда во всем мире идеи коммунизма потерпели крах, Текдаш остается верен своим убеждениям. “Я понимаю проблемы вашей страны, - говорит он, - однако не стоит так предаваться капитализму.

Став капиталистическим обществом, вы узнаете все его противоречия. Пусть вас не обманывают полные витрины магазинов - это все для богатых”.

- А как отражалось различие ваших идейных убеждений в личных отношениях с отцом? - спросил я.

- Мы бережно относились к убеждениям и очень любили друг друга, - ответил он. - Ведь точно так же различались убеждения отца и деда, однако сердца их были вместе.

Я встретился в Турции с другим проявлением этого, кажущегося парадоксальным явления. Сын пантюркиста Нихада Атсыза - Ягмур - зрелый социалист. Сын Алибека Гусейнзаде - Селим придерживается левых взглядов.

Мы поговорили с Селимом по телефону. Вместе с Ильденизом Гуртуланом и снимавшим в это время в Турции фильм Зауром Магеррамовым мы отправились на кладбище Гараджа Ахмед. Там покоятся Алибек Гусейнзаде и его супруга. На надгробной плите высечено: “Выпускник дерматологического отделения медицинского факультета д-р Гусейнзаде Али Туран (1864-1940)”. На соседней могиле мы прочитали: “Его супруга Этхийе Туран (1890-1944)”.

Был последний день работы выставки Селима Турана, открытой в Бебеке (район Стамбула), в галерее Тургай. Мы познакомились с Селим беем в Париже в 1967 году благодаря Закарии Сертелью. Закария Сертель одно время жил в Баку, и могила его супруги, Сабихи ханум, тоже находится в Баку, в Аллее почетного захоронения. После смерти супруги Закария бей вместе с дочерью Улдуз переехали в Париж. Когда Закария бей работал в Баку, Назым Хикмет позвонил моему отцу и попросил сблизиться с Закарией, оказать ему, живущему в чужом городе, внимание. Сертели часто заходили к отцу в гости, мы бывали у них. (Впоследствии в квартиру, где они жили, переселился Тогрул Нариманбеков.)

Через несколько лет после смерти Назыма в Баку на один день приехал живущий в Париже турецкий художник Абидин Дино. Целью его приезда была встреча с Закария беем. Отца в Баку не было, поэтому Абидин бея встретил я. Мы весь день провели вместе, съездили в мастерскую Тогрула, пообедали. Потом вместе с Сертелем отправились в аэропорт, проводили Абидин бея в Москву, и только когда Дино, помахав с трапа рукой, вошел в самолет, Закария бей громко заплакал. До сих пор я знал его соответствующим своей фамилии, суровым, строгим, сдержаным человеком, поэтому его слезы поразили меня, и я постарался утешить его.

- Какой же вы счастливый человек, - произнес он, успокоившись. - Вы живете на своей родине.

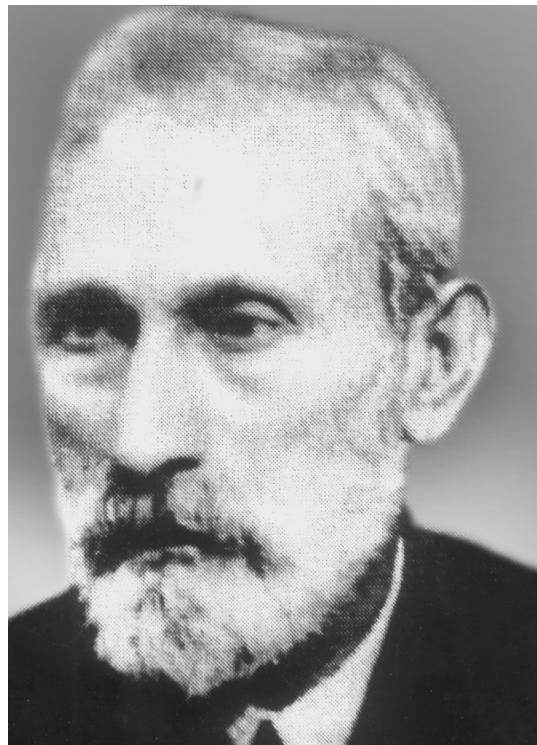
Я не случайно привел здесь этот эпизод. Тоска в глазах людей, живущих вдали от родины, печаль в их сердцах совсем иного свойства. Если люди, живущие вдали от родины, - бежавшие от тогдашнего турецкого режима в Париж Абидин Дино, Селим Туран, нашедший приют в Москве Назым Хикмет, живущий в Баку Закария Сертель, и наши эмигранты, убежавшие от коммунистического террора в Азербайджане, различались своими убеждениями, политическими взглядами, то их горе, печаль была одна - тоска по родине.

“Эмиграция страшнее смерти”. Это - слова Назыма. В задушевных разговорах с отцом он говорил:

- Брат мой, чем здешняя свобода, я готов еще пятнадцать лет просидеть в турецкой тюрьме.

Я храню как самый дорогой подарок от встречи с Селимом Тураном небольшую картину, нарисованную на тему моего рассказа “Я, ты, он и телефон”, которую он преподнес мне. Сколь бы реалистичны ни были картины Селима того периода, столь же абстрактны представленные на нынешней выставке работы: вертящиеся, подвижные

статуи. Селим бей подарил мне каталог со своей выставки. Я не хочу сейчас вести разговор о творчестве Селима, однако приведу взятые из каталога некоторые, представляющие для нас интерес факты из его биографии: “Мой отец с Кавказа. Сначала он учился в Тифлисской гимназии, затем поехал в Петербург, где изучал математику, а потом естественные науки, работал с растениями, животными. Там он подружился с учащимся в университете старшим братом Ленина - Александром Ульяновым, который работал над кристаллами. В этой же лаборатории Ульянов готовил взрывное устройство для покушения на императора. Однако он был схвачен, когда собирался бросить бомбу в царский экипаж. Покушение не удалось. Отец из-за этого вынужден был бросить учебу и переехать с Кавказа в Турцию, где поступил в Военно-медицинскую академию. По окончании учебы он из-за гнета Абдулхамида вынужден снова вернуться на Кавказ. Там он участвует в издании газет “Хаят”, “Фьюзат” и “Каспий”. В той же типографии работает наборщиком Максим Горький. Туда же часто заходил и Сталин, влюбленный в одну работницу”.

Алибек Гусейнзаде

Anar с дочерью Алибека Гусейнзаде Фейзавер ханум

Некоторые рисунки Алибека хранятся в Стамбуле, у сестры Салима - Фейзавер ханум.

В каталоге есть интересные материалы о встречах Салима с Пикассо, Шагалом, Орханом Вели.

На зеленой поляне Бебекского района стоит памятник Орхану Вели. Я не пишу “возвышается”, потому что поэт изображен полулежащим на зелени лужайки. Чуть подальше на берегу возвышается памятник Физули.

Я записал на ленту голос Селим бея, где он передает приветы Азербайджану, Заур снял на пленку художника и его произведения.

Красивая женщина, пришедшая посмотреть выставку, обнимает Селима.

- Вы - мой самый любимый художник, - говорит она. - Когда же вы нарисуете мой портрет?

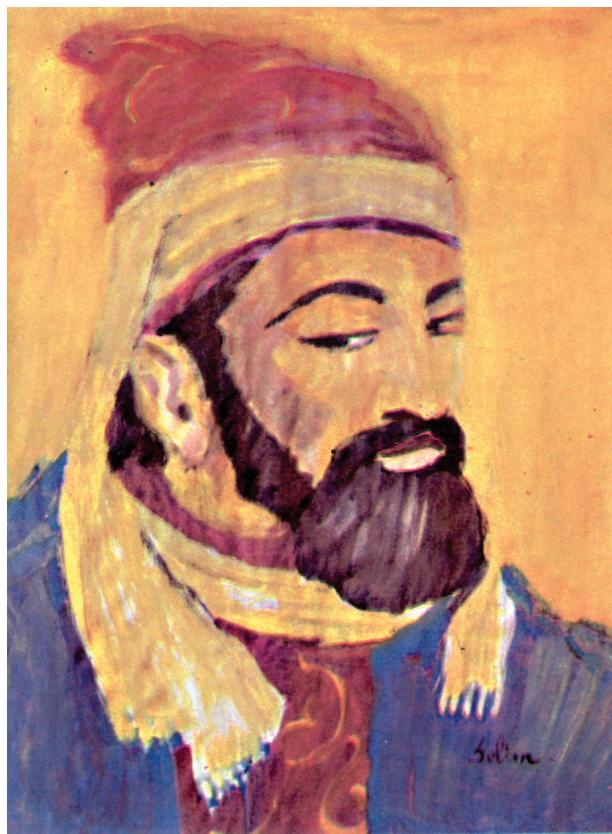
Селим бей застенчиво улыбается. За двадцать лет, прошедших с нашей парижской встречи, Селим, естественно, постарел (сейчас ему 77 лет), выглядит несколько утомленным, усталым и во всем разочаровавшимся. А женщина, горячо обнимавшая Селима, - знаменитая турецкая актриса Дилек Тюркер. Мы с ней знакомимся, и совершенно случайно выясняется, что она будет играть главную роль в спектакле, на который мы завтра собираемся пойти. На этот спектакль стамбульского театра Гараджа нас пригласил автор пьесы Атаол Бахрамоглы. Пьеса называется “Будь счастлив, Назым”. Она основана на стихах, письмах Назыма, стихах, посвященных поэту, воспоминаниях его вдовы Веры. В этой монодраме Дилек Тюркер играет единственную роль. На следующий день мы с Ильдениз беем отправились в театр. Там же был и Селим бей, который тоже в первый раз смотрел этот спектакль. “С Назымом в последний раз мы встречались в Париже”, - сказал он.

Смотря спектакль, посвященный последней любви Назыма, его последней страсти, я словно перенесся на тридцать лет назад, вспоминая, как великий поэт вместе с Верой был у нас в гостях, наши московские встречи, вспоминал Акпера Бабаева. Все два с половиной часа, пока шел спектакль, Дилек ханум провела темпераментно, играла с внутренней энергией, взволнованно, и даже к концу не чувствовалось, что актриса утомлена. И бессмертные стихи Назыма она читала так хорошо, таким нежным и чувственным голосом... Она говорила о четырех заветах, сделанных перед смертью Назымом своей жене:

- После меня не выходи замуж, не переставляй мебель, вещи, пусть все так и остается. Напиши воспоминания обо мне, потому что моей самой сильной стороной была не поэзия, а моя человеческая личность, а этого никто лучше тебя не знает. И, наконец, после моей смерти обязательно съезди в Турцию. Я мечтал сам повезти тебя туда, показать

“Бибиэйбетская мечеть”

Селим Туран “Портрет поэта”

называл Назыма, подарил мне свой альбом и несколько графических работ. Я записал его рассказы на магнитофон. Об этом очень радостном, красивом, восторженном человеке Балабане, о Селиме Туране я также напишу в журнал “Гобустан”, представив и репродукции их работ. Я напишу и о третьем художнике. Здесь же пока ограничусь краткими данными о нем.

Ибрагим Сафи считается классиком современного искусства в Турции. Он азербайджанец. Родился в нахчivanском селе Баш Норашен. Его отец Рахман (Ибрагим) был ашугом, но скончался, когда будущему художнику было три года. В 1913 году, когда Узеир Гаджибеков поступил в Петербургскую консерваторию, Ибрагим Сафи стал учиться в Московской академии искусств. В 1918 году вместе с воевавшей на Кавказе турецкой армией он приехал в Турцию, поселился здесь, продолжил образование, прославился как художник, выставлялся во многих странах мира, но в последние годы лишился зрения, а 4 января 1983 года скончался.

Я слышал о турецком художнике азербайджанского происхождения, видел несколько репродукций его работ. В гостях у Атаола я спросил его жену - искусствоведа Людмилу об Ибрагиме Сафи. Оказалось, что Людмила хорошо знакома с его творчеством, печатала статьи о его работах. Однако истинным поклонником творчества Ибрагима Сафи, его знатоком является доктор, профессор Энвер Тале Четин, сообщила мне Людмила. Энвер бей - знаменитый врач, в то же время большой специалист по жи-

мою прекрасную страну, самые лучшие места красавца-Стамбула, но, увы, это оказалось невозможным... Между мной и моим народом не река, не озеро, даже не море, между нами - Северный Ледовитый океан. Я должен умереть, чтобы вновь соединиться с родиной. Но когда ты после моей смерти приедешь в Турцию, я встречу тебя там.

Вера приехала в Стамбул на премьеру спектакля “Будь счастлив, Назым”. Поэты не лгут. Назым в самом деле встретил любимую в Турции. “Я поведу тебя в Стамбуле к своим друзьям. Познакомлю с Яшаром Кямалом, это очень смелый человек, не испугался встретиться со мной в Париже. Я поведу тебя к Балабану”.

Ибрагим Балабан - один из знаменитых турецких художников, был близким другом Назыма. Я позвонил ему, мы встретились. Он очень сердечно встретил меня, вспомнил, как приходил к отцу в гости, когда тот бывал в Стамбуле. Он долго рассказывал мне о “Шаир бабе” - так он на-

вописи, коллекционер, он был другом Ибрагима и большим любителем его картин. Он стал скупать работы художника еще при его жизни, а после смерти Ибрагима издал большой альбом, в котором представлены многие его работы. Я взял телефон Энвер бея, позвонил ему, мы договорились на следующий день встретиться на выставке, где он подарил мне изданный им альбом. Если в Баку будут организованы выставки Ибрагима Сафи, Ибрагима Балабана, Селима Турана, это обогатит нашу художественную жизнь. Знаю, что сейчас, может быть, не время для этого, но я уверен, что это время настанет.

Двадцать два года назад я в журнале “Гобустан” (№4, 1970) писал о Селиме Туране, его отце - Алибее Гусейнзаде, об их месте в истории нашей живописи. В те годы я смог сделать только это. Статью Губада Гасымова о том, как на приеме по поводу отъезда Алибея из Баку присутствовал Узеир бек, Главлит в те годы не позволил печатать, посоветовавшись “с верхами”, эту статью из номера исключили. Сейчас уже нет этих искусственных и уродливых препон, оставшиеся в живых эмигранты часто приезжают в Баку, память об умерших сохранилась. Но как жаль, что эмигрантская литература, искусство еще мало известны в Азербайджане. До сих пор не издана книга нашего великого мыслителя, оставившего след в азербайджанском искусстве, Алибея Гусейнзаде. То же и с научными, политическими, философскими трудами Ахмедбека Агаоглы. Ни разу не выходила в Баку книга с политическими, мемуарными, чисто художественными произведениями Самеда Агаоглы. Мы до сих пор не собрали стихи десятков, может, сотен поэтов, живших и писавших в эмиграции. Хорошо зная, насколько в нынешнее время в Баку сложно издание книг, которое зачастую носит случайный, а иногда и корыстный характер, я не хочу терять надежду на то, что эта моя мечта когда-нибудь осуществится. Я готов подготовить и представить все тексты, имеющиеся в моем распоряжении. К этому нас призывают дух людей, переживших тоску по родине.

Чужбина, тоска, эмиграция. Наверное, эта трагедия никогда в прошлом не достигала такого размаха, как в веке двадцатом. Люди, готовые отдать жизнь за родину, вынуждены были покинуть ее. Тяжелее всего эту горечь довелось пережить нам, азербайджанцам.

Эмигранты 20-х годов - бежавшие от большевистского режима жители Северного Азербайджана.

Наши южные братья и сестры, переселившиеся на север, спасаясь от шахского режима в 40-е годы и позже.

Наши страдальцы, стгнившие в Сибири, на Дальнем Востоке.

Беженцы, вынужденные переселенцы, зверски изгнанные из Армении, с мест, где веками жили их предки. Наконец, жители Карабаха, Лачина, Ходжалы, Малыбейли...

- Они ведь не на чужбине, а на собственной родине, - возразите вы.

Верно. Но прав был поэт, сказавший:

Не я на чужбине,

Чужбина во мне...

Май-июнь 1992 г.
Перевод М.Гусейнзаде

Кто тебя забудет?

История порой сохраняет такие свидетельства, которые говорят об эпохе больше, чем сотни книг. Показанная вначале в телевизионной программе “Далга”, а затем опубликованная в прессе фотография потрясла сердца сотен тысяч людей. Фото внезапно состарившегося молодого человека со следами страданий, боли, мук на лице. Глаза, совсем недавно горевшие огнем страсти, бурным желанием жизни, и потухшие в одночасье - усталые, обреченные глаза. В них смертная тоска, отчаяние, безнадежность и немного удивления. Удивления чистого, простодушного человека по поводу непонятных событий, происходящих вокруг.

Фотография в профиль и анфас. Обычно такие фотографии помещаются в следственном или судебном деле какого-нибудь преступника. Кто же этот преступник? В чем его преступление?

Этот “преступник” - поэт Микаил Мушфик, его “преступление” - преданность поэзии, его “вина” - любовь к жизни, к друзьям, к своей возлюбленной Дильбер, в том, что в трудные времена пытался сохранить свою личность, свое достоинство, свою гордость. Приговор за все эти “преступления” - смертная казнь.

Вот уже несколько десятилетий “круглые” юбилейные даты Мушфика мы отмечаем как “праздник со слезами на глазах”. Мы гордимся тем нетленным вкладом, который внес в нашу поэзию этот феноменально одаренный поэт, не доживший и до тридцати лет. Вместе с тем с неизбывной душевной болью мы думаем, сколько же прекрасного он мог создать в литературе, если бы судьба не поступила с ним так жестоко. Впрочем, какая судьба? Судьбу людей определяла тройка палачей НКВД.

Пушкин, Лермонтов, Есенин, Маяковский, Лорка, Муса Джалиль... Мушфик, как и все они, прожил половину, а может быть, и треть отпущенной ему Богом жизни. Жизнь, дарованную Богом, отняли злые, завистливые, подлые люди. Он, в теперешнем возрасте детей, внуков своих современников, вынужден был отказаться от всего, что любил. Казалось, Мушфик трагически предчувствовал свою неизбежную участь:

*От жизни, которая стала ареной
Страстей современных в борьбе современной,
От солнца, от звезд, от земли, от вселенной,
От полночи, полдня - как мне отказаться:*

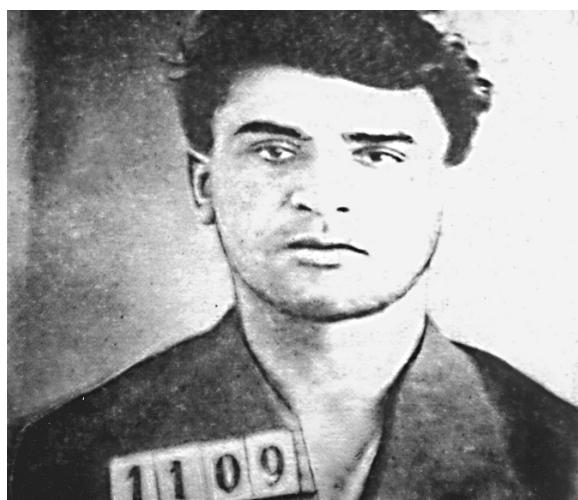
*Звезды - огни моих мыслей мгновенных,
Тучи - стада моих дум сокровенных,
Небо - обитель страстей вдохновенных,
От высоты подобной - как мне отказаться?*

Микаил Мушфик. Художник Г.Назарли

*Перо молодое мое, не утрать
Созвучий и красок, чтоб кончить тетрадь.
Нет, не могу притворяться и лгать
От лет вдохновенных - как мне отказаться?*

(Перевод Юнны Мориц)

Заключенный Микаил Мушфик

Эти строки, как и выражение безнадежности на тюремных фотографиях, - свидетельство безысходности человеческого существования, его фатального бессилия перед лицом грозящей ему кары, неизбежностью насилия, не знающими жалости и пощады иррациональными силами зла.

Вынужденный отказаться в расцвете сил от всего, что он любил, от всего, что привязывало его к жизни, Мушфик остался навеки “молодым человеком” нашей поэзии.

Пять наиболее известных поэтов тридцатых годов - Сулейман Рустам, Самед Вургун, Микаил Мушфик, Расул Рза, Мамед Рагим - имели разное социальное происхождение.

Самед Вургун и Расул Рза происходили из обедневших дворянских родов - Векиловых и Мамедханлы. Отцом Сулеймана Рустама был кузнец, и он этим гордился, отцом Мамеда Рагима - фаятонщик, и он не очень афишировал это. Самед Вургун приехал в Баку из Газаха, Расул Рза - из Геокчая. Сулейман Рустам и Мамед Рагим были бакинцами или выходцами из его пригородов. Уроженец Хызы, Мушфик также считается бакинцем.

Я как-то писал, что потеря отца в детском возрасте - социальная проблема, потеря матери - проблема психологическая. Расул Рза в возрасте шести лет потерял отца, Самед Вургун и Микаил Мушфик выросли без матери. И эти травмы по-разному, но одинаково глубоко отразились в творческом “я” поэтов.

Отец вспоминал, как друзья упрекали Мушфика в том, что он беспрерывно курит. “Столько лет папиросы обеспечивали мое существование, - отвечал поэт. - Я зарабатывал на хлеб, продавая папиросы, как же я могу изменить им”. Расул Рза вспоминал также один холодный морозный вечер 1936 года, когда, проходя с Мушфиком мимо сквера Сабира, они встретили мальчишку в рваной одежде, руки его терялись в рукавах пиджака с заплатками. Мальчик предложил им папиросы. Мушфик остановился как вкопанный, посмотрел на мальчика, который дрожащими от холода руками протягивал ему мятую пачку, вытащил из кармана крупную купюру и, протянув мальчику, не взял у него папиросы. В глазах мальчишки были и удивление, и нечаянная радость, в глазах Мушфика - слезы. Он и не скрывал их. “Я словно встретил свое детство, - сказал он немного погодя. - Сколько вот в такие холодные вечера я продал папирос,

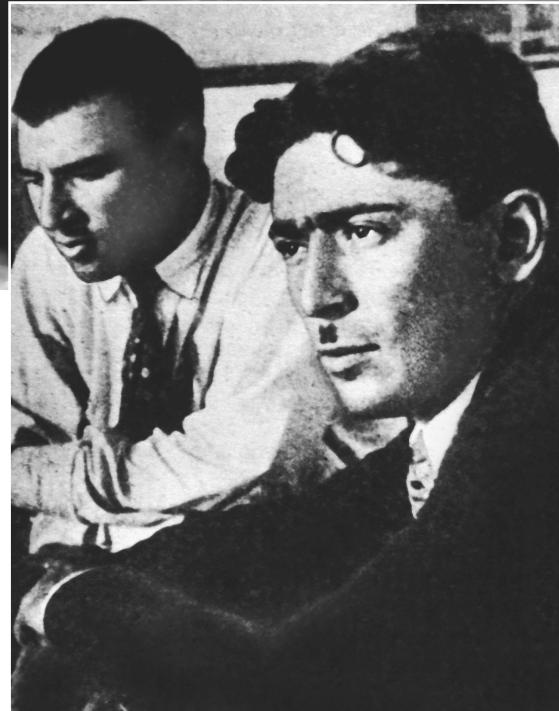

Вверху справа: Микаил Мушфик, Расул Рза, Сулейман Рустам, Мехти Гусейн, Абдулла Фарид

я даже сочинил стихи, чтобы привлекать покупателей: “Эй мусульманин, эй урус! Купи отличный, хороший папрос!”.

11 февраля следующего, зловещего 37-го года Мушфик с супругой Дильбер ханум были на свадьбе Расула Рзы и Нигяр Рафибейли. На этой же скромной свадьбе присутствовали Гусейн Джавид, Ахмед Джавад, Сеид Гусейн, Самед Вургун, Сабит Рахман, Мехти Гусейн. Тамадой был Кязим Алекперли. Спустя несколько месяцев были репрессированы Джавид, Джавад, Сеид Гусейн, К.Алекперли, Мушфик, Мама часто говорила: “Бедные, наверное, они там, в тюрьмах и ссылках, вспоминали этот день нашей свадьбы, ведь это был последний праздничный вечер в их жизни”.

Жена Мушфика Дильбер ханум, отчасти разделившая его горькую судьбу (и она была арестована, сослана, но выжила, была реабилитирована в 50-е годы и вернулась), вспоминает: “В марте 1934 года у нас родился сын. Мушфик был безмерно счастлив, дал мальчику имя Ялчын, но наша радость длилась недолго, ребенок заболел в двухмесячном возрасте и, несмотря на все усилия врачей, умер. Мушфик был сражен го-

Микаил Мушфик и Самед Вургун

рем, не находил себе места. Друзья часто заходили к нам, пытались утешить. Самый близкий друг Мушфика Расул Рза советовал ему поехать в Москву учиться, чтобы к тому же и немного развеяться”.

Но Мушфик почему-то не поехал. Я думаю, если бы он все-таки поехал учиться в Москву, возможно, это уберегло бы его от не имеющих никакого разумного объяснения репрессий 37-го года. Конечно, ни Джавид, ни Джавад, ни Юсиф Везир, ни Сеид Гусейн ни в чем не были виновны, но исходя из идеологических и политических понятий той эпохи, объяснением, если не оправданием, ареста Гусейна Джавида могло быть то, что он учился во “враждебной” Турции, в его пьесах сильно влияние турецкой литературы, османского языка, да и темы далеки от современности. Джавад был мусаватистом, автором гимна независимой Азербайджанской Республики, Юсиф Везир - ее послом в Стамбуле. Сеид Гусейн - близкий родственник Мамеда Эмина Расулзаде. Но что могли инкриминировать Мушфику, выходцу из очень бедной семьи, поэту-романтику, вдохновенно воспевающему новую жизнь своего народа, даже посвятившему поэму Сталину? В том-то и заключается недоступная нормальному разуму “логика” репрессий, что одна и та же участь постигла и Мушфику, автора стихотворения во славу национального музыкального инструмента - тара (“Пой тар, пой тар, кто тебя забудет”), и народного комиссара просвещения, большевика Мустафу Кулиева, своим декретом изгнавшего этот самый тар из Консерватории.

В своих воспоминаниях о Мушфике Нигяр Рафибейли пишет, что когда она приехала из Москвы в Баку на каникулы, на каком-то собрании Мушфик спросил у нее о Расуле. “Я немного пожаловалась на то, что он, Мушфик, совсем забыл нас. Мушфик без лишних слов попросил у меня записную книжку и черкнул там несколько стихотворных строчек”.

Суть этих строк, которые мама сохранила в памяти, в том, что и “вдали от глаз моих, вы в сердце моем”.

Дильбер ханум в воспоминаниях “Дни с Мушфиком” пишет: “Мушфик очень любил Расула, он не отличал его от родного брата Мирзы. Их дружба выдержала все испытания. Расул посвятил его памяти поэму “Если не было бы роз”. Эта поэма - памятник верности в дружбе”.

Поэма Расула Рзы - одно из первых по времени произведений, посвященных теме репрессий, не только в азербайджанской, но и во всей советской литературе. Автору удалось опубликовать свою поэму лишь много лет спустя после ее создания. Расул Рза воскрешает сцены их первого знакомства с Мушфиком в редакции газеты “Гяндж ишчи”, литературную атмосферу тех лет, дружеское общение молодых писателей и поэтов, живые штрихи их образов. Эти светлые воспоминания переходят в мрачную явь 37-го года. С полной искренностью описаны в поэме душевые терзания самого автора по поводу этих страшных событий, постоянный риск и опасность превратиться из “товарища” в “гражданина”. Расул Рза имел моральное право писать: “Среди подписей, как предательские пощечины, нанесенные Мушфику, не было моей подписи, никого и никогда я не клеймил”, но тут же он сокрушается и чистосердечно признается, что не призывал народ воспротивиться всем этим несправедливостям. Впрочем, можно ли было воспротивиться всей этой мерзости “во времена негодяев”? Можно было

лишь разделить участь репрессированных, и это не спасло бы никого и ничего бы не изменило. Еще одной жертвой стало бы больше, и все.

Молодой исследователь Азер Туран в эссе о писателях - жертвах репрессий пишет: "Поэму о Мушфике мог написать только Расул Рза, чудом уцелевший в 37-м году. Изучая архивные материалы и газетные публикации тех лет, приходишь к выводу, что мучительное молчание Расула Рзы в те времена - достойный ответ тем, кто оправдывает свои неблаговидные поступки особенностями эпохи. Расул Рза, возможно, единственный поэт, который не обвинил в те годы Джавада, Джавида, Мушфика. Он ни разу нигде не выступил против тех, с кем вчера делил хлеб, или даже против тех, с кем расходился во взглядах.

Расул Рза стал председателем Юбилейной комиссии по празднованию 50-летия Мушфика и добился установления памятника ему в Баку.

Я как-то писал о том, что даже в сталинские и багировские годы имена многих репрессированных упоминались в нашей семье только с уважением. С особой горечью говорили о Мушфике. Причем не только его коллеги по поэзии - Расул Рза и Нигяр ханум, но и моя бабушка - мать отца, мои тети - сестры отца: ведь для них всех он был очень близким, родным человеком, почти членом семьи. В этой семейной привязанности свою роль сыграли и их совместно проведенные летние месяцы на ашхеронских дачах.

*"Последнее
счастливое лето".
Микаил Мушфик,
Ахмед Джавад,
Гусейн Джавид,
Энвер Мамедханлы,
Расул Рза.
Художник
Алтай Гаджиев*

Об одном таком лете эмоционально и очень пронзительно написал писатель и ученик Рафаэль Гусейнов в эссе “Дачный роман”. Собственно, это и предыстория создания одного из самых известных произведений Мушфика - стихотворения “О, была бы снова эта дача”.

Автор ярко, с живыми деталями, описывает лето 1936, когда несколько писательских семей сняли дачи в Пиршагах, на северном побережье Абшерона, недалеко от Баку. Это было последнее счастливое, беззаботное лето всех участников дачного общения. По соседству поселились семьи Расула Рзы, Энвера Мамедханлы, Ахмеда Джавада с супругой Щукрией ханум, Мушфика с Дильбер. По субботам и воскресеньям приезжали в гости Алиага Вахид, Мамед Ариф, Сабит Рахман, Микаил Рзакулизаде.

В свое время записав на магнитофонную ленту долгие беседы с Арифой ханум и Хабибой ханум, сестрами Энвера Мамедханлы, единственными в ту пору живущими свидетелями того лета, Рафаэль мастерски воссоздал атмосферу “последнего лета” - стихи, шутки, дружеские перепалки - все так молоды, так полны жизни, с такими радужными мечтаниями. Мушфик - я слышал это и от своих родителей - помимо необыкновенного таланта, обладал и феноменальной памятью - без устали читал стихи, не только свои, но и классиков азербайджанской и турецкой литературы. И тем же летом, на той же даче создал свой собственный шедевр “О, была бы снова эта дача”. Называющиеся так в дословном переводе, эти стихи поэтесса Инна Лиснянская по-русски озаглавила несколько иначе “О, если бы то лето повторилось”...

*O, если бы то лето повторилось,
И Божья милость
Послала мне счастливую удачу,
Чтоб ваша дача
Была бы снова по соседству с нашей,
Чтоб в полной чаше
Моей души кипело вдохновенье.
От каждой встречи
С тобой, моя любовь, чтоб каждый вечер
Я новое писал стихотворенье
Скажи, мое желание нежней
Твоих кудрей?
И по сердцу ль тебе оно?
И мне ль дано
O, если б вовсе не было разлуки,
Чтоб наши руки
Друг друга вновь нечаянно касались,
И мы смутились.
И все-таки сидеть старались рядом,
Чтоб робким взглядом
Ты заставляла сердце мое биться*

Бюст Микаила Мушфика

*Смятеною птицей,
Впервые ощущившей высоту
И быстроту,
Чтобы вели мы тайные беседы
В тени беседок
И, опасаясь брата и сестры,
меняла б ты,*

*Догадливая, тему разговора
И только взоры,
И только губы наши и сердца
Друг другу открывали б, дорогая,
Все до конца.*

*Микаил Мушфик.
Художник Октай Садыхзаде*

Хызинском районе, в местности, где родился поэт, создан его музей. Каждые десять лет широко отмечаются его юбилеи. На радиоволнах и в телевидении постоянно звучат песни на его слова. Таким образом, мы с полным правом можем сказать: поэт, ты “не отказался”, не отказался “от жизни, от солнца, от звезд, от земли, от вселенной” и, конечно же, от своего народа. Как и народ не отказался и никогда не откажется от своего великого сына. Найти могилу Мушфика оказалось делом невозможным: где она - в сибирской тайге, в песках острова Наргин или на дне Хазара - Каспия?

Но вечная обитель его - в сердцах миллионов все новых и новых поколений читателей, и все мы можем повторить его собственные слова, адресуя их самому Микаилу Мушфику:

“Кто тебя забудет? Кто же может забыть тебя?”

1988, 2009 гг.

Хранитель сокровищницы литературы

Если азербайджанская литература древних и средних веков - богатая сокровищница, то ее самым надежным хранителем является академик Гамид Араслы.

Учитывая, что я происходил из литературной семьи, Гамида муаллима знал с детских лет. У него были добрые отношения с моими родителями. Расул Рза высоко ценил Г.Араслы как выдающегося литературоведа, историка литературы. Накануне поездки в Сирию он много беседовал с Гамидом муаллимом о мавзолее Насими. В своей статье “Мавзолей поэта, не вмещающегося в мир” отец писал:

“Насими - вот что волновало и беспокоило меня более всего в поездке в Сирию. Осталась ли от него какая-либо память? Я помнил слова, сказанные мне в Баку уважаемым ученым Гамидом муаллимом: “Могила Насими должна быть в Алеппо. Вы, наверное, увидите ее”.

Эта информация Гамида муаллима подтвердилась. По инициативе Расула Рзы губернатор Алеппо доставил представителей Азербайджана к могиле Насими, и по возвращении оттуда Расул Рза впервые сообщил об этом в прессе. Я помню, как в связи с этим Гамид муаллим позвонил отцу. И первым поздравившим отца с публикацией поэмы “Физули” тоже был Г.Араслы. А для отца мнение специалиста по средневековой литературе было чрезвычайно важно.

В отношениях отца с Гамидом Араслы присутствовала некая щутливая перепалка. Об этом есть интересные воспоминания ученого-турколога, племянника Гамида муаллима - Тофика Меликли, который сопровождал отца, Гамида муаллима и известного турецкого поэта Фазиля Хусни Дагларджу в поездке в Гянджу. “Согласно программе, - пишет Тофик Меликли, - Фазиль Хусни Дагларджу должен был посетить Шемаху, Геокчай, Гянджу и побывать на Гей-Геле. Я помню эти прекрасные дни начала лета, когда мы с Дагларджой, Расулом Рзой и Гамидом Араслы с веселыми шутками, смехом, под стихи и литературные беседы отправились в это дружеское путешествие. Когда мы приехали в Геокчай, Расул Рза пригласил нас выпить чаю под могучей чинарой. Это дерево воистину производило впечатление исторического памятника. Увидев, какое впечатление произвела чинара на Дагларджу, Расул муаллим сказал двум гянджинцам, Гамиду Араслы и мне: “Скажите, разве есть в Гяндже такая чинара?”. “На каждой гянджинской улице растут десятки таких чинар”, - ответил Гамид Араслы, чем вверг нашего гостя в изумление, а мы все долго смеялись”.

Я познакомился с Гамидом муаллиром, когда работал в Музее Низами. На последнем курсе университета я пытался устроиться на работу. Поработать в музее мне предложил ныне покойный Мирали Сеидов и повел меня к тогдашнему директору музея - Азизу Мирахмедову. Оказывается, в музее нужны были именно двуязычные экскурсоводы. Поэтому Азиз муаллим тут же подписал мое заявление, согласно которому я ста-

Гамид Араслы

Слева: художник Исмаил Ахундов, Тофиг Меликли, турецкий поэт Фазиль Хусни Дагларджа, Расул Рза, Гамид Араслы, Аббас Заманов

новился младшим научным сотрудником. Я вел экскурсии на русском и азербайджанском языках с группами, приходившими в музей. Чуть позже Азиз Миражмедов получил назначение в ЦК партии, а директором музея стал Гамид Араслы.

За годы учебы в университете я с помощью мамы выучил арабский алфавит и смог составить поэтическую антологию стихов азербайджанских поэтов, опубликованных не только на кириллице и латинице, но и на арабском алфавите с древнейших времен (Насими, Габиби, Кишвери и других) вплоть до Физули. Когда я показал антологию Гамиду муаллиму, он заинтересовался.

- Ты знаешь арабский алфавит? - спросил он.
 - Немного, - ответил я.
 - А персидский язык?
 - Нет.
 - Выучи персидский и подумай о том, чтобы защитить диссертацию по средним векам.

Однако вскоре я перешел работать на радио, потом поступил в Москве на высшие сценарные курсы и, как говорится, направление моей деятельности изменилось. Тем не менее, мой интерес к национальной литературе, особенно к литературе древних и средних веков остался неизменным, и если я что-то в этой области знаю, то большинство своих знаний почерпнул из трудов Гамида Араслы.

Гамид Араслы - виднейший знаток нашей древней и средневековой литературы. История азербайджанского литературоведения не менее древняя, чем сама наша литература. Литературоведением у нас занимались на протяжении многих веков, начиная с Хатиба Тебризи, составители тезкире и джунгов (антологий) хранили сокровищницу нашей поэзии, составляли летопись истории нашей литературы. Шах Исмаил Хатаи писал стихи, его сын Сам Мирза собрал антологию стихов не только отца, но и других поэтов.

Двухтомник Фирудин бека Кочарли “Материалы по азербайджанской литературе” ознаменовал своего рода переход от средневековых антологий к современным. Преподававший в двадцатые годы в Азербайджане Исмаил Хикмет издал на арабской графике два двухтомника - “История азербайджанской литературы” и “История турецкой литературы”. (Кстати сказать, издание этих книг на латинице принесло бы пользу нашим литературоведам.) В 20-30-е годы Салман Мумтаз, Бекир Чобанзаде, Эмин Абид, Гуммет Ализаде и другие ученые провели ряд исследований нашей литературы древних и средних веков. Как жаль, что в первые же годы советской власти такие ученые, просветители, интеллигенты, как Фирудин бек Кочарли пали жертвами нового строя, были расстреляны, Исмаил Хикмет, обвиненный в пантюркизме и туранизме, был изгнан из страны. Волна репрессий 37-го года уничтожила всех названных выше ученых. И вся тяжесть тысячелетней истории нашей литературы пала на плечи относительно молодого Гамида Араслы. Помня об изданных на русском языке трудах Микаила Рафии об азербайджанской литературе древних лет и о Низами, об исследовании Мир Джалалом творчества Физули, я настаиваю на том, что исследованием огромного периода азербайджанской литературы занимался в первую очередь именно Гамид Араслы.

Однако одной из главных его заслуг перед нашей литературой является то, что именно он впервые опубликовал “Книгу моего деда Горгуда”. Изданная в 1939 году на латинице, эта книга фактически открыла для наших читателей, ученых, писателей это великое произведение. Позже “Книга моего деда Горгуда” вышла в Баку на русском языке в переводе В.Бартольда, под редакцией Г.Араслы и М.Тахмасиба. С тех пор и начались несчастья Деде Горгуда. Очевидно, М.Дж.Багиров и его советчики не прочли издание на латинице, а если и прочли, то мало что поняли в нем. Однако когда они прочитали книгу на русском языке, то некоторые религиозные моменты, а

Слева на право: Гамид Араслы,
А.Сумбатзаде, М.Азиз

*Азиз Несин, Гамид
Араслы, Вера Феонова*

особенно - связанные с Грузией, испугали их. Ведь кроме всего прочего, Грузия была родиной Сталина и Берии. Поэтому на претензии туркменов в отношении принадлежности им “Деде Горгуда” Багиров отреагировал так: “Да я поднесу его им на золотом подносе”. Однако с началом кампании против этой книги претендентов на “Деде Горгуда” не нашлось и в Туркмении. Причем преследования “Деде Горгуда” проводились в Туркмении еще более беспощадно, чем в Азербайджане. В Азербайджане в отличие от Туркмении никаких арестов не последовало, хотя Гамиду муаллиму и другим ученым, занимавшимся “Деде Горгудом”, пришлось несладко.

Лишь после Сталина “Деде Горгуд” был реабилитирован и издан на кириллице - вновь благодаря Гамиду Араслы.

Наш добрый друг, пропагандист азербайджанской литературы Ахмед Шмиде в письме ко мне отметил очень интересный момент. Он пишет об исследователях, присвоивших монополию на “Деде Горгуда”. В своем письме Ахмед бей пишет: “Исключение из них составляет покойный Гамид Араслы. Однажды он сказал мне: “Ты можешь спокойно ездить в Турцию. Я очень прошу тебя встретиться там с Орханом Шаигом. Передай ему от меня братский привет и скажи, что когда он критикует мое толкование “Деде Горгуда”, пусть не забывает наши братские отношения. Он может думать иначе, чем я, но пусть, публикую свои размышления, будет поосторожней. Потому что, конечно, он может писать там все, что угодно, но я здесь не имею такой свободы и не смогу ответить ему так, как хотел бы. Пусть же за литературными спорами мы не забудем о том, что мы - братья”.

К сожалению, они оба скончались, и эта весть до Орхана Шаиг бея не дошла.

Я специально подчеркнул слова в письме Ахмеда Шмиде, потому что из них становится ясно, в каких условиях, в каких тисках, под каким давлением творил Гамид Араслы и как работал Орхан Шаиг, живущий в свободной стране, пишущий без цензуры, без идеологических надсмотрщиков.

Мамед Ариф, Мир Джалал, Гамид Араслы, Мамед Гусейн Тахмасиб

Сценарий фильма “Деде Горгуд” был опубликован в журнале “Азербайджан”. У покойного Шамиля Джамшидова, известного исследователя “Деде Горгуда”, была одна особенность. Он ревностно относился к попыткам других ученых, писателей, поэтов касаться этой темы. После того как мой сценарий был опубликован, на киностудию пришло его резко отрицательное мнение на 10-15 страницах. Позже, когдаправлялся юбилей “Деде Горгуда”, во время нашей поездки в Париж у нас с Шамиль муаллимом состоялась откровенная беседа. Он сказал, что высоко ценит мои заслуги в пропаганде “Деде Горгуда”, а я не стал напоминать ему о старых обидах.

Однако в то время, когда съемки фильма по этому сценарию и без того были под угрозой в Баку и Москве, это письмо могло бы сильно навредить. Я попросил, чтобы сценарий был отослан на рецензию самому известному исследователю “Деде Горгуда” - Гамиду Араслы. Так и было сделано, и Гамид муаллим положительно отозвался о сценарии, согласился стать консультантом фильма, а по окончании съемок высоко оценил готовый фильм. У меня не было тех отзывов. Печатая в Баку мою повесть “Деде Горгуд”, я попросил дочь Гамида муаллима - Нушабе ханум отыскать те отзывы, если они сохранились в архиве ее отца. Спасибо ей, она нашла их, и я получил возможность опубликовать их в своей книге в качестве предисловия. Так что даже после смерти этот выдающийся ученый, незабвенный Гамид муаллим смог благословить мою работу.

В день столетия Гамида Араслы я хотел бы этими добрыми словами выразить свою благодарность ученому.

Да упокоит Аллах его душу, да будет могила его полна сияния.

Было бы бессовестным упрекать Гамида Араслы, учитывая идеологические требования того времени, в том, что он подчинялся правилам игры. Мы должны лишь быть благодарными и ему, и другим честным ученым того времени за то, что в те годы они могли хоть что-то сказать, написать.

У меня есть повод и для личной благодарности Гамиду муаллиму.

2009 г.

Перевод М.Гусейнзаде

О вехах большого пути и об одном маленьком рассказе

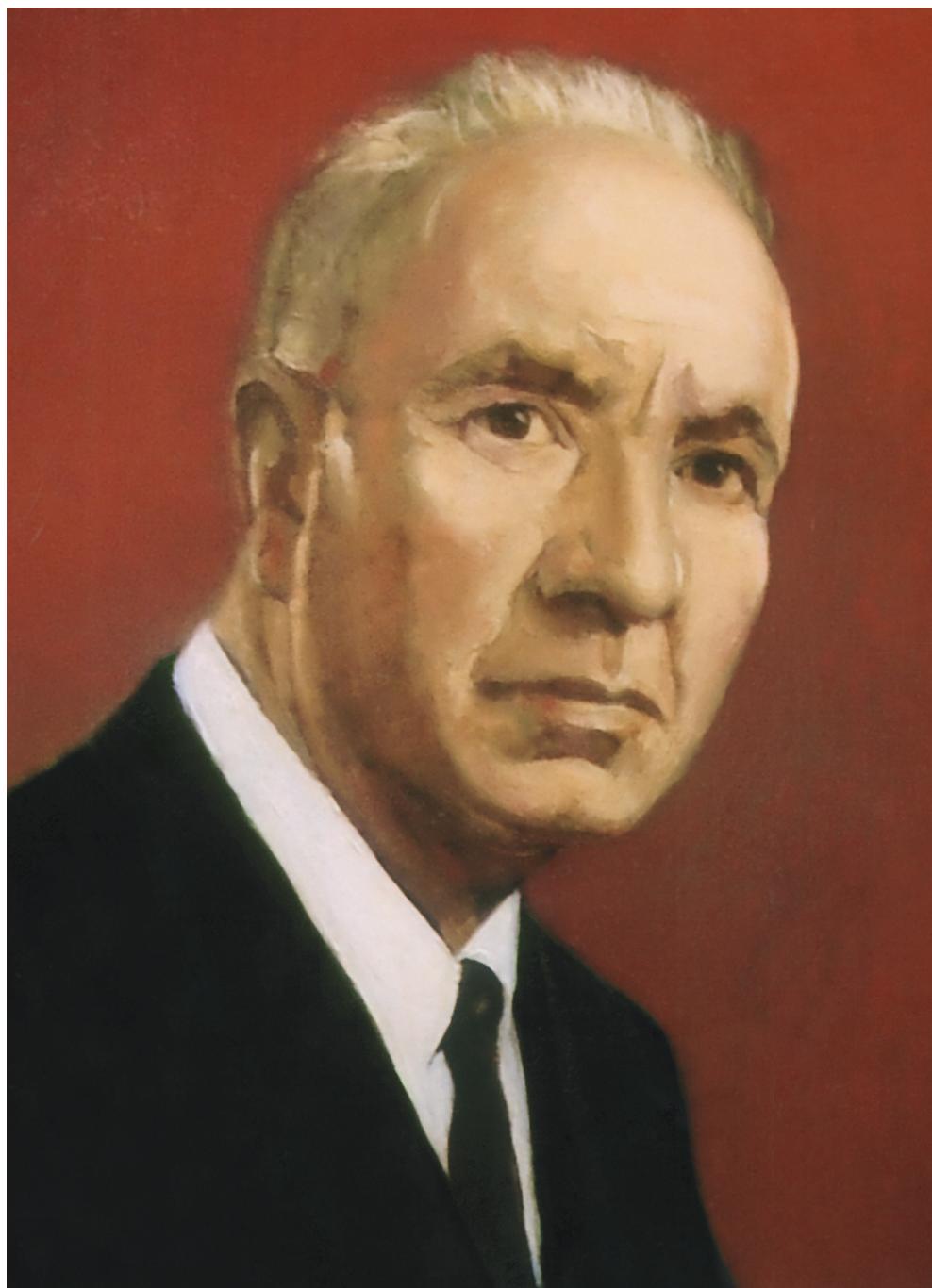
Выдающемуся писателю, ученому, педагогу Мир Джалалу Пашаеву принадлежит значительное место в истории нашей литературы, науки, просвещения. В то же время он - представитель национальной интеллигенции, который олицетворял собой духовную нераздельность, единство нашего Отечества - Юга и Севера, расчлененного волей исторических обстоятельств. Судьба Мир Джалаля муаллима связана с тремя древними городами Азербайджана - Ардебилем, Гянджой, Баку. Он родился в маленьком селе близ Ардебиля - городе великого Шаха Исмаила Хатаи, в шестилетнем возрасте с родителями переселился на родину Низами, Джавад хана - в достославную Гянджу, где прошли его детство и юность; здесь он получил образование, здесь же впоследствии трудился на ниве просвещения, преподавал, дебютировал в литературе, начинал научную деятельность.

Позднее Мир Джалал переехал в Баку. В этом городе он снискал признание и славу как прозаик, ученый, педагог; в этом городе он жил до конца своих дней, став отцом, дедом, аксакалом, и обрел вечный покой на бакинской земле.

По сравнению с нашей тысячелетней поэзией художественная проза - относительно молодой жанр нашей литературы. Хотя в наших дастанах, начиная с "Китаби Деде Горгуд", сказках, анекдотах Моллы Насреддина, преданиях, легендах содержатся элементы прозы. "Жалоба" гениального Физули написана художественной прозой, однако история новой азербайджанской прозы начинается лишь с XIX столетия произведениями Исмаил бека Куткашенского, Аббаскули ага Бакиханова и особо значимой повестью Мирзы Фатали Ахундова - "Обманутые звезды". Наша проза в XIX веке, как правило, не выходившая за рамки отдельных рассказов, лишь в первые десятилетия двадцатого столетия осваивает крупные формы; только с 20-30-х годов в азербайджанской прозе формируется жанр романа. В этом смысле Мир Джалал является одним из первых наших романистов. Романы "Манифест молодого человека", "Воскресший человек", отражавшие особенности той эпохи, в которой были созданы, вместе с тем, войдя в школьные и вузовские учебники, утверждали жанр романа в национальной литературе.

В литературной деятельности Мир Джалаля наряду с его художественной прозой важное место занимают научные исследования, литературоведческие изыскания. Исследования о Физули, Джалиле Мамедкулизаде, учебник по теории литературы - значимая и органическая часть его творческого наследия.

Влюбленная приверженность к классическому искусству Мирзы Джалила естественным образом сопрягает две ипостаси его деятельности - художественную прозу и научное творчество. Если как ученый он стремился раскрыть тайны мастерства Мир-

Mir Jalal Pashaev

На III съезде писателей: справа Мир Джалал, Нигяр Рафебейли, узбекская поэтесса Зульфия, Мирварид Дильбази, во втором ряду Мамед Ариф, Сулейман Рагимов, Осман Сарывелли, Расул Рза. Декабрь 1958

зы Джалила-художника, то как писатель посвящал свои силы продолжению художественных традиций великого предтечи. В этом отношении особую ценность представляют рассказы, написанные в духе и стиле Джалила Мамедкулизаде. Хотя в наши времена немодно вспоминать ленинские суждения, мне приходит на ум одобрительный отзыв Владимира Ильича о стихотворении Маяковского “Прозаседавшиеся”. Рассказ Мир Джалаля “Иджлас гурусу” (“Заседательский сухарь”), как и стихотворная сатира Маяковского, бьющая по “заседательской эпидемии”, ставшей характерным атрибутом советского образа жизни, и поныне звучит актуально. В лице персонажа рассказа автор сатирически изобразил тотальную официальщину, бюрократизм, превращавшие живую индивидуальность в ходячего робота, сухаря, заседательщину, которая заражала даже семейно-бытовой уклад. То, что герой-сухарь окрестил свою родную дочь смехотворным именем “Маруза” (“Доклад”), - едкая и меткая сатирическая находка писателя. Рассказ сохраняет свою актуальность, потому что и сегодня не перевелись охотники переливать из пустого в порожнее, проводя затяжные и бесмысленные собрания.

Еще один рассказ Мир Джалала, написанный в сатирическом ключе, - “Правила хорошего тона новомодной свадьбы”. Перечитав этот рассказ, достойный стать в ряд классических, я удивился тому факту, что наши режиссеры до сих пор его не инсценировали, не вывели на телеэкран. Рассказ наглядно, на зримых деталях живописует сценки из иных пошлых свадебных торжеств, как бы выхваченных из наших дней, кажется, видишь их “вживую”, в актерском исполнении...

*Слева: Мамед Рагим, Ильяс Эфендиев, Мирварид Дилбази, Мир Джалаал, Расул Рза.
На заднем плане: - композитор Сулейман Рустамов и академик Мамед Ариф*

Биби - Тетушка - из породы дотошных “свадьбоманов” - внушиает своему неискушенному племяннику, как подобает вести себя во время современных торжественных застолий:

“Первое - не пристало зевать, икать, кашлять, чихать, потягиваться; второе - сиди прилично, не чавкай, не должно, чтоб губы лоснились от жира, смейся, да не гогочи, слегка улыбнешься - и ладно, говори, да не ори, бормочи - помолчи, веди речь о том о сем, чтоб обо всем и ни о чем... поздоровайся со всеми, познакомься, можно и почмокаться... клади стакан на блюдечко без стука, рюмку двумя пальчиками держи, ложкой не скрябай... тарелку не скобли, скатерть не марай, стулом не скрипи, в носу не ковыряй, не ерзай, не чешись, шапку долой, ворот застегни...”.

На свадьбе, регламентированной подобными инструкциями, доведенной до абсурда, происходят казусы, один нелепее другого, и разражается такой скандал, что мало не покажется.

Писатель нашел интересные и меткие детали, метафоры для живописания отдельных персонажей и сценок свадьбы:

“В уготованном месте расселись музыканты, настроили инструменты, завелись, да еще как завелись. Тарист в каракулевой шапке, прижав тар к груди, впал в самозабвенный раж... Лопоухий парень с шалью на шее, в куцем пиджачке, зажав видавший виды бубен между колен, стал дубасить по нему, будто лупцевал скотину. А духовик, силившийся вдуть в кларнет всасываемый из комнаты воздух, рассыпал на пестрые платья разношерстной публики рулады. Все были поражены тем, как он два часа кряду, не переводя дыхания, дул в кларнет...” (курсив мой - А.).

Такая же точность детализации видна в описании танцующих: “Из-за стола поднялся и вышел вперед куривший папиросу через мундштук мужчина со съехавшим набок воротником. Распластав руки коршуном над своей благоверной, стал кружить вокруг

нее. Та расплылась в улыбке, отчего у нее нижняя губа отвисла. *Муж выписывал круги, а она, топчась на месте, сжималась и разжималась как гармошка...*”.

А вот еще изображение гостей: “У женщин, облаченных в цветастые платья, в ушах сверкали-блестали серьги, на шеях - ожерелья, на пальцах - перстни. Будто все это было навешано-нацеплено на распродажу. У мужчин поблескивали носы, у дам - ногти, у женщин белели лица, у мужчин - зубы, у них багровели шеи, а у дам - алели губы... У девицы в атласном платье и красных туфельках брови выгнулись скобками, носик - вопросительным знаком, она извивалась, трепыхалась, как рыбка, выброшенная на сушу. Потрепыхалась малость, а затем плюхнулась на свой стул, как прилипла...”.

В самом характере изображения, тоне повествования, в подборе красок, уподоблений сквозит чувство антипатии, отношение автора к этой “ярмарке тщеславия”. Но писатель не навязывает этого отношения в лоб, категорично, а дает почувствовать его языком искусства, посредством художественно-изобразительных средств.

Еще одно обстоятельство привлекает внимание. В период, когда писался рассказ, советской литературе возбранялось употребление обращений к Богу, Аллаху, клятвы именем Всевышнего и т.п. Учитывая эти идеологические табу, писатель находит выход, по-писательски прибегая к иносказанию, используя понятия “естество”, “сокровенные силы естества” там, где напрашивалось “Аллах”... Это ограждало от цензурного ока и вместе с тем послужило дополнительным штрихом к характеристике персонажей.

Например, подмена выражения “Да благословит Аллах” явно выспренным, громоздким “Да благословят сокровенные силы природы” порождает комический эффект. Или в том же духе употребленное пожелание “Да сподобят и вас милости сокровенные силы природы” звучало с оттенком явной иронии в отношении “богопротивной” цензуры и в широком смысле - безбожной советской идеологии...

Слева: Мамедгусейн Тахмасиб, Али Султанлы, Джадар Хандан, Фейзулла Гасымзаде, Мир Джалаал, Хидаят Эфендиев, Джадар Джадаров Мамед Джадар

Мир Джалал, Имам Мустафаев, Гамид Араслы

не: “Товарищи, прошу вас, потому как мы стали счастливыми. Товарищ жених, то бишь Бахлул, выпьем этот бокал за то, что ты из сотрудников нашего 21-го номера... как я просил, положено выпить!”.

В ходе повествования нам предстает “обмен любезностями” гостей новомодной свадьбы с ее “этическими правилами”: кто-то поднимает шум, накинувшись на соседа, мол, ты сташил у меня приправу для плова; другой гость предлагает жениху поцеловать вместо невесты тещу; третий, подшофе, протягивает полный стакан кому-то с угроузой: “Кто не выпьет - оболью!”. И, как апофеоз соблюдения этих “правил приличия”, жених начинает сортировать и оценивать подарки. Непонравившиеся дары вызывают у него возмущение: “Какого черта он принес! И на кой черт ты приняла! Изглагается, что ли, надо мной... когда его дочь родила, я уважил его, как человека, на сорок рублей раскололся. А теперь, в мой светлый день, кому такая подачка? Возьми, снеси, швырни ему... Сукины дети! Носки! Надо же, носки!”.

А вот какая точка ставится в конце рассказа. После всей этой катавасии племянник кается перед своей многоопытной теткой:

- Ты уж прости меня за то, что разочек я зевнул... нарушил правила приличия...

О других рассказах, романах Мир Джалала написано много. Подробно остановившись на этом рассказе, я постарался показать большое мастерство писателя в малом жанре, силу его сатирического пера, умение в сжатом тексте воссоздать запоминающиеся характеры, сцены, затронуть проблемы, не потерявшие своей актуальности и в наши дни.

Мир Джалал мудрим живет в благодарной памяти тысяч и тысяч читателей, питомцев, - и своими произведениями, и научным наследием, и трудом, посвященным преподавательскому поприщу.

20 апреля 2008 г.
Перевод С.Мамедзаде

Размышления о Мехти Гусейне

Человек ощущает свой возраст (не хочу сказать - старость) не только когда к прожитым годам прибавляются новые, но и когда празднуются крупные юбилеи людей, которых видел, знал, с которыми общался. В подростковом и юношеском возрасте, когда отмечалось столетие, к примеру, Мирзы Джалила или Сабира, мы, естественно, воспринимали наших корифеев, живших в те далекие годы, в историческом плане. Но когда только в этом марте мы отметили столетие академика Гамида Араслы и народного писателя Мехти Гусейна, мы еще раз осознали, как много лет и нам самим. Ведь мы лично знали этих людей, не раз виделись, беседовали с ними.

По распоряжению нашего уважаемого Президента столетие Мехти Гусейна будет отмечаться на государственном уровне. Об этом видном прозаике, драматурге, сценаристе, критике, одном из руководителей писательской организации будет напечатано множество статей, в том числе в органах писательского Союза, подготовлены радио- и телевизионные передачи. По инициативе Союза писателей уже выпущен номер специальной газеты, посвященной Мехти Гусейну.

Но эти мои размышления о Мехти Гусейне - несколько в ином ключе; юбилейной статьей их можно назвать с определенной натяжкой. Дело в том, что я уже который год работаю над большим романом - "Мой век и мой род" - и каждое лето обещаю себе его завершить. Надеюсь, нынешним летом я наконец исполню обещанное и завершу это документальное произведение. Необычность книги в том, что она вбирает в себя размышления, воспоминания трех людей - моего отца матери и меня самого.

У Расула Рзы есть поэмы, посвященные Мушфику и Сабиту Рахману, воспоминания о его современниках - Джаяре Джаббарлы, Назиме Хикмете, Самеде Вургуне, Микаиле Мушфика. Нигяр Рафебейли также написала воспоминания о Мушфика. Однако помимо этих письменных источников есть и не написанные, но живущие в моей памяти беседы, размышления моих родителей о времени, в котором они жили до меня, размышления о совместно прожитых нами годах, мое восприятие жизни после них. Словом, как я уже говорил, в определенном смысле это произведение трех авторов, и оттого, когда я пишу о людях - их современниках, естественно, я чаще обращаюсь к ним, нежели к личным воспоминаниям.

Несколько страниц документального романа "Мой век и мой род" посвящено Мехти Гусейну, и как знак моего глубокого уважения к этому большому писателю я хочу представить читателям данный текст:

"В поэме Расула Рзы "Если бы не было золотой розы", посвященной трагической судьбе Микаила Мушфика, в ряду портретных зарисовок современников есть и такие:

*Был еще один -
Хмурый,
Весь мир неправ,*

Mehdi Huseyn

*Прав лишь он.
 Разбрасывал камни
 Направо, налево,
 В тех, кого считал врагом, -
 Булыжники,
 В друзей -
 Гальку.
 Но все равно швырял.
 И драматург,
 И романист, и критик.
 А язык -
 Не говори, что не знаешь,
 Точно мой язык -
 Горькое ядро сахарного миндаля.
 Всем сердцем болел за нашу поэзию,
 Всем сердцем верил тому, что утверждал,
 Был ли прав или неправ.*

(Подстрочный перевод)

Эти строки - портретные черты Мехти Гусейна. Разумеется, портрет не полный, не цельный, но, во всяком случае, узнаваемый “без имени и адреса”. И дело не только в конкретных определениях: драматург, романист, критик... Вопрос в определении нрава, характера, поведения писателя. Во всяком случае, как минимум именно таким виделся Мехти моему отцу: задиристым, швыряющим камни во всех - “во врагов - булыжники, в друзей - гальку”, и в то же время человеком, всем сердцем болеющим за судьбу нашей поэзии, нашей литературы, искренне веряющим в правоту своих слов и действий. Что же касается известной остроты его языка и резкости суждений, то отец специально оговаривался: “Точно мой язык - горькое ядро сахарного миндаля....”.

В характерах Расула Рзы и Мехти Гусейна и вправду было много схожих черт. Оба они были литературными личностями, неравнодушными к судьбам родной

Расул Рза и Мехти Гусейн. 1932 г.

литературы, решительно убежденными в верности избранного пути, непримиримыми в литературных вкусах и позициях, бескомпромиссными, демонстрирующими к месту (а порой и не к месту) строгость поведения, высказывающими резкие суждения, амбициозными. Именно Личностями с большой буквы...

Быть может, именно схожесть черт в ряде случаев и приводила их к противостоянию. Есть определенная верность в народном выражении “Головы двух овнов не сварить в одном котле”. Порой они не воспринимали суждений, мнений друг друга. Спорили, ругались, даже ссорились, но проходило определенное время - мирились, сближались и плечом к плечу боролись за истинные национальные и художественные ценности.

На одной из книг Мехти Гусейна, подаренных моему отцу, есть такая надпись: “Старому другу, новому врагу Расулу”. Если выражение “новому врагу” было доверительной шуткой (врагам книг не дарят!), то слова “старый друг” были совершенно верными. Да и в литературе они пришли примерно в одно и то же время - в начале 30-х.

Размышляя об этом поколении 30-х годов, я вспоминаю, что в 1918 году, когда в Азербайджане была провозглашена первая Демократическая республика, Самеду Вургуну и Сулейману Рустаму было по 12 лет, Микаилу Мушфику - 10, Мехти Гусейну - 9, Расулу Рзе - 8 лет. В апреле же 1920-го, когда это правительство было свергнуто, они стали старше всего на два года... Как эти дети могли осмыслить идеологию демократического правительства или цели свергнувшей его советской власти?! Едва открыв глаза на мир, они поверили сладким послулам новой власти - свобода народов, классовое равенство, лозунги о справедливости и достоинстве. То, что новая власть произвела революцию в сознании, в условиях жизни, в определенной мере нашло отражение в поэме “Азер” даже нашего старейшего писателя - Гусейна Джавида. Создававший в период Демократической республики произведения, пропитанные национальным духом, выдающийся драматург Джрафар Джаббарлы в своей пьесе “В 1905 году” талантливо воспевал революцию, а в пьесах “Севиль”, “Алмаз”, “Яшар” - новую жизнь.

Самая большая несправедливость - осуждать ныне писателей, живших в ту эпоху, без верной, точной оценки этих надежд и обманов тех лет.

Еще неизвестно, как повели бы себя некоторые (я говорю не обо всех) из тех, кому довелось родиться и жить в новую эпоху - без преследований, давления, цензуры, без ссылок и казней, - живи они в те годы. Убежден, те, кто ныне клевещет, лжет и обливает грязью своих современников со страниц некоторых газет, непременно нашли бы применение своим “талантам” и в 37-м году, отправляли бы свои гнусные доносы в службы безопасности, а при случае - свидетельствовали против тех, кого оклеветали.

Вместо того, чтобы обвинять писателей советской эпохи как авторов лояльных с идеологической точки зрения режиму произведений, нам следовало бы быть благодарными им за пробуждение нашего национального самосознания, за то, что они воскрешали наше славное прошлое, тем самым давая новый импульс азербайджанскому духу, сохранению и обогащению азербайджанского языка. И Мехти Гусейна мы должны ценить не как автора революционных романов, а как создателя пьес “Низами” и “Джаваншир”, отражающих те страницы отечественной истории, одно упоминание о которых вызывает в нас гордость. Не каждому писателю достало бы смелости создать в советский период пьесу о Шейхе Шамиле - герое борьбы горцев против царской Рос-

ции. Один из старейших наших литераторов в связи с этой пьесой язвительно спросил тогдашнего партийного лидера: “Товарищ Багиров, разве можно на сцене отрезать голову русскому?”, - имея в виду постановку пьесы “Шейх Шамиль”. Немудрено, что разгневанный Мир Джадар тотчас наложил на нее запрет. Это факт, запечатлевшийся в моей памяти из рассказов отца.

В ряду давних литературных друзей - Сабита Рахмана, Микаила Мушфика, Абдуллы Фарука - Расул Рза вспоминал и Мехти Гусейна. В реквиеме, написанном на смерть Сабита Рахмана, имеются такие строки:

*А сейчас тебя нет,
Мушфика нет,
Микаила нет,
Фарука нет,
Нет Мехти...
Как мне одному вернуться туда,
Как дорогу ту перейти?*

(Перевод А.Грича)

Дружба с Сабитом Рахманом продолжалась до конца, меж ними никогда не возникало непонимания, холода или обид. С Мушфиком, Фаруком, Микаилом Рафили его разлучила смерть, а с Мехти Гусейном время от времени разделяла жизнь. Будучи ведущими деятелями “АзАПП”, поначалу они вместе активно участвовали в “литературных баталиях” (выражение Мехти Гусейна). Но именно в 30-е годы Мехти Гусейн в одном из своих выступлений, сравнивая “Кресло смерти” Самеда Вургуна с поэмой Расула Рзы “Германия”, отдавал предпочтение произведению Вургуна. Этот факт сам по себе еще ни о чем не говорит. Литературные вкусы бывают различными, и личное дело каждого принимать либо не принимать то или иное произведение. Но в этом факте интересно другое. Дело в том, что когда Мехти писал свою статью, мой отец еще не завершил работу над “Германией” и, разумеется, не опубликовал ее. Отец рассказывал: “Схватил я Мехти за грудки, спрашиваю: “Да как ты можешь критиковать мое произведение, если ты его не читал?!”. И что, ты думаешь, он ответил?.. - “Знаю ведь, что ты напишешь...”.

Но и слова, которые я сейчас приведу, написаны в 1931 году тем же Мехти Гусейном: “В творчестве наиболее видных представителей нашей современной поэзии - Самеда Вургуна, Сулеймана Рустама, Расула Рзы мы встречаемся с еще более здоровой идеологической тенденцией... Рзу отличает от названных выше поэтов одно качество: молодой поэт идет по пути усиления художественности произведения за счет остроты идей. Многие удачные стихи одного из молодых пролетарских поэтов - Расула Рзы, посвященные нашим самым ударным вопросам, достаточны, чтобы показать, каких вершин за короткое время способна достичь азербайджанская пролетарская литература... Его прежде всего интересуют повседневные вопросы. Это характеризующее его качество мы должны пропагандировать в нашей пролетарской поэзии”.

Накануне кровавых событий 30-х годов, к счастью, они были вдалеке от Баку, и это спасло Самеда Вургуна, Расула Рзы, Мехти Гусейна, Сабита Рахмана от репрессий 1937

года. Сегодня некоторые желают внедрить в общественное сознание мысль, что якобы все репрессированные в те годы - это люди достойные, а остальные - недостойные. Это бесчестное суждение! Повторю мысль, уже однажды высказанную: репрессии 37-го года были не чем иным, как не поддающейся конкретной логике лотереей: арестовали и великого Джавида, и подвергавшего его жестоким нападкам Ахмеда Тринича; Мушфику, написавшего "Пой, тар", и комиссара, запрещавшего тар; Ахмеда Джавада и измывавшегося над ним безжалостного критика... Среди расстрелянных был прославившийся особой свирепостью советский комиссар, заливший кровью пол-Гянджи, уничтоживший все бекские семьи. Среди оставшихся были и те, кто писал отвратительные пасквили на вчерашних друзей и коллег, и те, кто, храня достоинство, молчал. При режиме тотального террора немолчание означало одно: ничего не достигнув, вместе со своей семьей разделить участь ушедших...

Расул Рза в поэме, посвященной Мушфiku, писал:

*Правда,
среди подписей,
бывающих его как пощечины подлецов,
моей подписи не было,
никто не брал у меня подписки.
Но как говорить мне спокойно,
что я не крикнул во весь голос,
не призывал народ выступить
против несправедливого приговора.
Сейчас я говорю спокойно, произношу эти слова,
но, честно, не знаю,
можно ли было кричать, вопить
в то время, когда
кровавые следы преступлений
сметали преступления.
Можно ли было кричать
в те дни,
когда Хорены правили бал,
а Рухулла истекал кровью в подвале?*

(Подстрочный перевод)

Мехти Гусейн и мой отец учились в Москве на одних и тех же Высших кинокурсах и там тоже тесно общались между собой. В 40-е годы Расул Рза был назначен сначала директором киностудии, затем министром кинематографии и, став министром, предложил на свое место - директора киностудии - Мехти Гусейна. В 1945-1946 годах главным редактором журнала "Азербайджан", издававшегося арабской графикой на азербайджанском языке в Иране, был Расул Рза, а его заместителем - Мехти Гусейн.

Позднее отношения отца и Мехти Гусейна обострились, эта ситуация, она помнится и мне, выплеснулась и на страницы газет. В 50-е годы Мехти Гусейн подвергал мо-

его отца резким нападкам, а отец, естественно, не оставлял их без ответа. Разумеется, можно спорить, кто более виноват в этих сложных отношениях, но как бы там ни было, высказывать мне суждение по этому поводу выглядело бы необъективным.

Да и нет, пожалуй, надобности, особенно в юбилейные дни, выпячивать этот вопрос. Но и то истина, что в юности я зачитывался произведениями национальной литературы - романами Мирзы Ибрагимова "Наступит день", Мехти Гусейна "Абшерон"... Конечно же, Мехти Гусейна я знал с детства, но с детьми ведь не ведут литературных бесед. Ближе я узнал его позже - в 1962-м или 63-м году. Это случилось в Москве, в его гостиничном номере. Наша увлекательная с ним беседа утвердила во мне убеждение, что в последнее время, особенно после поездки писателя в составе советской парламентской делегации в Турцию, произошла серьезная переоценка в его мировоззрении. Он стал более терпимым к пишущим в другом стиле, к художникам, идущим своим литературным путем. К примеру, одно время не воспринимавший такого мастера, как Кара Караев (он говорил моему отцу: "То, что ты и Джафар Джафаров защищаете Кара, не случайно"), позднее он в корне изменил свое отношение к автору "Семи красавиц". Произошло это после тесного общения Мехти Гусейна с великим композитором во время сессий Верховного Совета в Москве: теперь он уже воспринимал Кара Караева как композитора, несомненно, близкого к духу народной музыки, и даже опубликовал статью, в которой осыпал его самыми высокими похвалами.

В 60-е годы и отношения с моим отцом несколько выровнялись - стали более доброжелательными, мягкими, дружескими (если вообще возможно применить по отношению к этим двум резким по натуре людям слова "мягкие, доброжелательные"). Во всяком случае, как только в эти годы начинались нападки на Расула Рзы, Мехти Гусейн все чаще принимал сторону моего отца. Когда Хрущев развернул кампанию против художников-абстракционистов, в Азербайджане подобной мишенью избрали цикл стихов Расула Рзы "Цвета". В газетах публиковались одна за другой "разоблачительные" статьи. Когда один из старых друзей Мехти Гусейна упрекал его за то, что тот не включился в эту кампанию, Мехти Гусейн отвечал: "Так ли важно искать у нас аналог каждой московской тенденции?". Старый друг настаивал: "Искать не надо, "Цвета" Расула Рзы перед глазами".

То, что Мехти Гусейн не проявлял требуемого от него отношения к этой кампании, было для него затруднительно вдвойне, ибо он был не только писателем, но и как руководитель писательского Союза был обязан поддерживать злобные критические ста-

Мехти Гусейн и Назим Хикмет

тыи, печатающиеся в органе творческого Союза - газете “Адабият ве инджесенет”. Но не поддержал.

Я вспоминаю с благодарностью и доброжелательное отношение Мехти Гусейна ко мне.

Наряду со знанием родной азербайджанской литературы писатель хорошо знал мировую, русскую классическую и современную литературу, отлично разбирался в теории литературы. Учеба на кинокурсах в Москве обогатила его и знанием мирового и советского кино. Обучаясь в 1962-64 годах на Высших сценарных курсах, я просмотрел большинство не демонстрируемых в те годы в СССР фильмов, и во время все той же беседы в номере гостиницы “Москва”, заговорив о некоторых из них, почувствовал живой, неподдельный интерес к своим суждениям. Причем это не был интерес, демонстрируемый вежливости ради, дабы не погасить мой юношеский задор и не огорчить меня. Писателя искренне интересовали поиски, тенденции мирового искусства, и, говоря о только-только узнаваемой в СССР экспериментальной драматургии Беккета и Ионеско, Мехти Гусейн воспринимал ее не как человек, воспитанный на тенденциях советской литературы, не как догматик, долгие годы принимавший без всяких сомнений ее теории, а как истинный интеллигент, сознающий, что нет границ поискам в искусстве. Это обновление не ограничивалось только лишь эстетическими ценностями, но находило отражение в его подходе к общественно-историческим вопросам. Автор “Комиссара” именно в эти годы создал роман “Подземные воды стекают в море”, бичующий сталинскую эпоху...

И в члены Союза писателей я был принят в годы, когда там председательствовал Мехти Гусейн. К тому времени мною была издана одна небольшая книжечка и опубликовано несколько рассказов в Баку и Москве. В мягкой форме Мехти Гусейн раскритиковал в печати один из этих рассказов - “Такси и время”. И был абсолютно прав в своей критике. Но, видимо, его отношение к другим моим работам было неплохим, хотя об этом он ничего не писал. Юсиф Самедоглы говорил мне, что после смерти Мехти Гусейна он ознакомился с некоторыми заметками из его дневника. В этих заметках, что писались исключительно для себя, Мехти Гусейн доброжелательно отзывался о Юсифе и обо мне. “Этот наш земляк такой-то (знаю, о ком шла речь, но не назову - А.) только знает, что нашептывать на Юсифа и Анара”. Услышанное мною из уст Юсифа я запомнил слово в слово. Оказалось, Мехти Гусейн писал в дневнике, что не согласен с “шептуном” и возлагает на нас надежды.

Удивительные дела случаются на свете. Исключая критическое суждение о рассказе “Такси и время”, Мехти Гусейн никогда - ни печатно, ни устно - ничего не говорил о моих работах, не высказывал своего отношения. И лишь несколько лет назад, роясь в своем архиве, я наткнулся на забытое мною письмо. Оно было от Наджиба Карадага - турка, живущего в селе Либлей Разградского района Болгарии. В письме говорилось: “Уважаемый товарищ Анар! Я знаю Вас с 1962 года. Я получил от покойного Мехти Гусейна Вашу небольшую книгу, узнал и полюбил Вас. Вы тогда были молодым писателем. Мехти Гусейн очень любил Вас”.

Эта весточка от Мехти Гусейна, донесшаяся до меня словно из далеких миров, долгих лет и веков, бесконечно обрадовала меня. Ведь я ничего не знал об этом...

Мехти Гусейн был убит на одном из очередных “кровавых” заседаний писательского собрания, отец мой был в тот период в Москве. Пишу “убит”, ибо человека убива-

Надгробный памятник Мехти Гусейну

ют не только пулей, ядом, пытками - его ранят сокращающим жизнь словом, несправедливым оппонированием, колкостью, даже язвительным тоном... У Мехти Гусейна есть рассказ "Словесная рана". В наши дни, не находя другой цели в своем гнусном существовании, отдельные индивидуумы, не стыдясь, объявляют целью своей жизни доведение кого-то до смерти. Капля за каплей превращаются в озеро, и порции яда, вливающиеся в кровь человека, день за днем сталкивающегося с пересудами, упреками, клеветой, однажды переполняют чашу терпения - и сердце не выдерживает. Разрывается. Так и сердце Мехти Гусейна, не вынеся несправедливых, незаслуженных обвинений, атак, остановилось... Подробности того заседания были известны лишь непосредственным участникам, членам Президиума Союза писателей, увы, ныне ушедшим из жизни, и тем, кто слышал о случившемся от очевидцев. По этим и многим другим причинам я не хочу вдаваться в детали происшедшего. Скажу лишь, что имен самых активных участников наскоков, атак на Мехти Гусейна, в отличие от других членов Президиума, в некрологе по поводу кончины писателя не было.

Помнится, молодые писатели того времени, живущие духом вольнодумного образования, полученного в Москве, - Фикрет Годжа, Акрам Айлисли, Эйваз Борчалы - составили гневное письмо, направленное против тех, кто был виновен в кончине Мехти Гусейна. Я в то время работал на радио, мне принесли письмо - я, не раздумывая, подписал его. Затем нас стали таскать по различным инстанциям, в Центральном Комитете, в руководстве комсомола с нами вели "воспитательные" беседы. На вопрос комсомольского секретаря: "Отчего вы обвиняете этих людей?" - я ответил вопросом: "Если они ни в чем не виноваты, почему их имен нет в официальном некрологе?"

Но что пользы?.. Случившееся случилось. Ни Мехти Гусейна не вернуть, ни отрицать причин трагедии и ее виновников, ни заставить нас отказаться от своего знания...

Вернувшись из Москвы мой отец искренне сожалел по поводу смерти Мехти Гусейна, сказав: "Если бы я присутствовал на этом заседании, я не позволил бы припирать Мехти к стене, защитил бы его..."

P.S. В книге покойной Зивер Гусейновой, дочери Мехти Гусейна посвященной своему отцу, досконально, подробно и объективно рассказывается о событиях того рокового дня, когда был убит Председатель Союза писателей в своем рабочем кабинете.

* * *

Сто лет назад в небольшом селе Газаха в интеллигентной семье родился ребенок по имени Мехти. Он вырос, связал свою жизнь с литературой, получил серьезное образование в Баку и Москве, благодаря неустанному стремлению, трудолюбию, постоянно самообразованию стал обладателем глубоких знаний, создал значительные произведения, убежденно боролся в литературных баталиях за идеалы, которые считал единственными верными, и в итоге стал словно в окопе, мишенью - на своем рабочем месте, за своим рабочим столом ...

Всю жизнь он так жил, так творил, оставил столь глубокий след, что как говорил поэт, "когда он ушел, ясно явилась пустота, образовавшаяся на его месте".

15 марта 2009 г.
Перевод Азера Мустафазаде

Путник тернистой дороги

Есть люди и события, при мысли о которых душа наполняется светом, и сполохи этого света проступают на наших лицах - мы невольно улыбаемся.

Думая о Сабите Рахмане, внутренне светлеешь, губы трогает улыбка, и накатывает волна теплых чувств.

Знавшие его лично еще острее проникаются этим добрым-просветленным настроением. Сабит Рахман был “самым старинным, самым близким другом” отца моего - Рассула Рзы, часто приходил к нам домой. Каждое его появление было радостью не только для отца, но и для нас, создавая атмосферу веселого озорства, задора и смеха. Громкое припечатывание шашек в ячейки нард, с потягиванием огненного чая, шахматные баталии и споры вперемежку с сочными байками и перешучиванием. Причем Сабитами, рассказывая смешную историю или выдавая остроту, сохранял невозмутимый вид, только в глазах сквозили озорные смешишки, а мы покатывались со смеху. Бывало, квартиру заполняли звуки музыки. Сабитами музиковал, играл народные мелодии на пианино, пожалуй, сочнее, зажигательнее иных профессиональных музыкантов. После каждой встречи, телефонного разговора с Сабитами у моего отца поднималось настроение, лицо теплилось улыбкой. У них были свои, особые, быть может, только им самим понятные шутки. Какие-то намеки, аллюзии, скрытые шпильки, подначки, выражения они несли с собой с далеких молодых лет и хранили всю жизнь. Этот стиль “зашифрованной шутки” виден и в их переписке. Отец мой пишет: “Мы с ним пережили вместе и горячие деньки молодости, и холода старости, у нас с Сабитом была частая переписка. Но эти письма насыщены столькими шутливыми, забавными и зачастую непонятными ни для кого штрихами, что опубликовать ее или дать образцы не представляется возможным”.

Отец почему-то называл Сабитами Абдурахманом Сабитом или Абдурахманом, а то и Абдулом. Стихотворение “Товарищ трактор”, написанное Сабитом Рахманом в юности, посвящено моему отцу, по словам которого, и это посвящение само по себе являлось шуткой, подначкой. Отец со смехом повторял строки этого стихотворения:

*...Захохотав на пuze кулака,
трактор возвестил...*

Вообще, отец часто вспоминал озорные реплики, остроты Сабитами. Вспоминается его разговор: “У Фарука⁵⁶ было обыкновение при каждой незадаче зарекаться: “Ладно, пусть это послужит мне уроком”. Однажды Сабит отозвался: “Ай Фарук, не знаю,

⁵⁶ Абдулла Фарук - известный поэт.

Сабит Рахман

когда же ты закончишь этот “университет”?” (Я использовал эту реплику С.Рахмана в своей пьесе “Человек человека”).

Или другой пример. У ученогоязыковеда по имени Давуд привычка: при разговоре он разглядывал собеседника, приложив к глазам ладонь, свернутую трубочкой, - как в бинокль. Сабит говорил: “Фокусирует зрение”.

Отец с Сабит-ами понимали друг друга с полуслова. Стоило одному открыть рот - другой схватывал на лету, что к чему. Помнится, один из наших знакомцев рассказывал анекдоты “с бородой”. И начинал эпично: “Однажды некий мужчина...”. Отец не выдержал: “Да это же тот самый мужчина, что был в прошлый раз”. Сабит-ами подхватил: “Да, тот самый, и борода у него здорово отросла”.

Отец любил не только устные экспромты Сабит-ами, но и хлесткие, подчас парадоксальные высказывания

и пользовался ими при случае наравне с анекдотами Моллы Насреддина или, скажем, репликами из гаджибековского “Мешади Ибада”: “Мне важно не выполнение плана, а телеграмма правительству, что план выполнен” (Керемов из “Свадьбы”). Или: “Хорошо Маркс сказал, что из интеллигента человека не получится” (один из отрицательных персонажей в “Друзьях-приятелях”).

Кончина Сабита Рахмана сильно подействовала на моего отца, и в последние тяжело прожитые годы жизни он очень тосковал по ушедшему другу. Написал поэму “Дни минули, жизнь прошла...”.

...Заклеймил керемовых,
 мирза-гаранфилов высмеял,
 в каждой сцене мечтанья
 души своей высветил.
 Уязвляли - жалили
 зоилы, первом скрипя.
 Но в сердце своем обожал,
 берег народ тебя.

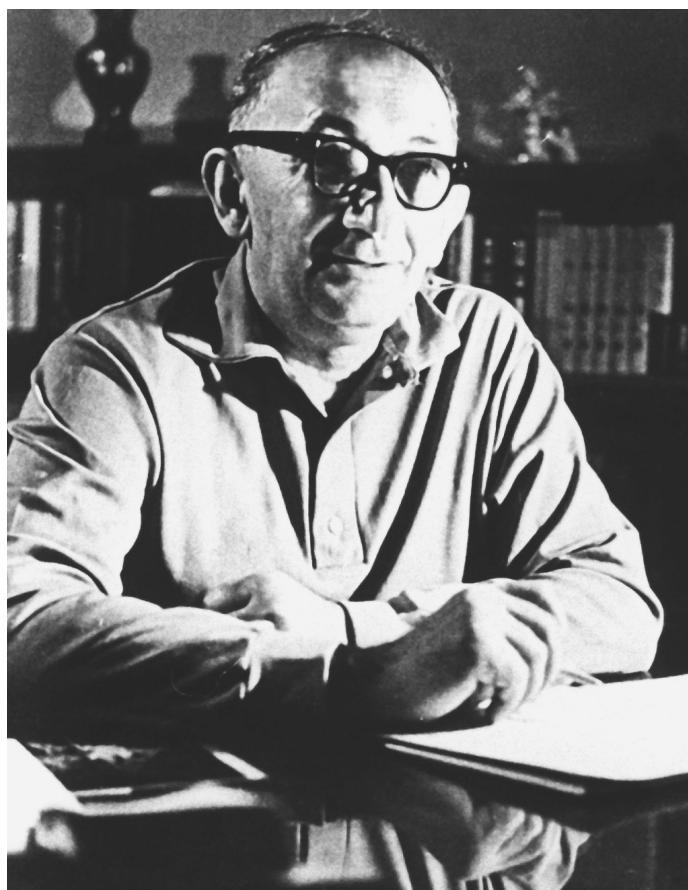

Расул Рза и Сабит Рахман. 1934 г.

*Один совершил работу
За целую, может, дивизию.
Пусть люди раскусят, вызнают
рвачей и проныр породу.
Знающий - знает - кем был
ты, вырывавший с корнем
сорные травы, ярясь,
скверну сметавший, чтобы
путь не поганила мразь.*

...У меня на слуху голоса их обоих. Вот они сражаются в нарды, попивая чай с сахаром вприкуску, шутливо журя друг друга: “Слушай, имей совесть, сколько можно выбрасывать “шеш-гоша”?!?” - “А когда ты подряд выдавал по паре “джахар”?!?”⁵⁷

* * *

Сабит Рахман за работой

Сабит Керим оглы Махмудов, родившийся 26 марта 1910 года в Шеки, на родине первого драматурга и комедиографа на Ближнем Востоке Мирзы Фатали Ахундова, впоследствии снискал широкую славу как автор первой комедии в советском Азербайджане, мастер сатиры, создатель пьес, рассказов, повестей, романов, сценариев, либретто, оставил интересные статьи, мемуары, заняв самоприсущее место в истории нашей литературы как Сабит Рахман.

Чарующий уголок Азербайджана, Шеки не только родина Мирзы Фатали, но и писателя с сочным и колоритным юмором - Рашид бека Эфендиева, целого ряда ярких комедийных актеров. И это не случайно, ибо тонкое чувство юмора у шекинцев в крови, и этот город вполне может именоваться азербайджанским Габрово. И юмор Сабита Рахмана питался не только литературными традициями, но и богатой фольклор-

⁵⁷ “Шеш-гоша” - две шестерки; “джахар” - четыре; удачные цифры игральных костей при игре в нарды.

ной сокровищницей, забавными небылицами - “гаравелли”, стихией народной речи, звучащей на улицах, базарах, площадях, в быту, с ее метким, острым словцом, прибаутками, присловьями, прозвищами, оборотами не без перчинки... Конечно, в “вызревании” смеха Сабита Рахмана, несомненно, велика роль национальной юмористической художественной и фольклорной традиции. Сабит Рахман - литературный продолжатель фольклорного и легендарного Моллы Насреддина, последователь и наследник сатирической школы Мирзы Фатали, Мирзы Джалила, Мирзы Алекпера Сабира, комедийного наследия Узеира Гаджибекова. Но налицо и отличие раскатисто-звонкого хохота Сабита Рахмана от горького смеха великих предтеч. Смех Сабита Рахмана - оптимистический смех новой эпохи, нового социального мира. Его смеху не чужды и сатирическая резкость, и горько-иронические, саркастические гневно-изобличительные оттенки, но по сути, по природе, - это смех светлый, смех общества, уверенного в своем будущем.

Первая комедия Сабита Рахмана и национальной литературы новой эпохи называлась “Свадьба”. Название очень характерное. В смехе Сабита Рахмана доминирует мажорный, праздничный настрой, атмосфера радостного ощущения бытия.

Да, Сабит Рахман был художником “счастливых людей”. Но это отнюдь не превращает его искусство в беззаботную развлекаловку, в беззубое действие. Сабит Рахман писал о “Счастливых”, но от его сатирического прицела не ускользали и “друзья-приятели”, вставлявшие палки в колеса этих счастливцев. Он радовался счастью “Обрученной девушки”, но высмеивал в “Алигулу женится” тех, кто “гарцует на старости лет”.

В богатой галерее его сценических образов мы видим многомерную гамму авторского отношения и звучания смеха - от едко-сатирически выписанных Миндилли, Шелале, Тарлан ханум до представленных с теплой сочувственной улыбкой Уста Сейгяха, Халила и подобных персонажей. В центре этой смехопалитры - на стыке резкой, непримиримой сатиры и тонкого, оздоровляющего и воспитывающего юмора стоит классический образ Керемова. Как социальный тип и индивидуальный характер, Керемов, быть может, самый большой вклад Сабита Рахмана в нашу литературу. Фразы, выражения Керемова уже давно передаются из уст в уста, живут в народе почти как пословицы, как и выражения из “Мешади Ибада” (“Не та, так эта”), и имя Керемова, как литературного персонажа, стало нарицательным, увековечилось, как имена Гаджи Гара из одноименной ахундовской пьесы и Мешади Ибада из комедии Уз.Гаджибекова.

Живые, непохожие друг на друга персонажи Сабита Рахмана воссоздали на нашей сцене мастера редкостного комедийного дарования, и их неповторимый талант засверкал в этих ролях. Со сценическим воплощением его комедий выявилось мастерство построения комедийного действия наших выдающихся режиссеров Адиля Искендерова, Магеррама Ашумова, Мехти Мамедова, Шамси Бадалбейли, Тофика Кязимова.

Интересны и воспоминания писателя. Читая эти воспоминания, думая о месте в истории нашей культуры Сабита Рахмана, лично знавшего Мирзу Джалила, Азима Азимзаде, Гусейна Джавида, Джрафара Джаббарлы, Исмаила Идаятзаде, представляешь себе эстафету духовной жизни, неразрывную цепочку связи времен, и вообразить эту цепочку преемственности невозможно без Сабита Рахмана. В своих воспоминаниях он пи-

шет о встречах с выдающимся просветителем и драматургом Рашид беком Эфендиевым - земляком, родственником и учителем. Рашид бек поведал своему молодому земляку о первом спектакле в Шеки - постановке “Гаджи Гара” и о происшествии, случившемся во время спектакля.

Из-за отсутствия подходящего помещения спектакль пришлось играть в конюшне, находившейся у старинной крепости. Когда по сюжету Гейдар бек закурил трубку, искра упала на пол, и загорелось сено. Рашид бек, игравший роль главного героя, не растерялся: “Ай, аман, - закричал он, - лавка моя горит!”. И, кинувшись к пылающему сену, погасил огонь. Никто из зрителей не догадался о невольной и удачной импровизации. Эпизод сам по себе интересный, но еще примечательнее то, что об этом происшествии Рашид бек рассказывал самому Мирзе Фатали, и великому писателю эта “отсебятина” очень понравилась. “Если бы вспышку огня, случившуюся на сцене, взялся гасить не Гаджи Гара, а Гейдар бек, а исполнитель роли Гаджи Гара не отреагировал на это происшествие, получилось бы неестественно. Но вопль Гаджи Гара: “Ай аман, лавка моя горит!” - естественен и проистекает из его натуры”, - так говорил старый Мирза Фатали молодому Рашид беку Эфендиеву. И много лет спустя, в преклонные годы, Рашидбек рассказал эту историю молодому Сабиту Рахману. Минуло время, и пожилой Сабит Рахман поведал об этом молодому поколению в своих воспоминаниях. Эта эстафета являет собой не только связь отдельных литературных личностей, но и свидетельствует о неразрывности и непрерывности национального культурного процесса. Эта связь не только “виртуальна”, через книги, письменные источники, а живая, через общение, из уст в уста передававшаяся духовная эстафета. Не будь этой духовной непрерывности, преемственности, погас бы вечный огонь лампады культуры.

И животворная “соль”, унаследованная Сабитом Рахманом от Джалила Мамедкулизаде, - не только почерпнутая из его творений, но перенятая от личности, поведения предтечи и донесенная до нас частица этой эстафеты.

В своих воспоминаниях он заводит речь и о связях с театром. Как и сотни молодых людей из провинции, приехавших в Баку, он после спектаклей у служебного входа ждал своего кумира - Аббаса Мирзу Шарифзаде. В один прекрасный день Джафар Джаббарлы великолушно проводит молодого театрала через ту же служебную дверь и рекомендует его на должность заведующего литературной частью - словом, причащает его к этому храму искусства. И, наконец, настает пора, когда сотни зрителей, пришедших в театр, лицезреют персонажей комедии Сабита Рахмана, рукоплещут, смеются, задумываются.

Как один из этих зрителей, смотревший большинство пьес Сабита Рахмана, могу свидетельствовать, что зал драмтеатра имени Азизбекова никогда не оглашался столь продолжительным, дружным и неудержимым хохотом.

Искусство Сабита Рахмана и поныне продолжает смешить, веселить, изничтожать и воскрешать. Ведет сатирический огонь на поражение всевозможных антиподов, препятствующих нашему движению, исцеляет язвительными уколами и горькими пилюлями заразившихся бюрократической хворью и мздоимством, врачует, возрождает и возвращает в ряды полноценных граждан, и все эти оздоровительные операции осу-

ществляет как бы играючи, весело, лихо, с шутками-прибаутками, побуждая смеяться от души.

Жанр смеха - осмейния, быть может, самая неувядающая, неистребимая форма художественного творчества. Смех не умирает, не стареет, не дряхлеет до полного упадка сил, над ним не властно время.

Сколь больно и горько нам терять физически больших художников, столь утешительно и отрадно бессмертие и долговечность их искусства.

Истинные художники - “долгожители”. Сабит Рахман прожил лишь шестьдесят календарных лет этой некалендарной долгой жизни. Она простирается за черту ухода художника из жизни. Посмертная жизнь как бы проживается без творца - в сердце знавших, помнивших его.

Мы говорим: Сабит Рахман поныне остается с нами. Говорим не ради красного, утешительного словца. Говоря об этом, мы подразумеваем шеститомник Сабита Рахмана - драгоценный дар читателям; вспоминаем новые постановки его пьес, сотрясающих смехом театральные залы, молодой азербайджанский театр - Шекинский театр имени Сабита Рахмана, снискавший широкую славу; думаем об Эмине Сабитоглы - авторе популярных песен, звучавших ежедневно в радиоэфире и на телеэкране.

Первый и один из лучших рассказов Сабита Рахмана называется “Неверный”. Сабит Рахман всегда оставался верен своей писательской и гражданской совести, родной сцене, ее бессмертным традициям. Хранить верность его памяти, его творческому наследию, имени и урокам Сабита Рахмана - наш всеобщий долг.

Слева: Мирза Ибрагимов, Сабит Рахман, Энвер Мамедханов

* * *

У жизни, продолжающейся в памяти людей, есть свои временные законы, - это время может замедлить ход, остановиться или ускорить движение.

При размышлении о Сабите Рахмане, воспоминании о днях, когда я внимал ему или вступал в разговор с ним, Время, текущее в моем внутреннем мире, в какие-то моменты как бы замирает, застывает, - приходит на память сказанное им слово или перед взором оживает какое-то запомнившееся выражение его лица.

Затем Время словно начинает прокручиваться вспять, минует дату моего рождения, устремляясь в былье, далекие годы, в дни, которые я не пережил, но о которых знаю по рассказам.

*Комната - хоть шаром покати.
Хочешь, в дверь заходи,
Хочешь в окно, все равно.
Летом с улицы - зной.
Холодина - зимой.
Называли мы это жилище
в те времена
“Сабит-хана”...*

Начало тридцатых годов. Хибара Сабита Рахмана в Верхней махалле - “не тронь - развалится”. Гости этой развалюхи - молодые холостые поэты, прозаики, у которых “в кармане ни гроша, беспечальная душа”...

Молодые, пылкие, блаженные воспеватели молодого, напористого общества... Все испытания еще впереди - потери и жертвы грядущих годов, война, лихолетье... Все еще впереди - слава, аплодисменты, неправедная критика, большие творения, мелкие обиды...

И охлаждение, и сетования, и тяготы быта, и денежные дни, и безденежье, востребованность и безработное время...

И семейная жизнь, и радости отцовства и дедовства, и недуги, и награды, юбилеи и наплывы одиночества, и часы шахматной “отдушины” и разрядки в нарды... Все, все еще впереди.

Узкий переулок, ведущий в “Сабит-хану”, прозвали “Дарданеллами”. Пройдя через него, набивались в тесную каморку, дымили папиросами, читали стихи, рассказы, спорили, перешучивались, балагурили... Из окна, с нагорья, виделся весь Баку, голубая каспийская бухта... Впереди был город, растущий не по дням, а по часам, прираставшие годы жизни, чья-то жизнь рано оборвется, чья-то - продлится дальше, дольше.

Минуют годы, и он вспомнит эту молодую пору со светлой печалью: “Расул был серьезным, мечтательным, в то же время жестким, гордым парнем. Но наряду с этим - целящим юмор, понимающим шутку, любящим посмеяться, и мы стали друзьями в истинном смысле слова... У нас было множество товарищей. Среди них самым близким

и закадычным был Микаил Мушфик. Мы встречались в моей комнатушке в “даглинской” махалле, отводили душу смехом, разговорами, затем выбирались в город. Порой целые дни проводили вместе. И все же не могли вдосталь наобщаться друг с другом. Расставались нехотя”.

Минули годы, прошла жизнь. О судьбах каждого из них можно многое передумать, многое написать. Сейчас речь о Сабите Рахмане. Конечно, судьба Сабита Рахмана выглядит куда благополучнее и безбеднее, чем горькая участь Микаила Мушфика или Абдуллы Фарука. Но даже кажущаяся гладенькой-ровненькой жизнь художника насыщена внутренним напряжением, потрясениями, утратами. Вообще путь творчества тернист, крут, ухабист. А путь писателя сатирического куда круче и тернистее. Сабит Рахман это очень четко осознавал и знал. В предисловии к циклу моих рассказов “Молла Насреддин-66”, опубликованных в “Улдузе” (№ 7 за 1968 г.), он писал: “Путь юмориста, сатирика - путь многотрудный, чреватый опасностями. Но деянье его - благородное и доброе”.

Разумеется, Сабит Рахман в этих словах только вновь подтверждал общеизвестную истину. Но, очевидно, есть истины, которые нужно вновь и вновь подтверждать. Все еще есть люди, с подозрением и настороженно относящиеся к юмору, а тем более к сатире, боящиеся, не приемлющие и остерегающиеся их... Да, верно, есть более безобидные объекты живописания, масса природных красот, горы, долы, цветущие кусти. И приятно писать об этом: “Ах, какие садочки, какие цветочки...”. Но ведь кто-то же должен видеть и порочные лица мира. Смешное достойно смеха. А плачевное... тоже может стать смехотворным. “Смех сквозь слезы”... “Аглар-гюлейен”⁵⁸ (“Смеющийся плача”). Как естественно соседствуют эти два слова. Лекарство зачастую имеет горький вкус. Порой человека исцеляют горькие, как отрава, пилюли. Пока мы не признаем смеха, мы будем предпочитать горькому лекарству сладкий шербет или подслашивать пилюли, свода на нет их пользу.

Сабиту Рахману был присущ яркий врожденный юмористический дар, но мне кажется, внутренний голос совести, бескомпромиссный гражданский гнев, внутренняя социально нацеленная страсть настойчиво звала его к сатире. Я обожаю мягкий юмор Сабита Рахмана. Но вместе с тем в каждой его комедии, в каждом созданном им характере и диалоге я ощущаю огненное дыхание беспощадной сатиры, ее тектонические толчки, стремящиеся разразиться вулканическим извержением.

Сатирический талант Сабита Рахмана - нераскрытый, не сумевший раскрыться полностью пласт его творчества. Причина этого связана с превратной оценкой, искаженной трактовкой, огульной критикой его творчества в известные годы и периоды. Сегодня нам покажется нелепым, что первая комедия в нашей литературе советской поры - классическая “Свадьба” некогда подверглась невежественным нападкам. И после этой пьесы у Сабита Рахмана, можно сказать, не было комедий, которые бы не снискали большую симпатию зрителей и не навлекли множество критических претензий.

⁵⁸ Один из литературных псевдонимов М.А.Сабира.

Эти критические наезды порой завершались административными санкциями. После критического “избиения” М.Зощенко тотчас же на вакантное место “азербайджанского Зощенко” был определен Сабит Рахман и успешно шедшие “Друзья-приятели” были сняты с репертуара. В пору верховенства пресловутой “теории бесконфликтности” Сабита Рахмана стали виноватить за остроту конфликтов, а после упразднения этого “теоретического изобретения” его же произведения стали упрекать за бесконфликтность.

Хорошо помню, какую веселую реакцию и смех вызывала у зрителей “Обрученная” с участием нашего великого мастера сцены Мирзааги Алиева. Но помню и то, как сын драматурга Эмин аккуратно складывал и отправлял отцу в Переделкино “серийные” критические инвективы об “Обрученной”. (Сабит-ами тогда работал в тамошнем Доме творчества над новым произведением). Мне и Эмину тогда было по 15-16 лет, и, наверное, мы еще не вполне осознавали, каково занятому творческой работой человеку еженедельно получать конверты с подобной начинкой...

Сабит Рахман был человеком последовательным, твердым и постоянным в отношении своих гражданских убеждений и творческих принципов. Слово “Сабит” и означает “постоянный”. Он остается постоянен в своей приверженности комедийному жанру, избранному смолоду. Но кто знает, сколько круtyх сатирических красок, зревших в его писательском воображении, под воздействием критических окриков и нападок были сведены к покладисто мягким юмористическим тонам...

В “Счастливых” естественно изображение семейных неувязок, сетований в тоне тонких шуток, мягкого юмора, подтрунивающего смеха. Но как можно говорить без горького сарказма, резкой и взрывной сатиры об оборотистой проворной лжи (комедия “Ложь”), переходящей из одной эпохи в другую, из формации в формацию и如今е разгуливающей среди нас?

В такие моменты перо Сабита Рахмана возвышается до мести и гнева саркастического слова великих предтеч - Мирзы Фатали, Мирзы Джалила, Мирзы Алекпера Сабира:

“Не все взяточники, но вот изредка встречающиеся нам мздоимцы возмущают всех. Взятку ведь дают не только деньгами, страшнее взятка моральная. Что такое подхалимаж? Та же взятка, а потакание ей - то же взяточничество. “Товарищ такой-то, как же глубоко вы любите свой народ... Товарищ сякой-то, каким же проницательным и мудрым было ваше вчерашнее выступление...”. Врет ведь. Взятку дает. А товарищ такой-сякой, вместо того, чтобы вернуть эту взятку, швырнуть в лицо, на-против, берет, кладет себе в карман, и расплывается как тесто. А взамен, при необходимости, оберегает взяткодателя”. (С.Рахман. Избранные произведения. Том I. 1978, с.285).

Как точно, метко и верно сказано!

* * *

Я - в квартире Сабит-ами на улице Малыгина, знакомой мне с детства. Вот в этой комнате Сабит-ами играл с моим отцом в нарды, в шахматы. Я, бывало, звонил им: “Эмин, папа у вас?” - “Да. Сражаются в шахматы”.

Бывало, здесь и мы с Эмином садились за шахматную доску. Из смежной комнаты выходил Сабит-ами и, ласково приветив - “хөш гяльмисен”, наблюдал нашу игру, комментируя мягкой шутливой репликой.

Сейчас мы сидим в той же комнате, беседуем со спутницей жизни Сабит-ами - Исмет-халой. Эмин мне сообщил, что Исмет-хала взялась писать воспоминания, но никому их не читает и не хочет показывать. Мы с Эмином принимаемся уговаривать Исмет-халу, чтобы она ознакомила нас с написанным; я хочу опубликовать в “Гобустане”. Исмет-хала никак не соглашается: “Я это написала только для себя, кому это может быть интересно?”.

Наконец мы кое-как упросили ее, она начинает читать, и время от времени голос у нее слезно срывается от самых обычных фраз: “В то лето мы поехали в Кисловодск...” - голос дрожит, она с трудом подавляет подступивший к горлу комок. Я понимаю, ведь эта кажущаяся мне простой информация будит в ней рой воспоминаний, полные волнений, голосов, переживаний минувших дней, страницы памяти, одушевленные шутками живого Сабита, его жестами, выражением лица, его голосом... “Второго мая мы все - Сабит с друзьями, семьями отправились на маевку - на нагорье, где сейчас Аллея почетного захоронения”. Сейчас, думаю, и Сабит Раҳман, и некоторые из его друзей обрели вечный упокой на месте давнишней маевки.

Исмет-ханум запечатлела первом лишь часть своих воспоминаний - довоенные годы. А о последующих годах рассказывает изустно - печаль и радость вперемежку: “Конечно, у Сабита были и близкие друзья, и светлые дни, и радости. В дни его премьер и театр, и наша квартира утопали в цветах. Постановки его пьес шли, как фильмы, ежедневно или через день... Появление на свет детей было для него безмерным счастьем. Но как же мне забыть те наши тяжелые дни, безжалостные, несправедливые нападки, ненадежность людей, которых мы считали близкими. Он хранил резкие критические статьи о себе, газеты того периода. Но незадолго до смерти он почему-то собрал их и все сжег”.

Легко сжечь бумагу, газету, Исмет-хала, но как избавить память от свербящих воспоминаний?

Исмет-хала продолжала свой рассказ: “Помнится, были последние дни его, он лежал в больнице. В театре шли репетиции его нового произведения. А трое работников театра, пришедшие навестить его, принесли драматургу “добрую” весть: репетиции пьесы прекращены, взамен в репертуар включено другое произведение.

Правда, впоследствии “отодвинутая” пьеса была сыграна, но ему не суждено было увидеть спектакль. Решение об издании шеститомника произведений появилась также после его смерти.

В шестьдесят лет он сомкнул навеки свои умные, зоркие, улыбчивые глаза.

Расул Ра и Нигяр Рафибейли писали в слове прощания:

“Сабит! Дорогой брат! Мы готовились к твоему торжеству, но в нашу дверь постучался траур по тебе... В последний раз в предрассветной полумгле нового дня ты открыл и закрыл глаза. И попрощался с миром, который любил, с миром, чьим бедам сострадал, с миром, чьи радости, тревоги, надежды, чаяния разделял как сын, как художник, как мастер...”.

Сабит Рахман скончался вот в этой комнате, где мы сейчас сидим. Обвожу взглядом комнату. Стрелки на больших часах-ходиках застыли и показывают без четверти три - время, когда Сабит Рахман покинул мир. В этой комнате Время застыло на этой точке.

На полках, в шкафах - книги, среди них - произведения самого Сабита Рахмана, книги, подаренные друзьями. На стенах - фотоснимки, сцены из спектаклей, друзья, встречи, члены семьи... Письменный стол. Он работал по ночам - эта привычка осталась с молодости, с трудных дней обитания в тесной каморке. У стола - красный телефон. Номер навсегда запечатлелся в моей памяти 75-95. Одна глава поэмы моего отца, посвященной памяти Сабита Рахмана, так и называется: "75-95, через тройку".

*Семь пять - девять пять,
через тройку...
Я повернул диск.
Трубку поднес к уху.
Трубка обожгла руку.
...Болен... очень... тяжело...
Чуда я чаял, чуда.
Откуда...
Попробуй, утешь ты...
Один процент
ничтожной надежды.*

* * *

Несколько лет спустя после его кончины Эмин встревоженно сообщил мне: мол, хотят поменять телефонный номер отцовской квартиры.

Поначалу я не понял причину этой тревоги:

- Ну и что с того?

- Как это, ну и что? Ты не понимаешь? Сколько у нас воспоминаний связано с этим номером! Ведь и поэма Расул-ами связана с ним!

Оказывается, и сухие цифры могут одушевиться трепетными чувствами. Я думаю о чуде. О, если бы мы верили в чудеса. Взять бы трубку, набрать номер Сабит-ами. И чтоб трубку поднял Эмин.

- Эмин, - сказал бы я. - Папа у вас?

- Да, - ответил бы он. - Играет с моим отцом в шахматы, опять схлестнулись в споре...

1980-1985 гг.

Перевод Сиявуша Мамедзаде

Меридианы творчества

10 марта 1803 года видный азербайджанский просветитель-демократ Г.Зардаби вместе со своими учениками Н.Везировым и А.Горани поставил спектакль по пьесе М.Ф.Ахундова. В этот день зародился современный азербайджанский театр - первый драматический театр на всем Ближнем и Среднем Востоке. Каждый год 10 марта театральная общественность нашей республики торжественно отмечает День национального театра.

Несколько лет назад 10 марта я оказался рядом с народным писателем Азербайджана Мирзой Ибрагимовым в зале Азербайджанского театрального общества. Молодые актеры из Учебного театра при Институте искусств имени М.А.Алиева показывали отрывок из какого-то спектакля. В присущей этому студенческому театру творческой манере они играли остро, задорно, быть может, с некоторой экзальтированностью. Мизансцены были задуманы так, что актеры как бысливались со зрителями, вовлекая их, зрителей, в действие.

Вдруг неожиданно совсем близко от того места, где сидели мы, раздались выстрелы - громкие и резкие. Все мы вздрогнули. Кто-то из актеров упал, кто-то вскрикнул. Зрители опомнились, заулыбались, успокоились и тут же вновь резко и опять-таки неожиданно выстрелы повторились. Снова все вздрогнули. Это повторилось несколько раз. Мирза муаллим нагнулся ко мне и тихо спросил:

- Ты не знаешь, сколько еще будет выстрелов? - он улыбнулся и добавил: - Что-то стрельба преследует меня в последние дни.

Дело в том, что буквально за два-три дня до этого он вернулся с Международного конгресса на Кипре, на котором в качестве председателя советского Комитета солидарности со странами Азии и Африки возглавлял делегацию СССР. Именно на этом конгрессе произошли трагические события. Террористами был убит Юсиф эс Сибаи.

Мне почему-то запомнилась эта реплика Мирзы муаллима. Мне кажется, в ней есть некая важная зацепка для размышлений о сложной и многогранной личности Мирзы Ибрагимова, о диапазонах его общественной деятельности, да и просто о каких-то человеческих чертах характера...

Диапазон общественной деятельности - не он ли определял основную суть непростой биографии Мирзы Ибрагимова - человека и писателя. Сын бедного крестьянина из Южного Азербайджана, испивший в раннем детстве всю горькую чашу сиротской доли, перебравшись в Азербайджан Северный, он воспринял установление советской власти как великую перемену и в своей собственной, личной, судьбе. Обучение на рабфаке, в университете, в Ленинградской аспирантуре, и вот уже в самые молодые годы он становится одним из руководящих работников в области культурного и идеологического строительства.

Портрет Мирзы Ибрагимова. Художник Микаил Абдуллаев

В 1937 году, в возрасте 26 лет, он избирается депутатом Первого созыва Верховного Совета СССР, в последующем неоднократно переизбирается и ныне является одним из старейших членов советского парламента.

Не достигнув 30 лет, он уже успел проработать председателем Комитета по делам искусств, председателем Союза писателей Азербайджана, Наркомом просвещения. В 55 лет он - академик Академии наук Азербайджана. Чуть позже назначается заместителем председателя Совета Министров республики, затем избирается председателем Президиума Верховного Совета Азербайджанской ССР и заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР.

Занимая эти должности, он продолжает активную деятельность в качестве члена Президиума, Секретариата, правления Азербайджанской и Всесоюзной писательских организаций, члена республиканских, союзных, международных организаций борьбы за мир, солидарность и т.д. Одновременно он председатель или по крайней мере член многих юбилейных комиссий, комитетов по присуждению премий. Никогда не прекращает научную деятельность - и в индивидуальном плане, работая над исследованиями, статьями, докладами, и в плане, так сказать, совещательном, консультативном - будучи членом многих ученых советов Академии наук, Терминологического комитета, главной редакции Азербайджанской энциклопедии. Некоторое время он возглавлял Институт литературы имени Низами.

Объездил всю страну - от Карельских озер до Курильских островов, от степей Средней Азии до молдавских виноградных садов. Побывал в каждом городке, в каждом селе Азербайджана и на основных континентах земного шара.

Выступал с докладами, речами на сессиях, пленумах, съездах, конгрессах, симпозиумах, семинарах, декадах, Неделях, Днях. Выступал, стоя на трибунах и сидя за "круглым столом". Отвечал на записи читателей в колхозном клубе и на вопросы журналистов - в Международном пресс-клубе. Давал интервью корреспондентам Всесоюзного радио и заводской многотиражки. Открывал и закрывал заседания, беседовал со зрителями с телеэкрана, читал лекции студентам, оппонировал на защитах диссертаций, дискутировал с зарубежными коллегами, и что самое поразительное, всю свою писательскую жизнь оставался верным принципу "ни дня без строчки". Выходящее сейчас в Баку десятитомное Собрание сочинений далеко не охватывает всего написанного М.Ибрагимовым.

И пишет он почти во всех литературных жанрах. Монументальные романы, десяток повестей и рассказов - главное дело его жизни. Но на протяжении почти полувека - от первой драмы "Хаят", написанной в начале 30-х годов, до недавно созданной пьесы на сюжет известной легенды о Дон-Жуане, он неизменно верен и драматургии. Написал киносценарии и оперные либретто. В ранний период литературной работы писал стихи. И совсем недавно, неожиданно для многих, вновь обратился к поэзии. Много переводил - Шекспир, Чехов, Чернышевский.

Написал монографию о великом писателе Дж.Мамедкулизаде, сотни статей о классиках и современниках - Низами, Насими, Хагани. Физули, Пушкине, Ахундове, Толстом, Шевченко, Абовяне, Сабире, Горьком, Дж.Джаббарлы, Самеде Бургуне, Мехти Гусейне, Сабите Рахмане, Расуле Рзе, молодых писателях, реализме ашугской поэзии, создателе первой на Востоке оперы - “Лейли и Меджнун” - Узеире Гаджибекове.

География его путевых очерков охватывает страны Европы, Азии, Африки - мы, читатели, вместе с автором совершаляем своеобразное путешествие от Стокгольма до Дакара, от Парижа и Алжира до Калькутты, Рангана и Бангкока.

Совсем недавно в 7-м номере “Литературного Азербайджана” он опубликовал блестящее эссе о проблемах азербайджанского Ренессанса. В этой работе с подлинно интернационалистских и глубоко научных позиций говорится о важном вкладе азербайджанского народа в культурную сокровищницу народов Закавказья и Востока и приводятся убедительные аргументы против тех, кто этот вклад склонен недооценивать.

Лучшие страницы ибрагимовской публицистики посвящены борьбе народа за свое национальное достоинство, за право говорить, писать, читать, учиться на своем родном языке...

Трижды в течение первой половины XX века народы Ирана поднимались на борьбу с режимом жестокого абсолютизма, и каждый раз пламя народного восстания вспыхивало на непокоренной земле Азербайджана. Первая революционная буря в Иране, поднявшаяся в 1908 году под благотворным влиянием русской революции 1905 года, привлекла пристальное внимание В.И.Ленина, сравнившего вождя этого движения Саттархана с Пугачевым. Движение Саттархана было подавлено в крови, но в 20-м году вновь вспыхнуло пламя народного гнева, и на этот раз революцию возглавил другой славный сын Азербайджана - Ш.М.Хиябани. И вновь чаяния народа были жестоко подавлены огнем и мечом.

В 1945 году сбылась вековая мечта азербайджанского народа - в Тебризе было создано демократическое автономное правительство Южного Азербайджана во главе с видным государственным деятелем С.Дж.Пишевари. За короткий срок была проведена земельная реформа, благоустроены города, проложены дороги. Были открыты азербайджанские школы и университет в Тебризе. Народ наконец получил газеты, журналы, книги, учебники на своем родном языке...

Но недолго длилась эта пора светлых надежд и мечтаний. Поправ все свои обязательства, реакционное шовинистическое правительство шаха Мухаммеда Рзы Пехлеви двинуло танки американского производства на города и села многострадального Азербайджана. Шахиншахское радио вещало из Тегерана: “Иранские армии победоносно вошли в Азербайджан, захватили Тебриз!”.

В феврале 1947 года, по горячим следам событий, Мирза Ибрагимов раскаленным пером пишет большую статью “Борьба за свободу”:

“Да, иранская армия захватила Тебриз. Но одописцы мракобесов не понимают, что эти слова, сказанные им во славу завоевателей, История вспомнит с проклятием”.

В статье приводятся волнующие эпизоды героического сопротивления демократов шахским завоевателям, говорится о самоотверженных защитниках крепости Эрк, о мученической смерти борцов за свободу. Но ни град из камней, ни лес виселиц, ни кровь,

ни огонь не смогли сломить волю подлинных патриотов. Двадцатисемилетний Фридун Ибрагими - высокообразованный юрист, историк, публицист, назначенный демократическим правительством первым прокурором южно-азербайджанской автономии, попал в руки шахских изуверов. В утре казни он побрился, надел свежую рубашку, повязал новый галстук. В ответ на изумленные вопросы он объяснил: "Мы прожили чистую и светлую жизнь, зачем же на смерть идти неопрятным".

Об этом М.Ибрагимов написал в скорбном реквиеме "Фридун Ибрагими". И легендарная личность Ибрагими послужила прообразом Фридуна - героя романа "Наступит день".

"Наступит день" - едва ли не самое известное произведение Мирзы Ибрагимова. Роман удостоен Государственной премии СССР, переведен на десятки языков нашей родины и зарубежных стран, неоднократно издан в Москве и в Баку огромными тиражами.

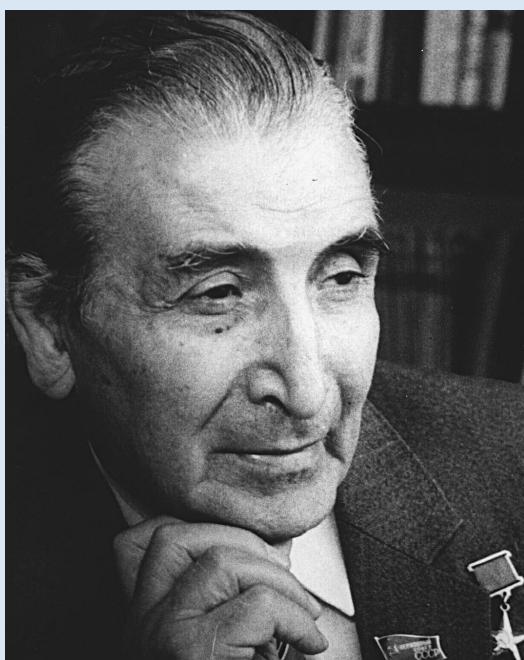
Мне кажется, удача романа помимо прочих причин обусловлена еще и двумя моментами, связанными с биографией самого писателя. Родившись в селении неподалеку от южно-азербайджанского городка Караб и рано познав весь трагизм крестьянской участи, Мирза Ибрагимов с большой художественной силой воссоздал в своем романе реалистические картины деревенской жизни. Нельзя без волнения читать страницы романа, посвященного горькой судьбе крестьянина Мусы, постепенному распаду под влиянием жестоких событий его большой семьи, потерявшей одного за другим почти всех своих членов. Чувствуется глубокая выстраданность автором этих эпизодов, сдержанное, неистребимое личностное начало - неутихающая боль художника, в раннем детстве потерявшего горячо любимую мать, сестру, а немного позже - и отца.

Второй момент в биографии писателя, тесно связанный с проблемами Южного Азербайджана, заключается в том, что в период Второй мировой войны Ибрагимов в составе Советской армии был в Иране и о событиях тех лет знает не понаслышке. Отсюда достоверность описываемых в романе общественно-политических ситуаций в канун и в первые годы войны. Мне кажется, правы те, кто определяет жанр этого романа как политический. Конечно, в "Наступит день" есть и сильная лирическая струя, и психологическая разработка внутреннего мира персонажей, и живые зарисовки деревенского и городского быта, но все же самое интересное и важное в романе - это его политический пласт, политический пафос. Сам принцип построения произведения, его композиционная, сюжетная структура обусловлены расстановкой классовых, общественных сил, тенденций, идей, воплощенных в действующих лицах романа.

"Наступит день" в какой-то мере был в числе произведений, предвосхитивших целое направление в современном искусстве, ставшее весьма популярным в последующие годы, которое привычно определяют как "политический роман", "политический театр", "политическое кино".

И в этом смысле "Наступит день" был приметным документом эпохи и остался им по сей день. Я бы сказал, что в этом своем качестве он сейчас, в дни, когда внимание всего мира приковано к Ирану, приобретает особую ценность. Я недавно перечитал "Наступит день" и убедился, как важен он для понимания сегодняшних событий в Иране. Читая роман, воочию видишь истоки того разложения и распада шахского режима, которые уже в наши дни привели к его бесславному концу. Читая роман, осознавешь расстановку сил в шахской армии и полиции, знакомишься с персонажами, кото-

*Мирза Ибрагимов и
Узеир Гаджибеков*

Мирза Ибрагимов и Самед Вургун

*Мирза Ибрагимов и
Сулейман Рустам*

Мирза Ибрагимов и Назим Хикмет

Слева: С.Вургун, А.Велиев, С.Рустам,
С.Рагимов, М.Ибрагимов

Мирза Ибрагимов на даче
у Узеира Гаджибекова

Слева: Байрам Байрамов, М.Ибрагимов, Мартти Ларни, Расул Рза, Фикрет Амиров,
Имран Касумов, С.Даглы. Стоят Анар, Эльчин, Магсуд Ибрагимбеков и др

Мирза Ибрагимов с Анаром

рые спустя несколько лет станут костяком САВАК и будут применять в отношении к патриотам средневековые пытки в средневековых подземельях. Но в романе выведены и духовные предшественники честных офицеров, ставящих свой долг перед народом выше присяги монарху-узурпатору.

Перечитывая “Наступит день”, содрогаешься от сцен произвола, беззакония, алчности власти имущих, видишь их безмерную роскошь, становишься свидетелем пресыщения, загнивания, расплетения лестью сильных мира сего. И ясно осознаешь, что эта ситуация не могла не привести к взрыву, который и произошел в реальной действительности в наши дни и разнес в клочья “павлиний трон” тысячелетней монархии. Сегодня, когда ежевечерне на экранах наших телевизоров мы видим иранских демонстрантов, требующих свободы, независимости, равноправия, гневно клеймящих империалистические козни, мы как

бы вглядываемся в лица духовных потомков героев М.Ибрагимова. Может быть, мы видим и их самих, тех мучеников и борцов, которые чудом уцелели, спаслись от когтей шахских палачей. Теперь они, конечно, гораздо старше, чем в годы, описанные Ибрагимовым. Старше, естественно, не столько собственно своим возрастом, но и возрастом Времени, возрастом Истории, ее опытом, ее уроками. А уроки эти заключаются в следующем: как бы деспот ни кичился своими баснословными нефтяными богатствами, награбленными у народа и припрятанными в банках за тридевять земель, как бы не опирался на якобы всемогущую армию и якобы всесильную полицию, как бы ни надеялся на “преданность” заморских и заокеанских друзей, он обречен, если не способен поладить со своим собственным народом, если глух к его чаяниям, если в ответ на требования открыть школы на родном языке пытают электротоком, а за стихи о свободе ставят к стенке. “Не может быть свободным народ, угнетающий другие народы”, - эта великая истина марксизма-ленинизма как никогда актуальна сегодня. И борьба в Иране еще раз подтверждает справедливость этих слов.

Я начал свои заметки о Мирзе Ибрагимове с воспоминаний о театральном вечере. Не знаю, смог ли я донести свою мысль, объяснить, чем этот небольшой эпизод характерен для понимания художника. На мой взгляд, тем, что в судьбе Мирзы Ибрагимова самым тесным образом сплелось большое, значительное и обычное, будничное. Он был участником событий, имевших немаловажное значение в больших исторических процессах и ситуаций, представляющих интерес лишь для литературной жизни азербайджанской писательской организации. Ассоциация, возникшая у Ибрагимова от театральных выстрелов молодежной труппы с событиями на Кипре, потрясшими весь мир, - это, как уже говорилось выше, диапазон общественной биографии писателя, ее географические мас-

штабы, если угодно. Но одновременно это и параметры его внутренней духовной жизни. Меня удивляет и радует мобильность Мирзы муаллима, чье семидесятилетие мы будем отмечать в следующем году. Вот я встречаю его на бакинской улице, неизменно доброжелательно улыбающегося - оказывается, он вчера прилетел из Африки, сегодня должен навестить больного друга в больнице, завтрашний день проведет на даче с внуками, а послезавтра улетит в Ташкент для участия в Днях Азербайджана в Узбекистане.

А из Ташкента - в Москву, а оттуда - в Париж, и снова - Баку, районы республики, встречи с избирателями в Нахчыване. И каждый день, на любых меридианах - встреча с чистым листом бумаги.

Я писал о высоких должностях, которые занимал Ибрагимов, и о его горьком сиротском детстве, но между двумя этими отрезками жизни были годы отрочества, тоже по-своему трудные, - он работал батраком и чернорабочим, учился и верил в будущее и сам, своими руками, делал его. Но и в этом будущем были свои трудности. Вся многосложность времени отразилась в перипетиях насыщенной биографии М.Ибрагимова. Я думаю, что этот сложный, полный испытаний жизненный путь смог сформировать не только писательскую индивидуальность Мирзы Ибрагимова, но и его глубокую человеческую мудрость.

Ведь мудрость не только в том, чтобы все понимать и ничему не удивляться. Она и в том, что, многое понимая, тем не менее не терять и драгоценного умения удивляться, изумляться. Каждый день открывать жизнь снова и заново.

На Кипре стреляли из настоящего пистолета, и Мирза Ибрагимов, глава советской делегации, держался спокойно и достойно, как и подобает человеку, представляющему великую державу. На спектакле учебного театра он, как ребенок, вздрагивал от выстрелов игрушечного "пугача".

Наверное, это и есть мудрость: сохранять достоинство при настоящей стрельбе и по-детски вздрагивать от выстрелов игрушечных.

Июль, 1980 г.

УХОД ОДИНОКОГО МУАЛЛИМА

Избранный председателем Союза писателей Азербайджана, я повесил на стенах своего служебного кабинета портреты предшественников - их было девять, занимавших этот пост до меня. В хронологическом порядке Мирза Ибрагимов был шестым. Но если быть точным, то на этой стене должен был висеть не один портрет Мирзы Ибрагимова, а целых три. Он занимал этот пост трижды - с 47-го по 56-й, с 65-го по 76-й, с 81-го по 86-й годы. А в промежутках "успел" поработать на самых высоких правительственныех, общественных и государственных должностях, включая пост Председателя Президиума Верховного Совета Азербайджана. Если бы в середине 40-х годов, в последний год войны и в первый послевоенный год международная политическая обстановка и баланс противостоящих сил сложились несколько иначе, то, возможно, мы увидели бы Мирзу Ибрагимова и на посту главы южно-азербайджанской администрации, ибо сам он родом из Южного Азербайджана и был одним из главных исполнителей политических замыслов в занятой Советской армией северной части Ирана.

Итак, биография выразительная, как притча: 7-летний мальчик из бедной крестьянской семьи в Южном Азербайджане, рано потеряв мать, затем - отца и старшего брата, оказался в Азербайджане Северном, не имея ни дома, ни семьи, ни денег, ни родственников, ни влиятельных связей. Никаких знакомых не было у маленького Мирзы, и тогда он стал подрабатывать сначала прислугой, затем подмастерьем на нефтяных промыслах. Лишь упорством, волей и трудолюбием достиг он всего, чего можно было достичь при советской системе, - самых высоких почестей, наград, привилегий, званий. И при этом, что удивительнее всего, остался доброжелательным человеком, человеком без комплексов и обид на все человечество за свое трудное сиротское детство. Мирза Ибрагимов олицетворял эпоху в ее важнейших литературных и общественно-политических проявлениях. Его биография и личность ярко воплощали образ времени - его масштабы, иллюзии, жесткие и жестокие правила игры. Он ощущал эти масштабы, разделял эти иллюзии, искренне верил в ценности системы, способной сироту-чужака возвести в президенты. Он и в литературу пришел по совершенно абсурдному призыву: "Передовики производства - в литературу". И оказалось, что даже в этой нелепейшей идее могут быть исключения: Мирза Ибрагимов стал крупным литературным деятелем, оставившим заметный след в прозе, драматургии, публицистике.

Последние 35-40 лет общественно-литературной жизни Мирзы Ибрагимова прошли на моих глазах. Наблюдал я и людей, которые в иные годы ловили его взгляд, чтобы заискивающе поздороваться. Видел тех же людей, которые будто бы вовсе не замечали Мирзу муаллим, когда он уже был не таким всемогущим. Они полагали, что поезд Мирзы Ибрагимова ушел. Навсегда. И не слишком задумывались над тем, что управляет им живой человек.

Уверен, будь Мирза муаллим на несколько лет моложе, он успел бы освоить и наступившую эпоху, в корне отличающуюся от всех им прожитых. Но судьба распорядилась иначе. До последних месяцев своей жизни он неизменно приходил в Союз писателей, хотя никаких особых дел у него не было. Ему просто хотелось подышать воздухом этих стен, вспомнить другую эпоху. Но он не встречал почти ни одного знакомого лица, не слышал ни одного знакомого голоса. Его современники и коллеги остались только на фотографиях. Он подолгу стоял и разглядывал портреты. Казалось, он мысленно разговаривал с ушедшими. О чем? Мне рассказали, что и на смертном одре он звал своих давно ушедших друзей, беседовал с ними.

Мирза Ибрагимов - несомненно, целая эпоха в нашей литературной жизни, как бы к ним - Мирзе Ибрагимову и эпохе - ни относиться. Эта эпоха закончилась. Мирза Ибрагимов умер. Вправе ли мы сегодня судить эпоху или людей, воплотивших в своей биографии всю многосложность, всю противоречивость времени? На мой взгляд, - нет. Впрочем, почему на мой? Ведь задолго до нас было сказано: "Не судите, да не судимы будете".

Прощайте, Мирза муаллим. 82 года тому назад, едва вступив в этот жестокий мир, вы почувствовали, что одиноки в нем и можете надеяться только на самого себя. Месяц назад, пережив всех своих современников, одиноким вы ушли из мира. Из сильно изменившегося мира, который вы уже не могли понять, и который, увы, уже не мог понять вас.

1993 г.

Борьба вершится и сегодня...

*Вступительное слово к сборнику Расула Рзы,
изданному турецким издательством “Отюкан”*

(Сокращенный вариант)

Писать о Расуле Рзе мне и легко, и трудно. Расул Рза - мой отец, и любое суждение о родном, близком человеке, та или иная оценка его творчества, высказанная тобой, может показаться кому-то субъективной и пристрастной. В этом одна из трудностей задачи. Второе обстоятельство - то, что среди здравствующих ныне людей нет такого, который бы знал перипетии его жизненного пути, события, идеи, общественные проблемы, питавшие многие его стихи, знал бы в той мере их подтекстовый смысл, как ваш покорный слуга. Именно это обстоятельство затрудняет задачу настолько, насколько и облегчает.

На каких моментах, каких содержательных аспектах творческого мира художника, прожившего чрезвычайно насыщенную, полнокровную жизнь и оставившего большое поэтическое наследие, остановиться?.. Конечно, в рамках одной статьи невозможно охватить не только всецело, но даже и частично ни жизнь, ни творчество Расула Рзы. Поэтому я остановлюсь только на нескольких, на мой взгляд, значимых сторонах неповторимого феномена Расула Рзы в жизни, литературе, духовности Азербайджана XX века, как поэта и личности. Причем я не буду системно выстраивать в определенной логической или хронологической последовательности темы и моменты, на которых останавливаюсь.

Расул Рза родился 19 мая 1910 года в небольшом провинциальном городе Северного Азербайджана, в семье Мирзы Ибрагима Мамедханлы и Марьям ханум. Первое его стихотворение было опубликовано в тифлисском журнале “Дан улдузу” в 1929 году. За 50 лет творческого труда на родном азербайджанско-турецком языке, в Турции и на многих языках мира было издано свыше 50 его поэтических книг. Последнее стихотворение он написал в больнице, за день до кончины, - 31 марта.

Расул Рза скончался 1 апреля 1981 года.

* * *

Расул Рза - поэт именно XX столетия, не только по датам рождения и смерти, хронологии творчества, но всей сутью своего художнического существа, то есть он пережил все контрасты, взлеты, надежды и беды, трагедии и крах иллюзий этого века и отразил в своих творениях - либо напрямую, открыто, либо сообразуясь с цензами существующих условий - опосредованно, завуалированно, эзоповым языком.

Портрет Расула Рзы. Художник Таир Салахов

Обозревая мировое искусство, мы видим, что задолго до революций, и даже в странах, где они остались в прошлом (например, во Франции), в области искусства на арену выходят новаторские течения и школы, пришедшие после постимпрессионизма фовисты, кубисты, сюрреалисты - во Франции, футуристы - в Италии, экспрессионисты - в Германии, конструктивисты и формальные поиски Маяковского и его последователей, появление верлибра в американской и европейской поэзии, появление кино как вида искусства, покорившего мир, - события, ознаменовавшие первые десятилетия XX века.

Естественно, что эти художественные искания должны были отразиться и отображаются в литературах народов Востока, и прежде всего - в литературе самых передовых народов Ближнего и Среднего Востока - анатолийских и азербайджанских тюрков. Если эту, более широкую тему мы локализуем, то ярчайшими примерами этих новаторских исканий в нашей поэзии предстанут становление и развитие тюркского свободного стиха, трудности на этом пути, эстетические понятия и идеалы, смелая, неустанная и в конечном счете победоносная борьба его творцов. Первый лозунг этой борьбы выразил Расул Рза в строках, написанных еще в тридцатые годы:

*Борьбе быть ныне и в грядущих днях,
И я в ее передовых рядах.*

Вывод, к которому пришел исследователь общетюркской поэзии, кандидат филологических наук Тарлан Гулиев, очень точен: "В 20-30-е годы XX века наша поэзия вступает в совершенно новый этап своего развития. Даже Гусейн Джавид, поэт, всецело приверженный классическим нормам, в своем творчестве обращается, наряду с просодией "аруз", и к метрике "хеджа"⁵⁹. И в этот же момент на арену выходит со своим великим талантом Самед Вургун и берет инициативу в поэзии в свои руки. Просодия "хеджа", имеющая более чем двухтысячелетнюю историю, в творчестве С.Вургуна, можно сказать, достигла вершины. Второй поэт, определивший поэтический облик нашего стиха XX века и составивший отдельный этап в нем наряду с Самедом Вургуном, - Расул Рза. Р.Рза - первый большой творец свободного стиха в истории нашей поэзии. Свободный стих, свободная ритмика, как в нашей литературе, так и в мировой поэзии - самая молодая литературная форма, переживающая период становления, а писать и творить в литературной форме с еще не определившимися рубежами и нормами чрезвычайно трудно.

И в силу своего таланта Расул Рза утвердил в нашей поэзии и самого себя как поэта, и свободный стих". (Тарлан Гулиев. Путь развития нашей поэзии на родном языке. Газета "Азербайджан муалими", 31 января 1992 г.).

⁵⁹ Силлабическое стихосложение.

Свои суждения Т.Гулиев подытоживает в цитируемой статье таким образом: “Исторический путь развития, пройденный нашей поэзией... можно обобщить в следующей градации: общетюркский этап азербайджанской поэзии: а) стихи в “Деде Горгуде”; б) стихотворные фрагменты в “Дивани-лугати-турк”⁶⁰. Средневековый этап нашей поэзии на родном языке: а) поэзия, создававшаяся в классическом стиле; б) поэзия, создававшаяся в фольклорно-ашугском русле. Современный этап азербайджанской поэзии: а) поэзия Самеда Вургана; б) поэзия Расула Рзы”.

Я в целом считаю эту периодизацию и градацию верной. Если эту градацию приложить к общетюркскому стилю, и прежде всего - к совместной картине анатолийской и азербайджанской поэзии, то ясно предстанут этапы развития и направление движения огузской поэзии. Хотя Мирза Фатали Ахундов и Намик Кемаль, Тофик Фикрет и Мухаммед Хади, Сабир и Ашраф, Абдулхак Хамид и Гусейн Джавид, Мирза Джалил Мамедкулизаде и Омар Сейфаддин жили и творили в иных географических пространствах, политических формациях, в искусстве, в творческих стилях они были близки, как братья-близнецы. Точнее даже - как родные братья, разлученные друг с другом государственными границами...

Этот противоречивый путь параллельно проходили и те, кто долгое время верил в ценность и реальность первых социалистических лозунгов о новой жизни, о новом строе, о мире равенства и братства людей и наций, верившие и обманувшиеся и рано или поздно осознавшие этот беспощадный обман, пережившие крах и трагедию иллюзий. Веру в советский строй, в идеалы коммунизма и крах этой веры и этих идеалов пережили и Назым Хикмет, и Самед Вургун, и Расул Рза...

В 1956 году, когда Хрущев на XX партсъезде выступил с разоблачением преступлений сталинского режима, Самед Вургун был прикован к постели неизлечимым недугом (в мае 1956 года он скончался). Хотя он у последней черты узнал о крушении и ниспровержении своих идолов, которым он искренне верил и которых вдохновенно воспевал, смерть не дала ему возможности отразить это крушение веры в творчестве. Назым Хикмет скончался в июне 1963 года. Он увидел, какой уродливый вид приобрел советский “рай” - страна, которой он восхищался во времена молодости, о новой встрече с которой тосковал долгие годы тюремного заточения; он успел запечатлеть в последних стихах и сценических творениях боль разочарования в длившейся целую жизнь иллюзорной вере, тоску по настоящей и единственной родине - Турции.

Об этом разочаровании, о ностальгии Назыма Расула Рзы отозвался в стихотворении “Солома волос” из цикла “Краски”:

*Тоска по голым стенам дома,
где пришел на свет.
Правда, пропахшая горечью.
В закатных лучах
бередящий раненую душу свою
Назым Хикмет.*

⁶⁰ Словарь Махмуда Кашики.

После ниспровержения кумиров, развенчания ложных идеалов, крушения многих утопических грез молодости судьба предоставила большой срок Расулу Рзе для выражения горечи этих утраченных иллюзий, - до последнего дня жизни он не оставлял пера, написал множество произведений о многострадальном и противоречивом пути своем и своего поколения, современников, о трагедии и роковой участи отдельных личностей ("Кабы роза не цвела", "День прошел, жизнь прошла", "Реквием", "Страницы жизни", "Портрет человека", "Из памяти скрижалей", "Жаль тебя, Расул Рза" и др.).

После краха иллюзий тех лет каждый день жизни для Расула Рзы обесмыслился, превратившись в безнадежное мучительное томление и ожидание.

*Говорят, вечера навевают печаль.
Говорят, угнетает темная ночь.
Говорят... говорят...
Ну, а как насчет дня?
Днем мы ждем
- поскорее убрался бы прочь.
Чтоб закат догорел,
наступила бы ночь.*

(1959 г.)

Это, быть может, самое пессимистичное, самое горькое стихотворение Расула Рзы. Но ведь было же у этой, прискорбно завершившейся безнадежной концовкой, духовной эволюции и начало, полное света, весны, молодости, надежды и жажды борьбы... было и светозарное, солнечное утро жизни в конце 20-х - начале 30-х годов, жизни, во второй половине столетия прожитой в беспросветных ожиданиях печальных вечеров и кромешных ночей...

Все молодые поэты пережили новаторский, светлый, революционный, кипучий климат 20-30-х годов, и строки Назыма Хикмета, написанные в ту пору, выражают это ми-роощущение:

*Идет поход,
Поход на солнце!
Мы солнце покорим!
Триумф не за горами.
Земля глядит,
Взирает свод небесный,
Пой песни пьющих солнце,
Споем вместе!*

И влияние Назыма Хикмета на современную азербайджанскую литературу в ту пору неоспоримо.

Основы новой метрики в нашем стихе - раскованной, нового способа выражения, образной системы, новых ритмов, неожиданной, неординарной рифмовки, необычных сравнений, удивительных метафор - все эти новшества, в наши дни приобретшие тра-

диционный характер, закладывались на исходе двадцатых годов, под влиянием стихов и первой книги Назыма, изданных в Баку, творческим опытом его более молодых коллег, впоследствии знаменитых, - Сулеймана Рустама, Самеда Вургана, Микаила Мушфика, Микаила Рафили, Расула Рзы... Ряд стихов С.Рустама, С.Вургана, М.Мушфика также написан свободным стихом. Микаил Рафили был одним из последовательных творцов свободного стиха и теоретиком этого направления. Впоследствии С.Вургун, М.Мушфик, С.Рустам свои вершинные творения создавали преимущественно в силлабике, порой - в арузе. Хотя у Расула Рзы есть целый ряд прекрасных стихов, написанных в просодии “хеджа”, он остался верен на всю жизнь выбранной и полюбившейся смолоду свободной метрике. Создал совершеннейшие образцы этого стиха в Азербайджане, стал крупнейшим представителем азербайджанского верлибра и утвердил его позиции как третьей просодии в национальной поэзии, после силлабики и аруза.

Эстонская поэтесса и тюрколог Ли Сеппель, переводившая с оригинала турецких поэтов и стихи Расула Рзы, писала: “Прекрасные образцы свободного стиха в поэзии тюркских народов создали Назым Хикмет, Фазиль Хюсню Дагларджа, Расул Рза - пока назову эти три имени.

Почему до сих пор пытаются доказать, что эта система стихосложения не подходит тюркским языкам? Конечно, по сравнению с другими, в Азербайджане высказывающих такое мнение мало. Но все еще продолжаются такие разговоры, например, в Туркмении, Казахстане и других краях”.

Расул Рза, опирающийся в первую очередь на национальные традиции, внес в азербайджанскую литературу неоспоримые новшества, проторил совершенно новый путь в нашей современной поэзии, по которому следовал до конца жизни. Один из выдающихся творцов нашей поэзии, существенно отличающийся творческим почерком от Расула Рзы, любимый нашим народом поэт Бахтияр Вагабзаде пишет: “Люди, ощущающие себя частицей своего народа, посвящающие себя народному делу, разделяющие радости и печали народа, переживающие не приватную жизнь, а жизнь народную. Такие люди восходят из индивидуальных рамок на уровень личности. Одной из таких великих личностей, взращенных нашим народом, был Расул Рза. Он и в искусстве, и в жизни шел всегда своей дорогой, всегда изъявлял слово души своей. Он был целостен и в слове, и в деле. Был целостен и в ненависти, и в любви”.

Новое - необоримо. Новое не только в стиле, в изобразительных средствах, а вообще в национальном и общественном сознании, в мышлении, в образе жизни, и необоримость нового предполагает неустанную борьбу за него, требует стойкости. Стойкость - “dözüm” - одно из ключевых слов в поэзии Расула Рзы. Это слово внес в нашу поэзию Расул Рза - вместо слов “səbr”, “təhəmmül”⁶¹. Это слово, это понятие очень подходит Расулу Рзе.

* * *

Естественно, путь Расула Рзы можно принимать или не принимать. Это дело вкуса... Это связано с предрасположением, уровнем, направленностью интересов. Можно следовать или не следовать этим путем. Это вопрос желания и умения. (Ибо одного

⁶¹ “Səbr” - терпение, “təhəmmül” - выдержка, терпение.

желания мало, требуется и умение.) И возможно даже, следуя этим путем, не признаваться в этом...

Оспаривание сильного влияния Расула Рзы на нашу современную поэзию характеризует не покойного поэта, а его оспаривателей. Как при жизни, так и спустя шестнадцать лет после смерти Расул Рза остается поэтом истинно неоценимым. Весьма справедливо замечание одного из талантливейших поэтов наших дней Вагифа Самедоглы: “Расул Рза - самый непонятый поэт в истории азербайджанской литературы. Есть любящие, есть и не любящие Расула Рзу, к нему преимущественно подходят с очень поверхностной платформы”. Вспоминая о том, каким нападкам подвергались новаторские искания “шестидесятников”, к которым принадлежал и сам Вагиф, и о том, как Расул Рза защищал их от этих нападок, В.Самедоглы продолжает: “Сейчас те вещи, те разговоры выглядят смехотворными... но не будь Расула Рзы в те времена, у многих из нас могла бы сломиться воля... Было совершенно несправедливое отношение к новому стиху, и тем, кто сокрушил эти барьера, был, конечно, Расул Рза. Основные удары приходилось принимать именно ему”. (Журнал “Хазар”, №3, 1997, с.4-5).

Конечно, было бы в корне неверно определять место, значимость, роль и Расула Рзы, и многих последовавших по проторенному им пути, но продвигающихся вперед собственной поступью, со своим голосом, дыханием - словом, только видом стихосложения. Если в силлабике создавались и классические по духу, профессиональному совершенству, художественной силе произведения, то и в свободном стихе немало и слабых, тусклых сочинений. Но так как свободный стих предоставлял художнику очень большую свободу, изобразительные возможности для выражения нового мироощущения, современного бытия, переживаемой эпохи, Расул Рза вел эту трудную борьбу в тяжелейших условиях - под давлением литературного критиканства, неприятия и улюлюканья, под прессом, постоянным надзором и подозрительностью политических кругов - и не отступил ни на шаг от избранного пути.

Если внедрение Мирзой Фатали Ахундовым новых жанров - драмы и прозы - в нашу литературу, демократизация М.А.Сабиром классического аруза применительно к выражению проблем новой эпохи, обращение Дж.Мамедкулизаде к сатирическому стилю как в “Молле Насреддине”, так и в собственном творчестве было общественной борьбой, не замыкавшейся в чисто эстетических рамках, то и многолетняя борьба Расула Рзы за обновление стиха, за новые художественные средства была движима желанием увидеть нашу национальную литературу и культуру на современном уровне развития, на высоте эстетических критериев мировой литературы. Это было твердым и нерушимым кредо Расула Рзы, и это кредо подчас превратно истолковывают как стремление “оторвать нашу поэзию от национальных корней и придать ей вид, соответствующий международным стандартам”. Это делается порой без проникновения в суть вопроса и ис-

Портрет Расула Рзы.
Художник Таир Салахов

Слева: Сулейман Рустам, Расул Рза, Джадар Джаббарлы

Расул Рза и
Самед Вургун

Слева:
Расул Рза,
Назим Хикмет,
Сулейман Рустам

Слева:
Д.П.Березин,
И.Г.Селвинский,
Расул Рза

Расул Рза, Азиз Несин,
Чингиз Айтматов

Расул Рза и Мартти Ларни

ходя из поверхностных и скоропалительных наблюдений, а порой и умышленно, сознательно, преднамеренно. Посвященные в творчество и жизненный путь Расула Рзы хорошо знают, сколь прочно он был связан со своим народом, с глубинными корнями национальной литературы, с какой великой ревностью он стоял на страже нашего родного языка. Он вправе был заявить в стихотворении “Родина” (1980 г.):

*Я - в лоне родины моей,
всегда в долгу я перед ней,
землей, зовущейся Отчизной.
Ее лелеял и лелею.
За честь ее радел, радею.*

Ибо во множестве стихов, статей, выступлений он говорил о больных проблемах родного языка, о глазах завидущих заряющихся на нашу землю, о несметных горестях и невзгодах нашего народа.

* * *

Приверженность Расула Рзы национальным духовным и культурным ценностям сме-ло утверждалась не в периоды относительного смягчения советского режима, т.е. во времена чуть больших допущений к выражению подобных мыслей и чувств, а в стихах 30-х годов, самой суровой поры сталинского режима, подавлявшего всяческие проявления национальных тенденций.

Стихотворение “Чинара”, написанное в канун кровавых репрессий 37-го года, - это творческий и гражданский манифест, кredo Расула Рзы, которому он остался верен всю жизнь:

*Ночь исходит, в черном небе звездный рой.
Я к чинаре прислонился вековой.
В ее стати - гордость высей снеговых,
Головою выше всех деревьев остальных.
На ночь глядя думу думаю стою.
В чем чинара силу черпает свою?
И чинара вдруг дар речи обрела:
Я корнями в твердь родимую вросла.
Мои ветви простираются до звезд.
Окружил меня молоденький подрост.
Я гордиться вправе участью такой,
Я корнями связан с почвою родной.*

Это стихотворение - первое произведение в тюркоязычной литературе, где Чинара предстает символом кровной связи с родиной, с народом.

И город Геокчай, где родился Расул Рза, и древняя Гянджа - край чинар, и образ этого могучего дерева красной нитью проходят через все творчество поэта, от “Чинары”, написанной в 25-летнем возрасте, до написанной в последние годы “Жизни чинары”. Расул Рза вправе был называть свою жизнь “Жизнью Чинары”.

*Я хочу прожить жизнь,
чтобы веку чинары под стать,
никому не быть в тягость,
не обременять.
Головы никогда ни перед кем не склонять,
и себя никакой жалобой не ронять,
жизнь с подъемом достойным
и со спуском пристойным
с покоренной вершиной,
человеческий век,
жизнь мужчины, мужчины...*

Жизнь Расула Рзы - жизнь Чинары, не только потому, что он прожил славную жизнь мужчины, ни перед кем не склонявшим головы, но и потому, что во все поры превратного времени и эпох он сохранил свою первооснову, свое существо и самостояние. Век от “Чинары” до “Жизни чинары”. Расстояние от юношеской поры этой творческой жизни до поры зрелости - как путь от побега чинары до могучей Чинары. Молодое деревце идет в рост, распускает ветви, корона раздается - но чинара не может стать ясенем, дубом, вязом. Она остается чинарой, стареет и заканчивает век чинарой.

Но и молодой подрост, и вековое дерево узнаваемы по листьям - их форма неизменна - и в “младенчестве”, и в “отрочестве”, и в старости. И однажды век чинары завершается. В стихотворении “Ореховое дерево в парке Гюльхане”, намекая на знаменитое стихотворение Назыма Хикмета, Расул Рза писал:

*Я искал ореховое дерево
в парке Гюльхане.
Засохло, - сказали мне.
Усохло с того самого дня,
когда Назыма переселили
с поверхности земли
под землю.*

(Подстрочный перевод)

Настал день, когда засохла и чинара Расула Рзы...

*Не осень виной,
не зима...
засохла чинара сама.
Не то, чтоб не дали напиться
Иль света пришлось ей лишиться.
Засохла она на корню.
И вроде, не жухлые листья,
и в целости их черенки,
они и слететь не успели,
как птицы слетают с гнезда.*

*Но смерть началась у чинары
от первого дня, изначально,
от первого всхода, побега,
от первого даже листа.*

*Ей жить суждено было так,
живи она меньше иль дольше, -
чинарой, корнями вросшей
в родимую землю, как предки,
раскинув могучие ветви.
Ушла без стенаний и крика,
беззвучно, безмолвно ушла.
И боль обожгла, и жалость
уста и глаза обожгла...*

Но есть и непреложная истина: жить навеки в тюркской поэзии и Ореховому дереву Назыма Хикмета, и Чинаре Расула Рзы.

Помимо того, что Расул Рза был поэтом, он являлся и выдающимся общественным деятелем, работал на различных ответственных должностях. Возглавлял Союз писателей Азербайджана, был первым министром кинематографии республики, председателем Комитета солидарности стран Азии и Африки, организатором и первым главным редактором Азербайджанской Энциклопедии. Неоднократно избирался депутатом парламента Азербайджана. Как и в художественном творчестве, главной заботой и задачей его в общественной деятельности было сбережение и защита самосостояния народа, его национальных ценностей и достоинства, прежде всего - его языка от всяческих посягательств и угроз. В стихотворении “Бабек” он клеймит агрессивных пришельцев:

*Бальзам покорства
наложившие на болящую рану
народа - язык,
В изголовье младенцев наших
на господском языке
поющие осанну...*

(Подстрочный перевод)

В стихотворении “Четыре оттенка черного” из цикла “Краски” он горько сетует на участь “народов, племен, чей изгнан язык из высоких меджлисов, чьи руки в оковах...”.

Когда стали вытаскивать на повестку дня сумасбродную идею о том, что в скором будущем, в “коммунистическом раю”, все советские народы будут говорить и писать на общем языке (естественно, на русском), участь нашего родного языка была в ряду проблем, очень тревожащих и заботящих Расула Рзу, и ряд наших других интеллигентов, и эту тревогу он настойчиво выражал и в стихах, и в статьях, и в выступлениях. Еще в 1939 году, когда по указанию Сталина в Азербайджане осуществлялся переход с латиницы на кириллицу, выступая в парламенте, Расул Рза выражал протест против заполнения нашей родной речи русскими словами: “Человек, не знающий толком

своего родного языка, не может достаточно усвоить и чужой язык... Несколько человек не вправе решать судьбу языка... Самый большой хранитель языка - народ. Язык народа - история народа.

Пусть иные наши издательские работники не спешат создавать **великий коммунистический язык будущего** (подчеркнуто мной - А.). Как говорится, не закатывают штаны до половодья и не парятся до прихода лета. Пусть не засоряют наш язык вследствие своей безграмотности. Таким людям хочу привести известную поговорку нашего народа: “Ağır otur, batman gəl”⁶².

Двадцать лет спустя, в 50-х годах, в своем парламентском выступлении он вновь выражает беспокойство в связи с судьбой нашего родного языка: “Есть люди, которые не осознали должным образом большую роль азербайджанского языка, являющегося основным языком в нашей республике. Сегодня имеется ряд серьезных недостатков в области обучения азербайджанскому языку, делопроизводства и образования на этом языке. Здесь сидит министр просвещения республики. Несомненно, он знает, что из года в год уменьшается число детей, обучающихся в школах на азербайджанском языке. Это на первый взгляд одна фраза. Но за этой фразой стоит судьба нашей науки, литературы и искусства, судьба народа. Это не может нас не заботить всерьез. Надо оградить наш язык от любых посягательств”.

В стихотворениях “Книга матери моей”, “На пути химер”, “Стенографистки” и других выражена серьезная тревога о нашем языке. Этот вопрос остро ставится и в ряде его сатирических стихов.

Я прежде писал, что в самые крутые и относительно терпимые времена советского режима самые честные произведения азербайджанской литературы писались не только на родном азербайджанском языке, но и эзоповым языком. Так и Расул Рза о многом наболевшем, мучившем его говорил, используя эзопов язык, как в стихотворениях “Сады заносит песок”, “Песня рыб”, “Ласточка и воробей”, “Турач-герой”, “Метис”, “Голубой конь”, “Гусыня-мать”, “Белый слон” и множестве других стихов.

Поэт, намекавший на подтекст этих стихов, стремившийся к их прочтению именно в иносказательном, “эзоповом” смысле, не стеснялся и открыто заявить об этом своем намерении. В стихотворении “Эзоп”, посвященном древнему баснописцу, он напрямую говорит о способе поэтического иносказания, к которому прибегал:

*Не знаю, жил или не жил
такой вот человек,
философ-раб.
Не смея напрямик правду рубануть,
избрал окольный путь
и обратил в язык
намеков
боль сердца своего,
ища ей утешенья.*

⁶² Приблизительный смысл: “Садись степенно, держись весомо”.

*...Усон Эзоп,
какая жалость,
но тьма земных невзгод осталась,
порой боясь,
порой гневясь,
его язык пускают в ход.
Аллах да упокоит прах...
Уж вы не знаю, как,
а я Эзопу шлю поклон
за баснописный лексикон.*

(1968)

Участъ слона в “Белом слоне” понимается не в буквальном смысле:

*Белый слон - это редкость.
Редкость - плененный слон.
Его разлучили с лесом...
Боль заточенной души
нестерпима.
Ревет,
вздымаая хобот,
и слезы текут из глаз.
Взыывает к собратьям на воле.
Говорят, долго живут слоны.
Белый слон, белый слон,
зачем тебе долгая жизнь,
если сто лет в клетке
ты жить обречен?*

(Подстрочный перевод)

...Применение эзопова языка в азербайджанской литературе, и в том числе чаще в творчестве Расула Рзы, имеет и другой план - выражение болевых проблем в судьбе Азербайджана через перенесение их в реальность далеких стран, чаще всего - колониальных.

Когда Расул Рза писал:

*Ты должен путь пройти многострадальный,
тяжелый путь, трудный путь,
свободу завоюет в битвах
сын человека,*

то заглавие “Африканские песни” не могли обмануть никого, кроме цензора. И цензор (среди этих чиновников также были достойные люди), быть может, и “обманывался” сознательно, по своей воле.

Строка из другого стихотворения, адресованного Африке:

*Землю захватывают,
присваивают.
Она была нашей!
Она стала нашей! - говорят.
Скажешь: Нет!
Слово дадут пушкам, пулям.
Если опять не поверишь,
придется молчать,
внимая звону цепей.
Если опять недоволен
и скажешь: “Моя земля!”
Скажут: “Взгляни наверх,
на эти врата в никуда,
на эту качающуюся петлю!
Кто еще просит слова?
Кто зарится на эту землю снова?
И кто заикнется: “Родина”,
может, ответят семь пуль:
“Вот она”,
Кто станет искать
в песчаных пустынях безымянные могилы?
То ли еще будет, то ли еще будет!*

(Подстрочный перевод)

Пусть из сказанного не создается впечатление, что стихи Расула Рзы, посвященные Африке, другим колониям, - только и только отзвук трагедий Азербайджана под вывеской других адресов. Конечно, только пережив чувство продолжительной кабалы на примере собственного народа, поэт мог бы создавать столь впечатляющие и естественные, проникнутые внутренней болью и горечью строки. Но это не значит, что названия колониальных стран были для него лишь средством выражения своих печалей. Нет, он был поэтом, способным сопереживать невзгодам самых далеких стран, прочувствовать и вжиться в них, и признание “мне спать не дают мировые печали” было выражением совершенно искреннего и органического чувства.

Расула Рзу обжигала боль всех страждущих людей, безвинных детей, ввергнутых в трагедию, - будь они белокожие, чернокожие или желтокожие, печаль и скорбь всех матерей, потерявших сыновей, горечь и скорбь по мученикам, павшим в борьбе за свободу, Родину, за честь и достоинство. Расул Рза умел поэтическим языком откликаться не только на человеческие невзгоды, но и выражать тоску каждого живого существа, иссохшей ветки, затоптанного цветка, вырубленного леса, изнывающей от безводья истрескавшейся земли. Неумолимый бег времени, воспоминания об отзвеневшей моло-

дости, тяжелая тень старости, холодное дыхание смерти, день за днем приближающийся зловещий призрак вечного безмолвия повергали поэта в печальные и мудрые философские раздумья. На эту тему написаны “Пока есть время”, “Разговор буровых”, “О молодости, старости, неверности и преданности”.

Не находя сопечальников, наперсников среди живых и здравствующих людей, в реальной “массе”, поэт испытывал необходимость общения с историческими и литературными героями, он мог “позвонить” по телефону легендарному Бахлulu Даненде, байроновскому Чайльд Гарольду, герою Мамедкулизаде - Хмельному Искендеру, зазывая их в “гости”. И это, наверное, было пределом одиночества среди людей.

*Aх, Бахлул Даненде,
Бахлул Даненде,
ни терпенья,
ни сил не осталось во мне.
Позвони Искендеру,
прихватите питье.
Позабочусь я сам о еде...*

Строки из того же стихотворения

*...Искендер выпивохою слыл,
потому и прозванье - “Хмельной”.
День и ночь тяготила его
участь бедных живых мертвцев.
Будь иначе,
тужить, попивать отчего?
Стал бы, скажем, служить почтарем,
жил бы тихо себе, все путем,
пусть живые покойники ходят кругом...
Не корите Искендера!
Большое бремя - понимать.*

Искендер - герой пьесы “Мертвцы”.

Да, действительно, бремя понимания - одна из величайших бед, выпавших на долю рода человеческого.

Но ведь человека очеловечивает понимание.

* * *

Человек сам по себе для Расула Рзы - это бесконечный, огромный космос, и порой этот мир представляется человеку тесным. Подобно великому предтече Насими, возглашавшему: “В меня вместятся оба мира, но в этот мир я не вмещусь!”, Расул Рза сетовал на давящую, гнетущую тесноту мира.

*Долгие годы
жали мне ноги
башмаки, то малы, то узки,
то дни быстролетные
душу - тисками тоски,
то беды-печали земли,
то - жесткой резиной носки.
То плотные ширмы нависших туч,
то ахинея невежды,
то несвершенность надежды.
Пытался вырваться из пут
“можно”, “нельзя”,
а мне говорили: “забудь”,
пальцем грозя.
Следуй правилам,
Блюди устав,
Гладко писать себя заставь.
Жали статьями,
душили табу,
тошно в рамках и цензах
живь...
...Я говорю - когда умру,
поднимите выше облаков меня
и сбросьте в самый глубокий колодец, -
пусть будет долг последний путь,
пусть будет просторней
последний приют!*

Я до сих пор удивляюсь советской цензуре, пропустившей в печать эти стихи в 1967 году. Может, цензура, не усмотрев ничего крамольного в жмуущих башмаках и неладных носках, сочла, что в стихах ведется речь о прочих подобных неурядицах, и не заметила, сколь далек человек, томящийся в рамках цензов, колодок, границ, мерил, от образцового “советского человека”, которого хотела бы видеть коммунистическая пропаганда.

Кому-то из знаменитых писателей принадлежит точная мысль: “Цензура - это такие сети, в которые попадается мелкая рыбешка, а большие рыбы вырываются из нее”. Действительно, когда в стихах Расула Рзы “мелкие рыбешки” попадали и бились в сетях цензуры, не получая разрешения к публикации, то “крупные рыбы”, прорвав эти сети, вырывались в лоно свободной мысли.

Это порой проистекало из малограмотности (к счастью!) цензоров. Впервые в азербайджанской, а быть может, во всей советской поэзии Расул Рза в стихотворении “Портрет человека” (1964 г.) поставил в один ряд название фашистского концлагеря в Освенциме с сибирской Колымой - ссылочным пунктом сталинского режима. И тем самым показал одинаково беспощадное отношение этих двух режимов к человеку.

*По одну сторону - Освенцим,
Пепел тысяч людей,
По другую - Колыма,
с дорогами, вымощенными людьми.*

...И цензура это пропустила.

Репрессии сталинского режима и его мир-джафар-багировского “филиала” в Азербайджане, невинные жертвы преступлений 37-го года - больная тема, занимавшая Рассула Рзы на протяжении жизни.

Поэма “Кабы розы не цвели”, посвященная жертве 37-го года, другу молодости, поэту трагической судьбы Микаилу Мушфику, - одно из первых произведений на эту тему не только в Азербайджане, но и вообще в Советском Союзе. Известный роман Солженицына вышел несколько лет спустя после написанной в 1956 году и изданной в 1961 году поэмы “Кабы розы не цвели...”. Вот как описывается период самых жестоких, беспощадных репрессий советского режима - год 37-й:

*И было время - выступила мразь,
запугивая музы кулаками,
подвалами страшная вдохновенье.
Глядишь, явились литчинуши,
в руке мандат, заверенный печатью,
орут:
- Во фрунт!
Кто в строй не встал,
кто не усвоил жалкий лексикон
холопства,
хлебнул беды с лихвой.
Скольких сынов достойных имена
зачеркнуты из перечня живых.
И семьдесят грехов
навесили на них.
Скольких ночами у вели,
подняв с постели.
И лишь ушедшим ведать, каково
уйти в час роковой.
И были молодые -
увяли в одночасье, как цветы,
ошпаренные кипятком.
Что уж о стариках сказать?
В бараний рог согнули.
Одни ушли навеки, без возврата.
Увез их черный воронок.
Другим же счастье улыбнулось -
сошли с ума...*

Эта поэма - не только о мученической участи жертв трагедии, сосланных в Сибирь, расстрелянных джавадов, мушфиков, она и о трагедии тех, кто выжил чудом или во-лею случая, по принципу игры в лотерею или “русской рулетки” избегнул ссылки, рас-стрела и, оставшись в своем краю, ушел во “внутреннюю” эмиграцию, был брошен в камеру одиночества собственной души и обречен на молчание. Эта поэма о нравствен-ных терзаниях самого Расула Рзы.

* * *

Происхождение из ханского рода долгое время, в особенности в годы молодости, порождало много препон к тому, чтобы он занял достойное место в обществе. Об этом у него есть пронзительное стихотворение, проникнутое болью и горечью. Давно ис-тлевшие в земле кости родовых предков все время предстают поэту, становясь нео-долимой преградой на его пути:

*Эге-ей!
Чего не натерпелась Рзы голова!
На каждом шагу
истлевшие кости,
восстав из земли,
скрестясь и сомкнувшись стеной,
мне путь преграждали собой.
Я мог бы в семь раз
свершить больше совершенного,
я мог бы в семь раз облегчить
бремя перенесенного,
не будь
истлевших костей,
преграждавших мне путь
на стольких изломах судьбы,
в горниле вседневной борьбы,
как приговор роковой,
чугунной стеной
встававших передо мной!
Не раз и не два ворошили
давно пожелтевшую книгу,
безвинную память вина,
которая старше меня!
Довольно! Хватит! Бросьте!
Чего ради мне отвечать
за предков истлевшие кости!*

(1934 г.)

* * *

Нет такой большой проблемы азербайджанской действительности, которую бы Расул Рза не затронул со времени своего литературного дебюта, с 30-х до 81-го года, до конца своих дней. Трагедия 37-го года, участие азербайджанцев во Второй мировой войне, неоправданно большие потери в первых боях вследствие военной неискушенности, в результате политики царской России, отстранившей азербайджанцев от армейской службы (“Ошибка деда моего”, цикл “Крымские воспоминания”), национально-освободительное движение в Южном Азербайджане в сороковые годы и его жестокое подавление, казни тысяч поборников свободы (поэма “Хилал”, “Крепость Эрк”, “Мой Тебриз”, “Тебризские дороги”, “Другу-тебризу”, “Раненый Тебриз” и другие стихи), бессмысленная ирано-иракская война, в которой с обеих сторон лилась тюркская кровь (“Сегодняшние хйраты израненного Керкука”), горькая участь азербайджанских политэмигрантов, оказавшихся в Турции, заклейменных в Советском Союзе как “изменники родины” (“Изгнание”), императивы советской колхозной системы, когда уход за обобществленным бычком оказывается важнее жизни собственного ребенка (“Желтый бычок и девчурка”), разгулявшиеся в Азербайджане коррупция, местничество, угодничество, завистничество (“Плач мздоимцев”, “Боюсь”, “Подхалим”, “Не будь сосед завистлив, к чему ограды саду...”, “Открытое письмо Хапуге Обираловичу”⁶³), невежественные понятия, безвкусица, низкий уровень, профанация, встречающиеся в литературной среде (“Ясен язык стиха. Пиши о грустном иль радостном. Столь ясен - хоть сто лет читай, профан - не поймет ни черта”), - все эти темы, проблемы - различные краски, болевые узлы многомерной, полифонической общественной палитры поэзии Расула Рзы.

На первый взгляд удивительно, но по сути естественно, что Расул Рза не довольствовался творческой реакцией на пережитые, увиденные, прочувствованные события и явления. Поэт смог интуитивно предвидеть и те события, которые произойдут после его смерти. В этом смысле карабахские события, разразившиеся спустя семь лет после его кончины, в его стихах аукнутся, как если бы они были написаны сегодня.

В стихотворениях “Карабах - мой отчий край” (1970) и “Моя Шуша” (1980) раскрываются корни карабахского вопроса, послужившего причиной будущих кровавых событий, звучит предупреждение о вражеских “вожделениях” на наши земли, о территориальных “аппетитах” супостатов. Жаль, что это предостережение тогда не было услышано; вернее, услышали его только армяне, и под давлением армянских кругов в Москве Расулу Рзе пришли ярлык “националиста” - тяжелейшее обвинение советского режима. Вина поэта заключалась в предвидении дальнейшего развития событий и поэтическом оповещении:

*Плечистый богатырь,
явившийся из сказок, -
Шуша моя,
красой своей, отвагою, -
душа моя.*

⁶³ В русском переводе дается приблизительный аналог имени сатирического адресата. (Примечание переводчика.).

*Земли азербайджанской
небесная оправа,
сияющий венец и песенная слава.
История сама -
в громадах круч,
любая прядь, тропа,
увитая туманом,
пропахла сплошь
родным Азербайджаном.
И может ли красою,
сто градов назови -
с тобой сравняться, город,
исполненный любви!
И можно ли отчизну
дарить нам, словно пай?..*

Прискорбно, что на вопрос “можно ли дарить, словно пай” отчизну, Карабах, Шушу пришлось отвечать ценою крови тысяч людей. Может быть, причиной того, что тревога, предостережение Расула Рзы не было услышано, стало то, что поэт, верный своей натуре, не кричал на весь свет о своей любви к родине (как бы вдруг кто-нибудь остался в неведении о его “патриотизме”).

И в тридцатые годы, и в позднейшие десятилетия нападки и критические кампании против Расула Рзы санкционировались именно идеологическим аппаратом компартии. В 1959 году выступавший на собрании партактива Баку тогдашний секретарь ЦК КП Азербайджана по идеологии говорил: “Отнюдь не все наши творческие работники идут в ногу с жизнью. Порой в нашей литературе и искусстве появляются слабые в идеином и художественном отношении произведения. Примером может служить стихотворение Расула Рзы “Человек”... Основным героем произведений литературы и искусства должен быть советский человек - строитель коммунизма”.

Расул Рза, прошедший тридцатилетний богатый творческий путь, мог бы лучше любого идеологического секретаря определить слабость или силу произведения в художественном отношении, но образ, воссозданный в стихотворении “Человек”, действительно не имел никакого отношения к советскому человеку - “строителю коммунизма”; и в этом смысле и секретарь, и моментально сделавшая “единственные выводы” из его слов литературная критика были правы. В апреле того же года, сразу после критики из партсекретарских уст, “по горячим следам” газета “Адабият ве инджесенет” (11 апреля 1959 г.) предпринимает атаку, привязав к стихотворению “Человек” и другие: “Вредоносное стихотворение Расула Рзы “Человек”, вселяющее пессимизм, равно как и “Анкетная история”, “Простая причина”, “Неопытность”, “Джейран сказал”, “Страховка” и другие стихи, - произведения, далекие от нашей современной жизни... Публикация таких произведений не только промах малотребовательного к своему творчеству автора, но и недостаток редактории, позволившей их напечатать”.

Конечно, не принимать какое-либо произведение, критиковать в печати - дело естественное. Но особенность советской идеологической системы была в том, что помимо действительных или мнимых недостатков произведения вменялся в вину и осуждался сам факт его опубликования, т.е. отвергалась возможность появления в печати произведения автора, считающегося неприемлемым в том или ином отношении, требовалось запретить печатание таких произведений. Иными словами, это было указание заставить поэта замолчать. А молчание для художника, поэта - равносильно исчезновению, смерти...

Приведенный пассаж, высказанный литературной газетой, на страницах официального партийного органа - газеты "Коммунист" - уже звучал не как мнение, а как приговор. 8 апреля 1959 года эта газета поместила статью "На уровень требований дня", занявшую целую полосу, посвященную резкой критике новых стихов Расула Рзы. Статья была анонимная, и сведущие в порядках советской идеологической системы поймут, что это было еще более зловещим. Ибо читатель мог воспринять статью с обозначением автора как частное мнение, а анонимный печатный разнос воспринимался как мнение, воля и приговор партии, ЦК, то бишь высшего руководства.

И в этой статье стихи Расула Рзы расценивались как чуждые общему духу советской литературы демарши, подчеркивалось, что они идут вразрез с задачами, поставленными тогдашним советским лидером Хрущевым перед литературой. В конце пространной инвективы анонимный автор, не довольствуясь критикой конкретного поэта - Расула Рзы, виноватил за публикацию этих стихов журнал Союза писателей "Азербайджан" и даже сам писательский Союз, осуждал их за утрату чувства ответственности. В finale статьи используется традиционный прием советской политпропаганды: "Несомненно, Расул Рза, как поэт-коммунист, как гражданин, не уклонится от признания своих недостатков. Однако только этого мало. Читатель ждет от него новых произведений, отвечающих требованиям дня".

Автору анонимной статьи и "читателю", от имени которого он вешал, пришлось ждать долго, Расул Рза никогда не признал ни этих, ни позднее инкриминированных ему "недостатков" и не написал "ожидаемых" от него произведений. А вернее, создал произведения, действительноозвучные велению дня. Однако требования дня поэт понимал как проблемы, полярно противоположные позиции автора статьи, и продолжал доводить до читателя прочувствованное так, как понимал. У нашего выдающегося поэта Фикрета Годжи есть очень точные по мысли стихи:

*Писал, как на духу.
По вере - убежденью своему.
терпел хвалу,
Терпел хулу
Расул Рза,
больше всего доверяя стиху
и себе самому.
Больше всех был браним,
потому - необорим.*

*Ломает ритм, - твердили.
 Вновь брался за стихи.
 На краски скуп, - пилили,
 опять писал стихи.
 Брюзжали - мелковат.
 Он брал перо опять.
 Вещали - нам понятно,
 народ же не поймет.
 Он рук не опускал,
 писал, писал, писал.
 Но, честно говоря,
 послушай он тогда
 указчиков указ,
 то не было бы ввек
 Расула Рзы у нас!*

Любопытно, что резонанс той статьи в газете “Коммунист” отозвался очень далеко, вышел за пределы Советского Союза. Известный ученый-литературовед, публицист Сулейман Текинер, попавший в плен к немцам во время Второй мировой войны, позднее обретший пристанище в Турции как политэмигрант, опубликовал статью в литературном журнале “Дарги”, издающемся в Мюнхене на турецком языке (№17, 1959), под названием “Изыскания над некоторыми стихотворениями, ставшими мишенью критики в Советском Азербайджане”, где обстоятельно говорит о статье в газете “Коммунист”, направленной против Расула Рзы, вескими аргументами и неоспоримой логикой разнося ее в пух и прах как бессодержательную, фальшивую, примитивную и мелкотравчатую.

Сулейман Текинер писал: “Напечатанные в последние месяцы стихи поэта Расула Рзы, издавна приковывающего внимание читателей в ряду советских современных писателей Азербайджана несравненной поэтической мощью и богатым внутренним миром, заслуживают того, чтобы на них остановиться. Ряд стихов поэта, опубликованных в февральском номере журнала “Азербайджан” за 1959 год, стали событием в Азербайджане. Эти стихотворения, помимо красных критиков, серьезно озабочили и некоторые партийные круги, и реакция на это событие еще продолжается.

Прочитаем с вами стихотворение поэта Расула Рзы “Человек”⁶⁴, ставшего мишенью ожесточенной критики иных партийных чиновников, равно как и красных критиков...

*Умолкли голоса,
 Смешались мысли,
 Свинцовые звезды на ресницах повисли.
 - Откройте дверь!
 - Входи!
 - Я - Смерть. Вот, явилась!*

⁶⁴ Стихотворение приводится в поэтическом переводе. (А.).

- Скажу: “Милости прошу”
- Выйдет малость смешино.
Пришла - так забирай.
Чего морочиться.
- Фамилия, имя. Отчество...
Возраст, адрес...
- Пожалуйста.
- Пошли, вставай.
Молчанье.
Долгое, безжалостное.
...Секунды прошли.
Поднялся,
Промолвил: Пошли.
Нет, чтоб сказать:
Ошиблась адресом,
Не тот человек я,
Которого ищешь.

То, что в лоне азербайджанского советско-коммунистического общества - общества, где на протяжении почти сорокалетнего времени на словах обитали самые счастливые люди, после непрерывной и мощной пропаганды, осуществлявшейся внутри и вовне, выходит на арену принадлежащий к этому же обществу знаменитый писатель и, заявляя, что “здесь люди принимают смерть как одолженье”, стремится воспроизвести истинную картину этого общества, оказалось достаточным, чтобы разъярить красных чиновников. Тотчас взявшиеся за перья красные зоилы подвергают автора стихотворения “Человек” заплому огню”.

Далее С.Текинер пишет: “Подвержение чуткого поэта обвинениям в “гнилой философии” или “клеветничестве”, прежде всего - продукт ущербной идеологии, установившейся над советско-коммунистическим обществом. Несомненно, поэт стихотворением “Человек” выразил свои ощущения и наблюдения об истинном положении человека в советском обществе. Эти чувствования и наблюдения очень отличаются от дефиниций коммунистической философии, устанавливающей позицию и роль человека в обществе... Вопиющие несоответствия между ежедневно озвучиваемыми советско-коммунистической пропагандистской литературой песнопениями и реальным положением и ролью человека обозначены и в стихотворении под названием “Камень в стене”.

Обстоятельно проанализировав и подвергнутые критике такие стихотворения Расула Рзы, как “Древняя рукопись”, “Жаль” и дав обоснованную отповедь несправедливой критике, Сулейман Текинер останавливается на стихотворении “Страхование”, попавшем под критический обстрел в партийной газете.

...Газета “Коммунист” пишет следующее: “Во-первых, возражение страхованию - не плод передовых взглядов. Наряду с тем, если поэт пришел к такому выводу, то в таком случае он должен явить какое-то новое осмысление темы. И читатель небеспринчно ждет после первых строк раскрытия этого “нового осмысления”. Вопреки это-

му, он узнает о том, что смерть столь же стара, как и жизнь. Увы, эта “новость” не удовлетворяет читателя”.

Как ни нелепо, газета не стесняется предъявить поэту еще одну претензию в том, как следовало бы отвечать страховому агенту. По мнению газеты, поэт должен был говорить страховщику такие вот слова:

*...Коль надобно - извольте.
Были б вы довольны,
и жизнью, и душой
с народом, плоть от плоти.
Народ бессмертен мой,
и мне нет смерти, вроде.
Таков-то мой девиз...
Коль надобно - извольте.
Были б вы довольны.*

А что было делать бедному Сулейману эфенди, как не дивиться такой “критической разборке”? Как не видеть ее нелепости? В истории литературы это, наверное, первый и единственный случай, когда критик демонстрирует поэту, как надо писать стихи, собственноручно написанными виршами. Это, вместе с тем, выдает в анонимном авторе помимо партийного чиновника еще и заурядного рифмоплета.

(Ожидаемого покаяния со стороны Расула Рзы не дождались не только местные авторы подобных писаний, но и высокопоставленные партийные бонзы из Москвы. Много лет после опубликования “Без вас” я прочел в газете “Зеркало” (11 марта 2006 г.) очень интересные исторические изыскания профессора Джамиля Гасанлы. Историк обнародовал факты, основываясь на стенограммах и документах той эпохи. В 1959 году вопрос о национализме в Азербайджане поднимался на самом высоком уровне, в ЦК КПСС и среди обвинений по этому поводу азербайджанским руководителям той поры Имам Мустафаеву, Садыку Рагимову и особенно Мирзе Ибрагимову отмечается и такой “негативный” факт, что Расул Рза выступил на Съезде композиторов республики на азербайджанском языке, в то время как было много гостей, в числе которых и Д.Шостакович.

Прибывший в Баку по заданию ЦК КПСС главный редактор газеты “Правда” П.А.Сатюков, выступая в апреле 1959 года на республиканском совещании по идеологическим вопросам, резко критиковал стихи Расула Рзы, опубликованные в журнале “Азербайджан”. (Естественно, ему услужливо перевели эти стихи.)

“Мы должны стихами, произведениями поднимать уровень людей, их сознательность, а мы не знаем, что хотел сказать Расул Рза, что хотел преподнести этой философией, - говорил Сатюков. - А почему вы печатаете? Этого делать нельзя. Печатать должна быть острым орудием борьбы за коммунизм. Печатать всякую ерунду нельзя. Журнал для этого использовать не нужно”.

Далее П.А.Сатюков отметил, что на этом совещании Расул Рза подвергся критике, но молчит: “Мы ожидали, что поэт Расул Рза выступит и скажет, но он спокойно сидел до

конца и не вымолвил ни слова. Это пренебрежение. Раз по вашему адресу коммунисты выступали, вы обязаны были выступить и сказать, что эта критика действительно правильная, справедливая. Получается, говорите что хотите, а мне нет дела до вас”.

Последняя фраза Сатюкова была верной. Ни до него, ни после никто из критиковавших поэта не услышал от него признания упреков в свой адрес справедливыми и слов покаяния.

После падения Н.С.Хрущева в тот же день были смешены со своих постов зять Никиты Сергеевича, главный редактор “Известий” А.Аджубей и его коллега и друг, главный редактор “Правды” Сатюков. А газета “Правда”, уже при новом редакторе, опубликовала восторженную статью критика Ю.Лукина под названием “Краски нашей жизни” о поэзии Расула Рзы, в том числе и о раскритикованных бывшим главным редактором стихах.

Кстати, о Хрущеве в связи с Расулом Рзой и Чингизом Гусейновым. С Чингизом, особенно в последние годы, у меня неоднозначные отношения. Об этом я написал и в эссе о нем, включенном в эту книгу. Когда в Москве отмечалось мое 70-летие, Чингиз пришел на юбилейный вечер, захотел выступить и очень тепло говорил не только обо мне, но и о моих родителях. Когда в этом году ему исполнилось 80 лет, я счел своим долгом написать слова поздравления ему, и они были опубликованы и в бакинской прессе, и в Москве. Я полагал, что на этом наши отношения вновь входят в нормальную колею. Но вот мне попала в руки его довольно объемистая книга воспоминаний. Не хочу давать общую оценку этой книге, в которой много спорного. Меня поразили шпильки в адрес Расула Рзы, разбросанные по разным страницам воспоминаний. Ведь я прекрасно помню их отношения при жизни отца. В каждый приезд Расула Рзы в Москву Чингиз встречал и провожал его, выражал всяческое уважение. Не буду опровергать все его насокки на Расула Рзу в этой книге, тем более цитировать их. Коснусь лишь фактической стороны одной из них. Чингиз Гусейнов пишет, что якобы Расул Рза накануне снятия Хрущева со всех постов, готовясь к выступлению в Москве, спрашивал у секретаря Союза писателей Верченко, надо ли ему цитировать Хрущева. Люди, знакомые с характером Расула Рзы, и сам Чингиз в том числе, знают, насколько не соответствует такое поведение нраву Расула Рзы. Но я хочу указать лишь на фактическую неправду этого воспоминания Чингиза. Дело в том, что накануне и в день снятия Хрущева Расул Рза как раз был в Баку, и я хорошо помню, как мы с ним обсуждали этот вопрос у нас дома. Так что не мог Расул Рза, дорогой Чингиз, в один и тот же день быть и в Баку, и в Москве, будто бы спрашивая разрешения у Верченко о цитировании Хрущева.

Расул Рза всю жизнь писал и творил в такой среде, в условиях, когда партийные функционеры, несостоявшиеся поэты, малограмотные критики “учили” его, как надо писать стихи. Чтобы выдержать все это, не дойти до разрыва сердца, помимо поэтического таланта требовалась великая доблесть терпения. Минуло несколько лет после этой критической кампании, сменился идеологический секретарь ЦК КП Азербайджана, и в 1963 году Расула Рзу подвергает критическому огню уже новоиспеченный секретарь. На сей раз, 21 марта 1963 года, на собрании азербайджанской интеллигенции новый идеологический секретарь говорил о цикле “Краски”: “Большинство стихов, включенных в этот цикл, состоит из абстрактных и туманных мыслей”.

После этого официального идеологического вердикта в атаку на Расула Рзы ринулись уже его коллеги по литературе. В нескольких номерах газеты “Адабият ве инджесенет” за тот же год выходят разные критические статьи.

“Серьезные недостатки, бросающиеся в глаза в ряде последних стихотворений поэта, в особенности в цикле стихов под названием “Краски”, не могут не беспокоить нашу литературную общественность. В этих стихах явственно ощущаются именно абстрактный гуманизм, отдаление от актуальных вопросов нашей современной жизни. В соотнесении красок с человеком, в их событийной метафоризации есть несоответствия и абстракционизм. Куда же девались традиции нашей ясной и в смысловом, и в изобразительном отношении, благозвучной и гармоничной советской поэзии, что в наш стих находят путь такие “криптограммы” и абстрактность?” (“Адабият ве инджесенет”, 9 февраля 1963 г.).

Постоянное скандирование слова “абстрактность” связано с тем, что в ту пору под нажимом Хрущева развернулась кампания крутых гонений и давления на художников-абстракционистов со стороны советской пропаганды, и “Краски” Расула Рзы обратились в мишень этой кампании в Азербайджане.

Из другой статьи - “Ясность цели и професионализм”: “Можно ли оставаться безучастным к проникновению в нашу культуру враждебной идеологии под ширмой “новизны” коррозии литературы и искусства - оружия, могучего средства коммунистического воспитания? Конечно, нет. Под названием “Краски” опубликовано 27 стихотворений Расула Рзы. Я внимательно прочитал эти фрагменты, стремясь найти в них некий благой для нашего общества смысл, полезную тему, очень жаль, что не смог найти. Опубликованием “Красок” Расул Рза оказался теперь в трудноразрешимой ситуации. Конечно, автор может сказать, что здесь никакой трудности нет, мол, я подпадал и выходил из более трудных положений, еще несколько лет тому назад меня крепко покритиковали за формализм, и что вышло, что я потерял? Быть может, автор искренне признает вышеуказанные ошибки... За этот период критике формализма, абстракционизма было посвящено много статей. Если бы товарищ Р.Рза не пренебрег критикой “Красок”, то к настоящему времени уяснил и определил бы для себя “краски”, смог бы высказать решительное мнение о том, что простокваша белого, а сажа черного цвета.

Если вредные тенденции вроде абстракционизма и их различные “оттенки” не будут раскритикованы, побиты и изгнаны из литературного обихода, то у наших читателей они возбудят чувство отвращения к поэзии, искусству, внесут раздрай в мир искусства” (Газета “Адабият ве инджесенет”, 30 марта 1963 г.).

И как ни ждал автор признания Расулом Рзой своих “ошибок”, да так и не дождался. Расул Рза продолжал упорствовать в своем небрежении подобного рода “kritikoy”, никак не признавал, что “простокваша белая” и оставлял подобного рода открытия и изобретения на долю других поэтов.

Конечно, Расул Рза не меньше своих критиков знал, что простокваша белая, а сажа черная. Напиши он, что простокваша белая, наверное, было бы правильнее, и все бы с ним согласились, никто бы не возразил. Но это была бы не поэзия. Критикующие его и выставлявшие себя знатоками народного языка, народных речений забыва-

ли самые обычные народные выражения. В народе говорят: “белая ложь”⁶⁵, “черная клевета”. Спрашивается, как можно определить цвет лжи или клеветы, почему именно “белая” и почему “черная”? Народ использует еще и выражения: “называть белое черным”. Если бы “Краски” читали внимательно и непредвзято, то увидели бы, что необычные словосочетания - “черная простокваша” и “белая сажа” использованы именно и только в одном стихотворении - “Не трогать, “окрашено”.

Это стихотворение направлено против лжи, фальши, коварства, ложных понятий, и потому здесь все предстает не как есть, а в перевернутом виде - и “белая сажа”, и “черная простокваша”, и “съедобные пески”, и искусственная улыбка, и суррогат любви, и подобострастные, угодливые аплодисменты. Одним словом, речь идет обо всех “правдоподобных кривдах” советского общества, представлении всего и вся в обманчивом камуфляже, в приукрашивании действительности. Поэт против хамелеонов, упоминаемых в стихотворении. Конечно, понять “Краски”, вникнуть в их глубинный смысл не так уж просто. Прежде всего это требует определенной грамотности, знаний, эрудиции, чтобы понять, почему в “Коричневом” упоминаются имена Бальзака или Гогена, надо знать о пристрастии первого к кофе, о доминировании коричневых тонов в таинских полотнах Гогена. Чтобы уяснить, почему в связи с теми или иными красками упоминаются французские художники-импрессионисты и композиторы, надо хоть мало-мальски быть осведомленным в их творчестве - иметь представление о голубых танцовщиках Дега, о золотистых подсолнухах Ван Гога, если не слушать, то хотя бы слышать о произведении Дебюсси “Девушка с волосами цвета льна”. Но оставим вопрос о недостатке грамотности. Читателю “Красок” надо учсть то, что Расул Рза привнес в азербайджанскую и, по словам Назыма Хикмета, во всю тюркоязычную (включая Турцию) поэзию значимое новшество - ассоциативный образ художественного мышления, связь пробуждающихся в памяти картин и видений, зачастую случайных, с подсознанием. Именно поэтому Назым говорил: “Расул привлек в нашу поэзию совершенно новое, качеством в “Красках” он превзошел самого себя”. Чтобы понять, прочувствовать “Краски”, конечно, надо найти ключ, поэтический шифр, код этого цикла. Скажем, “Слоновая кость” вызывает у Расула Рзы представление о бивнях слона, что влечет ассоциации - Индия, Африка, и далее затрагивается тема участия колониальных стран, всегда тревожившая поэта. В стихотворении ведется речь о “боли Африки”, “судьбе чернокожих”, “тюремных решетках”, “узловатой веревке”, “проволочных заграждениях”. В стихотворении “Каштановый” выстраивается ассоциация - финики, финиковые рощи - опять же колониальные земли. “Коричневый” - не только повод к “бальзаковским” и “гогеновским” аллюзиям, но и ассоциации с фашизмом - “коричневой чумой”. “Море слез. Миллионы надгробий. Земной филиал преисподней” - фашистские концлагеря. Естественно, ассоциативные принципы Расула Рзы очень субъективны и выстраиваются по присущим только ему закономерностям, обусловлены движением его мысли, потоком его сознания. Но разве поэт должен сообразовываться не со своим внутренним миром, а с потоком чужого сознания? Действительно, можно спросить, какая связь между фиолетовым цветом и поникшим сиротой? Но объясне-

⁶⁵ “Белая ложь” - то есть беспардонная, несусветная ложь.

ние очень простое. В стихотворении Ашуга Гурбани “Фиалка” говорится: “Разлука ль склонила шейку ее, нигде не увидел прямую фиалку”. Отзвук этих живущих в памяти строк вызывает в воображении Расула ассоциацию с поникшим сиротой, который видится в фиолетовых, фиалковых тонах.

Об отдельных аллюзиях, деталях могут быть различные толкования, но идея, которую я хочу довести до читателя “Красок”, - разъяснение поэтического принципа, на основе которого построен цикл; а то, как будет воспринят каждый образ, зависит от вкуса, мира воспоминаний, раздумий, ассоциативной, подсознательной системы - словом, от субъективных факторов. Если у поэта есть право на субъективность, то такое же право и у читателя. Речь идет только о том, чтобы априори не обвинять поэта в заблуждении, неправильно избранном пути, игнорируя художественные задачи, которые онставил перед собой.

В годы печатного появления “Красок” критики, не довольствуясь неприятием цикла (это естественное явление, вопрос вкуса, уровня грамотности), сожалели о том, почему поэт не наказан должным образом, почему его не заставили замолчать, и в духе советских идеологических табу требовали “побить и изгнать из литературного обихода эти стихи”; и, как всегда, виноватили журнал “Азербайджан”, опубликовавший их.

В другой статье, опубликованной 6 апреля 1963 года в газете “Адабият ве инджесенет” под заголовком “Стихи или загадка?”, говорилось: “...”Краски” от начала до конца построены на сравнениях, сопоставлениях. Однако эти сравнения представляются очень странными, неожиданными и отвлечеными. (Хвала такой логике! Якобы стихи не должно строить на сравнениях и последним неожиданность противопоказана! - А.). Употребляемые в различных фрагментах “холодное одиночество”, “бездумные пальцы”, “пустые сердца”, “лица с печатью печали”, “море слез”, “миллионы надгробий”, “сгоревшее сердце”, “страх стужи”, “страх разлуки”, “горючая слеза”, “покров, накрывающий гроб ночи”, “тень с дыханием ледяным”, “пожизненный узник”, “тоскующие очи”, “печальные пряди”, “дрожащие губы”, “беспесенные горы”, “ослепшие ключи”, “угодья без дичи”, “очаги без огня” и ряд других выражений вносили в стихи настроение безнадежности, печаль и холод”.

Хочу отметить еще одно обстоятельство. Что бы ни могли уразуметь дотошные советские критики, а в нюхе на “идеологические сбои” им не откажешь. Одной из причин зашифрованности “Красок”, донесения множества истин в завуалированном виде было стремление избавиться от цензурных препон. И где было знать и предвидеть бедному критику, что пройдет лет 25-30 после написания этих стихов, и “миллионы надгробий” жертв репрессий, “страх стужи”, “тени с ледяным дыханием” сосланных в Сибирь, “море слез” потерявших близких, “дрожащие губы”, “страх разлуки”, “сгоревшие сердца”, “холодное одиночество” и “пожизненное узничество” людей в период советской истории нашего народа станут предметом всеобщих разговоров обо всем этом, о настроениях, навевающих “холод” и “печаль”, будут писать и писать, и это даже превратится в некую моду. И в разрешительные времена всякий будет обильно рекламировать свою “тогдашнюю смелость”.

А в 63-м году выбирать и выстраивать в ряд приведенные выражения - отметины трагедии, печали и безысходности - было откровенным политическим стукачеством, доносом.

Слева: Юсиф Азимзаде, Байрам Байрамов, Расул Рза, Расул Гамзатов, Бахтияр Вагабзаде, Абульгасан

Из документов, обнародованных в последние годы (и то частично, выборочно), можно узнать, что органы государственной безопасности постоянно следили за нашей семьей. Доктор исторических наук, профессор Эльдар Исмаилов в своей статье, опубликованной в газете “Меркез” (16-23 февраля 2000 г.), отмечает, что в особо секретных документах в числе людей, испытывающих симпатию к Турции и имеющих там родственников, фигурирует и имя Расула Рзы, и предписывается установить за ним чекистский контроль.

В более поздние годы, по свидетельству генерала КГБ Ильгусейна Гусейнова, этот контроль не ослабевал. Он подчеркивает и то, что доносы на Расула Рзу в КГБ писали его же коллеги. В книге журналиста Асильдара Гусейнова “Беседы с генералом разведки” приводятся следующие слова Ильгусейна Гусейнова: “Если искренне признаться, мы по доносам самих же писателей должны были объявить Расула Рзу диссидентом. Доносили, что он привязан к Турции, в стихах использует турецкие слова. Кстати, среди доносчиков были и те, кто сейчас провозглашает свою пламенную любовь к Турции”.

Цикл “Краски” поднял нашу поэзию на новый уровень и оказал серьезное влияние на мироощущение, мировидение литературной смены, дал мощный импульс ее творческим исканиям.

Международный успех “Красок” также стимулировал это движение. Знаменитый русский поэт Илья Сельвинский писал: “Краски, чья неудержимая гармония раскрывается под пером Расула Рзы, не несут элементарный характер, сообразно первоначальному фольклорному пониманию, т.е. “белое - чистота”, “черное - траур”, “красное - гнев”, и т.д. Благодаря умению автора подойти индивидуально к тому или иному цвету каждое стихотворение разительно отличается от другого и звучит в совершенно свободном тоне. Эти стихи объединяют движение к философии, эта полифония цветов оставляет в тени роскошество Артура Рембо, видевшего цвета в чувствах”.

Высокую оценку поэзии Расула Рзы дали и гениальный композитор современности Дмитрий Шостакович, и такие выдающиеся мастера слова, как Чингиз Айтматов, Эдуардас Межелайтис. В письме канадского писателя и издателя Дизона Картера говорится: “В Канаде поэзию читают мало, и стихотворные сборники переиздают в очень редких случаях. Однако стихи Расула Рзы столь выделяются своим высоким гуманизмом, что в Канаде и Соединенных Штатах Америки тысячи читателей раскупили их всего за несколько месяцев и прочли”.

Справедливости ради надо сказать, что и в Азербайджане были люди, глубоко осознающие истинную ценность “Красок”.

Аксакал нашей критики, академик Мамед Ариф с великим терпением объяснял особенности “Красок”, не понятые некоторой частью публики. Несмотря на это, никак не остужался и пыл противников “Красок”. Два года спустя, 20 февраля 1965 года, в газете “Адабият ве инджесенет” поэт Мамед Рагим в статье “Некоторые соображения в связи с нашей поэзией” предъявляет претензии Расулу Рзе, что он, дескать, включил в свой новый сборник “Чувства и думы” и подвергшиеся критике “Краски”. Больше всего Мамеда Рагима прогневило то, что в предисловии к сборнику этот цикл был высоко оценен. М.Рагим негодовал: “Если такая высокая оценка “Красок” - не политическая тупость, то что это такое?”. Другое обстоятельство, вызвавшее раздражение автора статьи, - то, что в предисловии шла речь о заботе, оказываемой Расулом Рзой молодой литературной смене, о литературной школе Расула Рзы. “В азербайджанской литературе нет литературных школ отдельных писателей и поэтов. У нас один путь, одна литературная школа, и это - путь социалистического реализма”.

Возможно, что путь Мамеда Рагима и был путем соцреализма, но этого никоим образом нельзя сказать о Расуле Рзе. Отметим, что и другие поэты старшего поколения встретили понятие “школа Расула Рзы” с ревнивым протестом.

В ту пору по советскому менталитету наличие школы того или иного художника было сродни получению ордена или почетного титула. “Почему у такого-то есть литературная школа (орден, звание), а у меня нет?”. Многие из наших критиков с тех времен со страхом стремятся не заикаться о школе Расула Рзы. Конечно, дело не в утверждении понятия “литературная школа”. Отец мой всегда говорил, что может числить принадлежащими к его школе только тех, кто сам признает эту принадлежность. Если найдутся признающие... не боящиеся признаться (“А как отзовутся другие?”). А если нет - не беда. Есть тексты. Есть стихи. Расула Рзы и других. Сегодняшние и будущие читатели на основе этих текстов могут сами сделать свои выводы и расставить все по местам.

Как бы то ни было, Расул Рза не обходил вниманием ни один достойный талант - как среди своих современников, так и среди молодых. Он поддерживал и молодых поэтов, в чью будущность верил, и прозаиков среднего и молодого поколения, таких как Иса Гусейнов, Максуд и Рустам Ибрагимбековы, Акрам Айлисли, Мовлуд Сулейманлы, при необходимости заступался за них, ограждал от неправых нападок, хулы, давления, не боясь обрести врагов и за это заступничество.

Многие ныне признанные поэты искренне признают влияние Расула Рзы на первых порах их творчества, в молодые годы.

Талантливый поэт, к великому сожалению, рано ушедший из жизни, успевший заблистать смолоду вопреки критическому обстрелу, Али Керим писал: “Влияние творчества Расула Рзы на нас, молодую литературную смену, велико. Его творчество - прекрасная школа. Трепетать над словом, высказывать мысль образно, подчинять ритм мысли, не давать чувству задохнуться в колодках размера, - таким навыкам мы учились именно у Расула Рзы”.

Поэт Мамед Араз - в те времена молодой, а ныне - одна из блестящих личностей нашей поэзии: “Расул Рза, феноменально чувствовавший и понимавший все тонкости нашего языка, мастерски использовавший его восхитительную сладость, многоцветность и музыкальный колорит, сумел поднять азербайджанскую поэзию на новую художественную высоту. Красная нить всех его творений - высокая гражданственность, истинный патриотизм. На сложных и тернистых путях искусства Расул Рза был и остается и останется для меня прекраснейшим примером служения своему высокому призванию”.

Наш незабвенный поэт Халил Рза Улутюрк: “Расул Рза и своей яркой личностью, своей великой поэзией - совершенно оригинальное явление в истории азербайджанской советской культуры. По сути, его несравненное творчество - продолжение его великой личности в исключительно богатой поэзии”.

Поэзия Расула Рзы бессмертна, одно из редчайших явлений по меньшей мере “тысячелетней истории азербайджанской поэзии”.

Могут спросить: а разве нет у Расула Рзы произведений, написанных в рамках коммунистических идеологических постулатов? Конечно, есть. Могут спросить: а нет ли у Расула Рзы преходящих, слабых, посредственных стихов? Конечно, есть. Из 615 стихотворений и 19 поэм, включенных в самое полное собрание его сочинений, по моему мнению и вкусу, 15-20 стихотворений и две-три поэмы можно считать слабыми произведениями, шаблонные, длинные, риторические стихи - не более чем набор слов, не отличающиеся от сотен подобных стихов иных наших современных поэтов. Любопытно, что эти стихи, написанные в соответствии с официальными идеологическими требованиями эпохи, режима, быть может, вынужденно, - “Октябрь”, “Коммунистической партии Советского Союза”, “Октябрьская песня”, “Родная партия”, “Слово Комсомола”, “Самур-Дивичинский канал” и толика других стихов - самые тусклые и в художественном отношении произведения поэта.

Неоспоримая истина - когда стихотворение рождается не из искреннего переживания, действительных раздумий, оно мстит своему создателю - получается слабым, плоским, худосочным. В этом отношении есть только одно исключение в творчестве Расула Рзы - поэма “Ленин”. Давший высокую оценку поэме, наш великий поэт Самед Вургун писал: “Я читал отрывки из сильной, впечатляющей поэмы о Ленине, написанной моим товарищем по перу Расулом Рзой. Могу смело сказать, что после поэмы Маяковского о Ленине я не читал во всей советской поэзии произведения о Ленине такого размаха. Поэт выражает свои идеи, думы, свои большие чувства устами простой неграмотной старой женщины. Я, как писатель и поэт, чувствуя, сколь труден этот литературный прием. Когда Расул Рза читал эту часть поэмы, я сказал, что этот способ изображения должен считаться изобретением поэта. Это подвиг... Поэт воспроизвел

грандиозный, вечно живой, правдивый образ величайшего человека нашей эпохи - Ленина, его глубокий гуманизм яркими художественными картинами... Поэма Расула Рзы “Ленин” обойдет весь мир”.

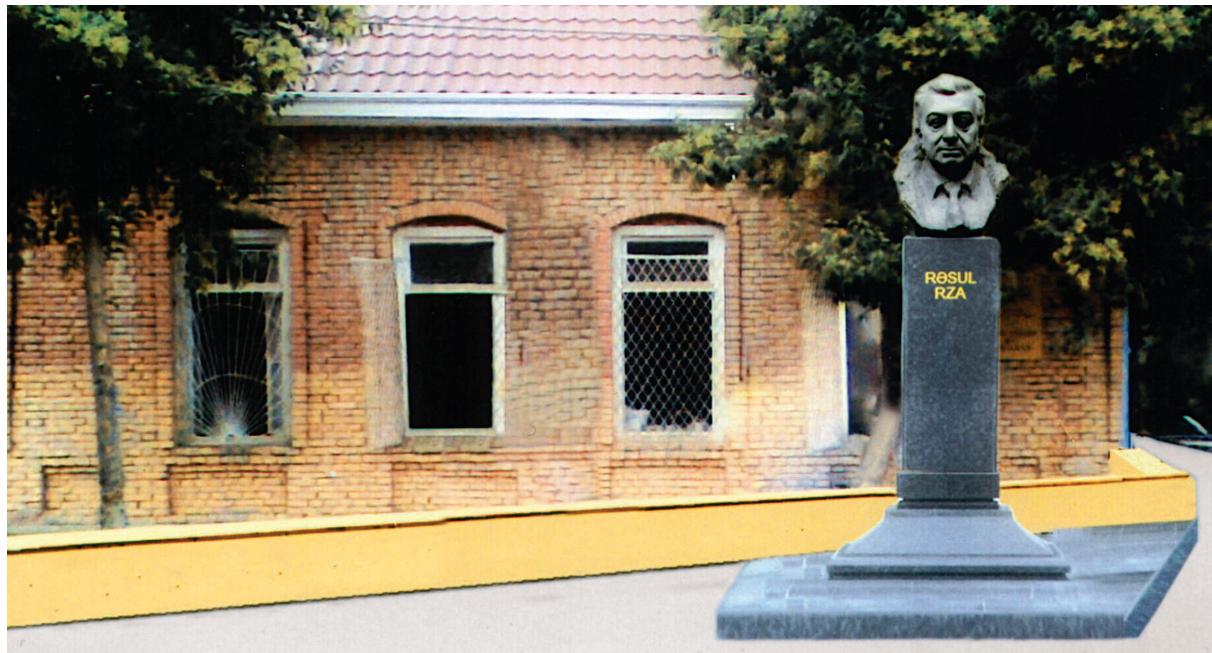
Конечно, Самед Вургун прав в оценке художественной значимости поэмы. Это произведение - одна из вершин творчества Расула Рзы. Одна из вершин, но не единственная и не самая высокая. Как жаль, что советская идеологическая система включала в школьные учебники именно эту поэму и стремилась представить и изучать Расула Рзу в первую очередь как автора поэмы “Ленин”. Ныне, в период независимости и свободы, некоторые недоброжелатели также пытаются представить Расула Рзу только по этому произведению... и обличить. О Ленине писали поэты всех народов Советского Союза, и в частности - все поэты Азербайджана. “Вина” Расула Рзы в том, что он написал лучше других. Произведения других поэтов о Ленине забылись. А поэма Расула Рзы все еще остается в памяти. Я не намерен ни осуждать, ни оправдывать Расула Рзу за создание этой поэмы. Хочу только остановиться на некоторых моментах. Поэма написана в 40-е годы, то есть в годы абсолютного всевластия Сталина, причем написана не о Сталине, а о Ленине. Не могу ничего сказать о 30-х годах и годах войны, но со второй половины сороковых годов, то есть с мало-мальски сознательного возраста я был свидетелем в определенной степени критического отношения отца к Сталину. Говорю “в определенной степени”, потому что, во всяком случае, он считал Сталина великой личностью и мудрым человеком. Когда “вождь народов” скончался, отец искренне печалился, даже плакал, никому не демонстрируя своих чувств, кроме членов семьи. Я помню и это. Но помню и то, как в интимных беседах с самыми близкими он с большой болью и недовольством говорил о сталинских репрессиях, о политике русификации, проводившейся государством. Отец питал глубокое уважение к великой литературе и искусству русского народа, но о сталинской политике русификации других народов, в том числе азербайджанского, говорил, что “даже Николай не напорол такого...” (Речь идет о Николае Втором). Часто повторял народное присловье: “Чем быть меньшим из братьев, лучше быть свиньей большой”, намекая на советский стереотип о “старшем брате” Это отзывалось и в стихах.

*Нет брата у меня, а сколько
есть братоподобий,
может, так удобней...
Будь брат, допустим, младший,
он у меня взвыл бы.
Будь у меня брат старший,
уселся бы на вые...*

В 1956 году, после разоблачения сталинских преступлений, после оглашения правды о репрессиях отец возненавидел “верного ленинца”.

А в Ленина верил. Отцу казалось, что все непотребства советского общества начались после смерти Ленина; проживи он дольше, история страны развивалась бы в ином русле, и не было бы произошедших трагедий.

Ведь еще в 1981 году - до года кончины Расула Рзы - и советские народы, да и весь мир не знал и тысячной доли того, о чем мы знаем сегодня. Помнится, в пору моей учебы в Москве, в 1962-64 годах, я прослышил о кое-каких секретных фактах, связанных с Лениным; например, о том, что во время Первой мировой войны Ленин был переправлен из Швейцарии в Россию при непосредственной помощи германского военного штаба, то есть, по сути, в качестве диверсанта. Ныне все знают, что Ленин в Россию был привезен тайным путем, в опломбированном вагоне. А в поэме моего отца Ленин едет в открытом вагоне, беседуя и делясь печалями со спутниками-пассажирами. В московских кругах шепотом говорили и о том, что Ленин получил большую сумму денег от немцев при посредничестве Парвуса - с целью спровоцировать смуту в России, ведущей войну с Германией. Когда в Баку я поведал об этих разговорах отцу, он никак не хотел поверить. "Это вражеская пропаганда!", - говорил он. Ну что тут попишешь, не только Расул Рза, живший в "окраинной" стране, не ведавший о документах, но и немало видных художников свободного мира, живших в крупнейших информационных центрах и имевших возможность ознакомиться со многими истинами, фактами и писать так, как им хотелось, долгие годы подвергались и многие поныне подвержены этому гипнозу - поклонению коммунистическим идеям, Ленину, Сталину. Знаменитый английский писатель Герберт Уэллс считал Ленина "кремлевским мечтателем", французский мастер слова Анри Барбюс восхвалял Сталина; американский журналист Джон Рид стал восхищенным летописцем Ленина и октябрябрьского переворота, немецкий романист Лион Фейхтвангер оправдывал кровавые процессы 37-го года. Знаменитые поэты Франции - Поль Элюар и Луи Арагон, чилийский поэт, лауреат Нобелевской премии Пабло Неруда, всемирно известные творцы - художник Пабло Пикассо, кинорежиссер Лукино Висконти, скульптор Мансу, драматург Бертольд Брехт

Дом музей Расула Рзы в Гейчae

были коммунистами, уверовавшими в Ленина. Я уже не говорю о Назыме Хикмете. В таком случае удивительно ли, что мастера искусства, жившие в Советском Союзе, в той или иной степени разделяли коммунистические идеи, фетишизовали Ленина?

*Ленин - с душою, преисполненной любви
человек!*

*Ленин - непримиримый враг
неуместного всепрощения,
сверхчеловеческой любви!*

Увы, Расул Рза искренне верил в то, о чем писал. И это не удивительно. Удивительно то, что, пребывая в той же идеологической и духовной резервации, он оставался верен своему мироощущению, не закрывал глаза на уродства общества и строя!

Удивительно, что при общем хоре советской ангажированной литературы о счастье, светлых днях советских людей, Расул Рза с горечью говорил: “Верно, “на зло отвечать добром” - не моя жизненная философия. Но есть ли день какой, и час, и миг мой, что был бы без горя, тревоги и печали?...”.

Есть и то обстоятельство, что в поэме Расула Рзы Ленин прежде всего выступает как враг реально существовавших в царской России социального неравенства, произвола, гнета:

*Поволжье обойдя, он видел
тыщу бед, чинимых над народом.
Он видел сытых и моримых голodom,
он видел боль народа,
бездмерную нужду...*

Мысли, чаяния, искренне выражаемые в поэме, сами по себе благородны:

*Наши мечты ясны.
Народы пусть братьями станут.
Ни голода, ни нужды
и ни кровавой войны.
Это ли наша вина?
Это ли наш ограх?*

Да. В этом ли вина и ограхи Расула Рзы и многих его современников - в искренней и долговременной вере в упомянутые идеалы?

Наконец, остановлюсь еще на одном аспекте. После распада Советского Союза, обретения Азербайджаном независимости мы строим рыночную экономику - иными словами, капитализм - и повседневно сталкиваемся со всеми изъянами и этого общества.

В наше время бытует точная острота: все, что твердила нам советская пропаганда о коммунизме, оказалось ложью, а все, что говорилось о капитализме, - правдой.

При новом прочтении одного эпизода из поэмы “Ленин” мне показалось, что я вижу картину сегодняшнего Баку:

*Представления, канканы.
Казино. Кураж. Рулетка.
И днями делящаяся блажь.
Господа, их благородья,
воспаленные глаза
от бессонных ночей
выпивонов и затей...*

* * *

Одна из претензий, предъявляемых ныне Расулу Рзе, состоит в том, что и он, наряду с другими известными нашими поэтами, в советский период сподобился почетных званий и высоких наград. Но “истцы” забывают о том, что если советскому режиму и приходилось время от времени награждать талантливых, признанных людей, эти награды никого не застраховывали от критики, давления, преследований.

Резкие критические накаты в эпоху сталинизма на Шостаковича и Прокофьева - гениальных композиторов, удостоившихся самых высоких наград и орденов советского государства, в хрущевский период - разнос такого титулованного, маститого, обласканного наградами писателя, как Эренбург, в брежневский период - отстранение от рабо-

Расул Рза, Нигяр Рафибайли, Анар

БОРЬБА ВЕРШИТСЯ И СЕГОДНЯ...

Памятник Расулу Рзы в Баку

ты, травля одного из крупнейших поэтов России - Твардовского, ускорившие его смерть, - это лишь несколько примеров. И Расул Рза на протяжении всей жизни, несмотря на награды и почетные звания, творил и боролся в условиях морального давления, нападок. Как жаль, что многие теперешние юные журналисты этого не знают и, быть может, сознательно не желают знать. При жизни Расула Рзы виноватили за то, что он не похож на других наших современных поэтов, идет своим путем. А в наши времена его приплетают к ангажированным поэтам тех лет и шерстят заодно с ними.

И, наконец, есть еще личностный момент. В мои молодые годы, когда я начинал литературный путь, противники моего отца встречали в штыки и меня. А теперь недовольные мною антагонисты обращают свой гнев и на память о моем отце...

Я не делаю из этого трагедии. И ныне существует определенная категория людышек без чести и чувства справедливости, которая из-за ничем не спровоцированной тупой ненависти и слепой ярости в отношении меня пытается без зазрения совести не замечать или делать вид, что не замечает все богатое творческое наследие Расула Рзы, всю многосложность его жизненного пути. Подобные люди сводят все его творчество к одной лишь поэме "Ленин" и таким нехитрым образом объяляют поэта будто бы выразителем коммунистических идей. В свое - советское - время духовные предшественники нынешних так называемых "вольнодумцев", доморощенных "демократов" и запоздалых "антисоветчиков" - идеологические цербера прошлых лет - травили поэта как "очернителя действительности", художника, "идейно чуждого советскому строю, методу социалистического реализма". Сейчас же с маниакальным упрямством, подобно попугаям повторяя друг друга, ссылаются на поэму "Ленин", как якобы доказательство сервильности и конформизма Расула Рзы. В который раз повторяется извечный сюжет басни "Слон и моська", с той лишь поправкой, что нынешние моськи не умеют даже толком лаять, а бесконечно скулят. А под этот скулеж поэтический караван Расула Рзы идет сквозь годы и века. Все это для меня еще одно подтверждение продолжения жизни Расула Рзы. С мертвыми не воюют. Борются только с живыми или памятью о них. Расул Рза, чья жизнь прошла в борениях, и сегодня на поле брани, как живой участник.

Была у моего отца заветная мечта. Он всегда говорил, что непременно встретит XXI век, проживет в новом тысячелетии хотя бы один день, а уж потом... Он ошибся. Он сам встретит нас в двадцать первом столетии. Ибо он - поэт будущего, и не близкого, а далекого будущего. Людям, живущим сегодняшним днем, трудно понять человека, живущего Днем Грядущим.

Расул Рза родился 19 мая, умер 1 апреля. Май идет после апреля. И покинувший мир в апреле, поэт возвращается в него в мае.

Я верю, что и в XXI веке Расул Рза будет находиться в горниле литературных и общественных борений, продолжая свое воительство. Потому хочу завершить эти заметки его собственными строками, изменив только одно слово, обращая их к самому Расулу Рзе:

*Борьба вершиится и сегодня...
И ты в ее рядах передовых.*

*Июль-октябрь 1997 г.
Перевод Сиявуша Мамедзаде*

Невозможность стать журавлем

Эта книга, с которой, возможно, ознакомится читатель, составлялась в течение 55 лет. Одно из первых эссе, включенных в книгу, посвящено рассказу М.Ф.Ахундова “Обманутые звезды” и написано в 1954 году - в мои студенческие годы. Последнее, которое сейчас перед вами, - в конце ноября 2009 года. Когда представилась возможность собрать вместе все эссеистические тексты, написанные в течение почти всей моей сознательной жизни, я включил в сборник работы разных лет без каких-либо изменений. Оставив первоначальный текст как есть, я сделал лишь некоторые добавления - скажем, к эссе о Гусейне Джавиде, Юсифе Везире, Микаиле Мушфике, существенно сократил эссе о Расуле Рзе, написанное в свое время как предисловие к турецкому изданию его сборника стихов. Значительно сокращен и текст документальной повести об Энвере Мамедханлы “Жизнь болит”.

Собрав все работы не только разных лет, но и разных общественно-политических периодов нашей истории, я обнаружил, что в целом складывается какая-то панорама литературной жизни Азербайджана от “Китаби Деде Горгуд” до наших дней. Охвачены самые значительные имена и явления в нашей классической литературе, так, как они воспринимаются и осознаются мной. В то же время в разные годы я писал почти обо всех современниках - и о тех, кто был старше меня, и о сверстниках, и о представителях последующих поколений - в том числе и о самых молодых поэтах и писателях. В общем, как говорится, от “Адама до аэроплана”... И вот, замахнувшись на такой амбициозный проект, я осознал, что в нем с точки зрения исторической и эстетической последовательности имеется пробел. Охвачены не все фигуры национальной литературы, без которых ее поступательное движение может показаться не точным. И за короткий срок я написал новые эссе, стараясь восполнить этот пробел. Так, в течение двух осенних месяцев 2009 года были написаны эссе о М.П.Вагифе и М.В.Видади, о поэтессе Натаван, о драматурге Дж.Джаббарлы и некоторых других. Конечно, даже с этими добавлениями за пределами этой книги осталось много достойных фигур как нашей классической, так и современной словесности. Но, как говорится, нельзя объять необъятное. О некоторых из тех, кто не вошел отдельными темами в сборник, я написал в обширном предисловии к этой книге.

Поджимали сроки издания книги, но я знал, что не сдам ее в производство без еще одной - последней работы, крайне важной и дорогой для меня. И вот оно перед вами - последнее по времени написания эссе, и посвящено оно моей матери - народной поэтессе Азербайджана Нигяр Рафибейли. Почему я оставил эту работу напоследок? Наверное, потому, что она оказалась самой трудной и мучительной для меня. Прошло 28 лет с 10 июля 1981 года, дня ее смерти, но для меня этот день все еще был - вчера. Время для меня остановилось в тот день - 28 лет назад, так же как и 1 апреля того же

Портрет Нигяр Рафибейли. Художник Алисаттун Атакишиев

года - в день смерти отца. Человек, который живет, работает, выступает, что-то пишет, встречается, куда-то ездит - это не я, а кто-то другой в моем облике. Великий тюркский поэт Юнис Эмре говорил:

*Не спрашивай, где я,
есть еще одно Я внутри меня.*

Я же могу сказать: Есть Я, вне меня, но это не настоящий Я.

Порой, правда, в последнее время не столь часто, вижу их во сне. Мы рассматриваем фотоальбом, изданный после их смерти, они комментируют какие-то снимки, обсуждаем их посмертные издания, они высказывают какие-то замечания о моем документальном романе “Без вас”, я уточняю какие-то детали их биографии, спрашиваю о каких-то фактах у отца и матери... Но не дождаюсь ответа. Просыпаюсь. Меня гложет чувство вины, ну как же так, почему я при их жизни так мало расспрашивал своих родителей об их такой необычайной судьбе. Почему они так скромно рассказывали обо всех напастях и бедах, выпавших на их долю?

Особенно я переживаю то, что так бессистемно, от случая к случаю интересовалася перипетиями жизни семьи Рафибейли. Я понимаю - на этом роде лежало табу времени, вернее, режима. Мама не хотела рассказывать нам, своим детям, обо всем, что пришлось вытерпеть ее семье отластей, чтобы не ожесточились наши сердца, чтобы не сеять в наших душах семена злобы, мстительности, ненависти.

Но мы-то, особенно я, самый старший среди детей, к тому же связавший свою жизнь с литературой, почему не выпытывал у нее подробности, о которых только сейчас мы узнаем из обнаруженных обнародованных документов? Низкий поклон Рафаэлю Гусейнову, скрупулезно собравшему из архивов все доступные материалы и написавшему глубоко эмоциональную книгу о роде Рафибейли, спасибо старейшине рода Рафибейли, генералу юстиции, юристу Акифу Рафиеву, добывшему следственные показания по делу Худадат бека Рафибейли, отца моей матери. Он же собрал документы для полной реабилитации Худадат бека, расстрелянного в 1920 году по обвинению в организации гянджинского восстания.

Выступая в Гяндже на церемонии открытия памятника Нигяр Рафибейли в Ханском саду, общенациональный лидер нашего народа Гейдар Алиев сказал: “В репрессиях двадцатых-тридцатых годов были уничтожены очень достойные гянджинцы - интеллигенты, один из них - отец Нигяр ханум Рафибейли, Худадат бек Рафибейли, человек, занимавший пост министра в первом независимом правительстве Азербайджана, впоследствии стал жертвой репрессий. Но история ставит все на свои места, дочь репрессированного Худадат бека Рафибейли - Нигяр Рафибейли прошла большой путь, трудилась во имя развития азербайджанской культуры. Вместе со своим спутником жизни - великим поэтом Азербайджана Расулом Рзой - она сыграла особую роль в возрождении азербайджанской литературы”.

Гейдар Алиев открывает памятник Нигяр Рафигбейли в Хан багы (Ханском парке) в Гяндже

Порой в сновидениях я рассказываю маме, что полностью восстановлено доброе имя Худадат бека и его отца - Алекпер бека, аксакала Гянджи, просветителя и общественного деятеля, одного из основателей и почетного председателя партии “Дифаи” - первой политической партии в Азербайджане, что четырем улицам в Гяндже присвоены имена четырех членов рода Рафибейли - Алекпер бека, Худадат бека, двоюродного дяди мамы - Джавад бека и самой Нигяр ханум, что установлена мемориальная доска на их фамильном доме.

Как бы гордилась всем этим мама, если бы дожила до этого дня. Ведь и в годы, когда клеймили этот род, она демонстративно не сменила свою фамилию, более того, имела мужество написать строки:

*Я наследница славного рода,
Являющегся гордостью Родины.*

(Подстрочный перевод)

А все свое горе, все удары судьбы, которые она получала с самых юных лет, она таила в самых сокровенных уголках своей души.

Когда ей было семь лет, был расстрелян отец, разграблен дом, неоднократно подвергавшийся обыскам. Во время очередного обыска нашли стихи, в которых говорилось, что “солнце восходит с Востока, с Востока ему и восходить”. Началась катавасия. В чем только ни обвиняли молодую поэтессу: в мусаватизме, в английском покровительстве (?!), в яром антисоветизме и прочем. Секретарь ЦК Компартии Азербайджана А.Гараев опубликовал в нескольких официальных газетах подпольную (“подпольную” - очень точное определение этого опуса!) статью, где не только молодой поэтессе, но в целом всем Рафибейли предъявлялись политические обвинения:

“Мадемузель Нигяр - из тех, кто ждет восхода солнца с Востока. Дочь расстрелянного помещика Худадат-бека, из опекаемых английским империализмом (?!), не может примириться с сиянием золотого солнца, взошедшего с Севера. Видно, помещичьей дочери и подобным ей еще не утерли нос, надо бы им как следует утереть носы. Тогда они смогут понять, откуда и когда восходит солнце и почему оно восходит с Севера. Почему до сих пор Нигяр ханум и иже с нею не выведены на чистую воду? Почему не сорвана маска с их лица и не показано их истинное барское лицо?” (газета “Коммунист”, 18 декабря 1930 года).

К этой беспощадной партийной инвективе тотчас присоединился ряд поэтов и писателей. Нигяр Рафибейли уволили с работы. Она оказалась без средств к существованию.

Рафаэль Гусейнов обнаружил в архиве письмо Нигяр Рафибейли, адресованное в Наркомат рабоче-крестьянской инспекции, мужественное письмо, полное достоинства:

“Часть статьи “Господа Рафибейли” посвящена мне. Статья составлена односторонне, факты передернуты и не соответствуют истине (это об опусе секретаря ЦК! - А.). В то же время эта статья сыграла зловещую роль в моей судьбе, послужила основой для увольнения меня с работы...

Сейчас мне 17 лет, когда была установлена советская власть, мне было шесть. Мой отец был врачом и был арестован еще до начала гянджинского восстания и отправлен

в Баку. Я выросла без отца и сейчас оказалась в тисках нужды. В статье неверно указывается, что мой отец был помещиком. У нас никогда не было имения. Правда, у моих родителей было три дома, но два из них сразу же были национализированы в начале советской власти, потом отняли и последнюю трехкомнатную квартиру. О первых двух я узнала только из статьи Гараева. До публикации этой статьи я работала переводчицей в Азеркино. После статьи меня уволили, и мы вместе с матерью, живущей на моем попечении, были обречены на голод. Вся моя жизнь прошла под влиянием советской власти и советской культуры. Можно ли одной статьей похоронить всю мою энергию и молодую жизнь. Я прошу вас восстановить меня на работе, чтобы я смогла и в дальнейшем принимать активное участие в борьбе за победу социализма".

Остается еще добавить, что стихи, вызвавшие такой переполох, вовсе не принадлежали Нигяр Рафибейли. Она переписывалась с поэтом Микаилом Рзакулизаде, другом ее братьев, учившимся в те годы в Ленинграде. Тот и послал ей в одном из писем злоуполучное стихотворение. Чтобы не губить карьеру Микаила Рзакулизаде, Нигяр ханум никому не призналась, что это не ее стихи. И лишь когда весть дошла до М.Рзакулизаде, тот имел мужество написать письмо в Баку с признанием, что автором данного стихотворения является он. К этому времени кампания уже улеглась, начинать ее заново было бы нелепо. Нигяр Рафибейли восстановили на работе. "Я стала работать в Азернешре, - вспоминала мама, - это была уже совсем другая среда, там работали Мушфик, Сабит, Назакет".

Назакет Агазаде, ставшая близкой подругой мамы, была дочерью заместителя председателя парламента независимого Азербайджана - Гасан бека Агаева (убитого в 1920 году наемником в Тбилиси). Впоследствии Назакет ханум стала ученым-германоведом, доктором наук, вышла замуж за Али (Алигейдара) Оруджева, профессора-языковеда.

Много лет спустя Нигяр Рафибейли написала стихотворение, посвященное памяти Назакет Агазаде:

*На крутых дорогах жизни
С нами рядышком пошли
Мой Расул и твой Али.
Молодые, с душой нараспашку
И с пылкой любовью.
В те неласковые времена
С нами узами сердца связаться
Означало не просто любовь,
А великую доблесть.*

С Расулом Рзой она обручилась в 1934 году, вместе поехали учиться в Москву, поженились 11 февраля 1937 года.

О рыцарском поступке Микаила Рзакулизаде вспоминает и народный писатель Азербайджана Ильяс Эфендиев в очерке, посвященном Нигяр Рафибейли. В этом очень искреннем очерке Ильяс муаллим рассказывает и об одном очень любопытном эпизоде, проливающем свет на некоторые моменты биографии Нигяр ханум. Работая

на киностудии, Ильяс Эфендиев как-то встретил в кабинете директора Мехти Гусейна человека, о котором было известно, что тот - чекист. Когда после его ухода Ильяс муаллим спросил у Мехти, с какой целью пожаловал на студию чекист, Мехти, улыбнувшись, ответил, что тотправлялся о его здоровье. Обеспокоенный, Ильяс Эфендиев через общих знакомых поинтересовался, откуда его знает чекист. Тот ответил: “Пусть Ильяс придет, и я покажу текст его тоста в честь Нигяр Рафибейли на дне рождения дочери Имрана Касумова”.

Ильяс муаллим вспоминает, что на том вечере было всего несколько человек, тем не менее, его совершенно невинный тост оказался в руках НКВД. Значит, эта организация не только не прекращала слежку за поэтессой, но и собирала досье на все, связанное с ней.

Угроза репрессий нависла над Нигяр Рафибейли и во второй половине сороковых годов. При помощи Акифа Рафиева мы ознакомились с одним документом - представлением МВД о ссылке Нигяр Рафибейли и ее матери, Джаваир ханум. Представление гласит:

“Рафибекова Джаваир ханум, 1888 года рождения, жена бывшего генерал-губернатора Гянджи Х.Рафибекова, расстрелянного в 1920 году органами советской власти. Его сын Рашид до последнего времени получал образование в Москве. Второй ее сын, Кямиль, - мусаватист, эмигрировал в Турцию. В настоящее время проживает в городе Карс. Состоит на службе в турецкой армии, связан со стамбульским комитетом “Мусавата” и турецкой разведкой. Ведет активную разведывательную работу против СССР. (Очередная “утка” чекистов. Дядя Кямиль не был мусаватистом, не был связан ни с турецкой армией, ни с турецкой разведкой, всю жизнь работал врачом в разных городах Турции - А.)

У дочери Нигяр Худадат бек кызы сейчас двое дядей по отцу, проживающих в эмиграции в Турции, мать и дочь до 1936 года поддерживали с заграницей письменную связь. В настоящее время враждебно относятся к советской власти”.

В конце документа вывод: “Сослать” и подпись: “Григорьян”. Это тот самый Хорен Григорьян, который в те годы был одним из руководителей НКВД Азербайджана. Он - один из основных организаторов и исполнителей репрессий 37-го года, как выяснилось впоследствии, был дашибаком,ставил своей целью истребление азербайджанцев, и

Расул Рза и Нигяр Рафибейли

в первую очередь - азербайджанской интеллигенции. В 1956 году был осужден вместе с Мир Джадаром Багировым и расстрелян.

В вышеприведенном документе рядом с вердиктом “Сослать” прописано: “Оставить”. Это решение Мир Джадара Багирова. Кто знает, какое такое благодушное настроение послужило причиной этого судьбоносного для нашей семьи акта. Может, он не захотел разрушать семью Расула Рзы, к тому времени уже признанного поэта и авторитетного общественного деятеля, к тому же не раз говорившего (и это наверняка доносилось куда надо), что в случае ссылки Нигяр он поедет вместе с ней.

Как бы то ни было, одним этим росчерком “Оставить” решилась судьба не только моей бабушки, матери и отца, но и наша - троих их детей - меня и двух моих младших сестер.

Я помню и то, что когда нависла реальная угроза очередной ссылки членов семьи Рафибейли (их выселяли более десяти раз, а в сороковые годы выслали родного дядю мамы - Фарух бека Рафибейли и его жену Рахшанду ханум), мама целые дни проводила в доме бабушки, возвращалась поздно вечером, а рано утром звонила Джаваир ханум “узнать о здоровье племянника” - так она удостоверялась, что за ночь с ее матерью ничего не случилось.

И все это она делала, тщетно скрывая свои переживания от всех нас (только отец знал об этом). Теперь, перечитывая стихи матери, мне становится ясно, чем, какими душевными муками вызваны отдельные строчки в ее стихах. В газели, казалось, написанной в традиционной форме с абстрактной поэтикой, она вдруг в отдельных байтах выражает всю нераскрытую боль своей души:

*Нет средства против ста смертей,
Найти ни одного - ни в силах,
Найти того, кто стал виной недуга моего, - не в силах.
Порозовеет небосклон, и воцарится темнота,
Я лампу малую зажечь в дому, где все мертвьо, - не в силах.
Я вышла ночью поглядеть, как в небе теплятся огни,
Но сердце жжет иной огонь, я здесь найти родство - не в силах.
Спросила любящих, они вздохнули горестно в ответ:
“Цья рана глубоко внутри, ничто спасти того - не в силах.*

(Перевод В.Портнова)

Конечно, мне не хочется представлять жизнь Нигяр Рафибейли как сплошное бедствие, как череду одних только несчастий. Было в ее жизни немало и радостных дней, месяцев, лет. Восторженная по своей природе, она вспоминала со счастливым выражением на лице не только свое раннее беззаботное детство, но и годы учебы в Москве. И в дальнейшем - семейные радости, рождение детей, которых она безумно любила, а затем и孙女, внучек, интересные поездки, затем и долгожданная встреча с братом Кямилем в Турции - незабываемые дни, проведенные в этой стране, украшали ее существование, и она выражала это в стихах, светлых не только по требованиям времени, но и по ее душевному настрою, по ее характеру, склонному видеть в мире, в природе,

в людях только хорошее. И, наконец, и в радостях, и в горестях рядом всегда был Расул, любящий муж, друг, коллега, заступник и защитник. Лучшие лирические стихи Расула Рзы посвящены Нигяр, и она посвятила мужу самые проникновенные строки своей поэзии. Особенно их чувства обострились в годы войны и разлуки. Расул посыпал ей с Крымского фронта не только стихи, но и подробные письма, в которых и описание жутких сцен войны, и лирические отступления, и беспокойство о семье, и вера в скорую встречу. В дневниках Нигяр Рафибейли военных лет отразились тревоги и волнения, связанные с пребыванием Расула на фронте, тоска и беспокойство. В минуты, когда тревожное ожидание стало выше ее сил, она пошла в Союз писателей к председателю Самеду Вургуну с просьбой послать ее на фронт, к Расулу. Самед Вургун все обратил в шутку. “Где мне взять целый батальон, чтобы обеспечить твою безопасность? - сказал он. - Знаешь, сейчас в Крыму нет никакого курорта”.

Но как чуткий человек, поняв состояние Нигяр, добавил: “У тебя задача - воспитать своего ребенка, заботиться о семье, чтобы и Расул там, на фронте, был спокоен за вас”.

Ничто - ни риск женитьбы на губернаторской дочери, ни суровые испытания тридцать седьмого года, ни фронтовые опасности, ни бытовые проблемы, ничто в жизни не могло разъединить их. Их разлучила не жизнь, а смерть.

В 1981 году в течение ста дней ушли из жизни Расул Рза и Нигяр Рафибейли. Расул Рза умер два часа спустя после того, как узнал о серьезном заболевании Нигяр и предстоящей отправке ее в Москву, - сердце, потрясенное этой вестью, не выдержало. На протяжении ста дней мы утаивали от неизлечимо больной матери известие о кончине Расула. Каждый из них так и не узнал о смерти другого. Жизнь не смогла разъединить их.

Их разъединили после смерти. По официальным установкам, отца похоронили в Первой аллее почетного захоронения. Нигяр Рафибейли было отказано в такой чести, хотя всех народных поэтов и писателей до того хоронили именно в Первой аллее. Ее решили похоронить во Второй аллее, но этого уже не разрешил я, и сестры согласились со мной.

Ведь мы никого не просили, чтобы отца похоронили в Первой аллее. И сам он этого не желал, не раз говорил и писал, что является противником “распределения” покойников по уровням. Если бы они были похоронены не в Первой или Пятой аллее, а где-нибудь совсем далеко, но все же рядом, это было бы и данью их памяти, было бы положительно воспринято обществом и стало бы маленькой отрадой для членов семьи.

У Нигяр Рафибейли есть такие стихи:

*Я ведь не насытилась свиданием с тобой,
Меня так сильно угнетает разлука,
Что если б однажды, проснувшись,
Я увидела, что стала обманом разлука.
Мы ведь были одной душой в двух телах -*

*Если радовался он,
Смеялась и я.
Когда улетел соловей встречи,
Камнем на сердце осталась разлука.*

(Подстрочный перевод)

Н.Рафигбейли (первая справа) с подругами и Ахмедом Джавадом

Самед Вургун вручает правительственные награды Нигяр Рафигбейли. 1945 г.

Нигяр Рафигбейли и Назим Хикмет

Слева: Нигяр Рафигбейли, Николай Тихонов, Сабит Рахман, Мирварид Дилбази и Медина Гюльгюн

У Расула Рзы есть строки:

**Я был целым гнездом,
Ветер подул, разметал.
Я бы с тобой не разлучился,
Нас насилино разлучили.**

(Подстрочный перевод)

...И я ничего не смог сделать...

Всем своим существом я чувствовал отчаянную беспомощность перед теми, кто управляет не только живыми, но и мертвыми, кто указывает бренным, где им пребывать на земле (у себя в доме или в изгнании, на чужбине, или в ссылке), и определяет, где хоронить мертвцев, не считаясь ни с их собственной волей, ни с желанием семьи.

Мы похоронили ее на городском кладбище, рядом с могилами матери, бабушки, дяди, двоюродных братьев, других родственников. В те дни, перебирая фотографии для некролога, мы неожиданно обнаружили одну мамину фотокарточку, относящуюся к 30-м годам, - каким-то чудом до сих пор никто из нас ее не видел. Все ее карточки молодых лет необычайно прекрасны, но в этой была какая-то особенная прелесть, нежность, красота...

Как получилось, что до сих пор никто не видел этого снимка? Будто фотография сама таилась в течение стольких лет, чтобы уже после смерти мамы подарить нам еще один ее облик, еще одну неожиданную встречу с ней.

И в тот траурный день, когда опускали саван в могилу, у меня перед глазами стоял живой образ мамы. Я видел не измученное болезнями, страдающее, изможденное лицо ее последних месяцев и дней, а молодой, одухотворенный, красивый облик. Как на той фотографии.

...И в эти мгновения я думал о ней не как о своей маме, а как о дочери, очень юной, хрупкой, очень нежной, которую я, увы, не смог уберечь.

Я думал о ее тернистой судьбе: когда-то в дворянской, интеллигентной семье родилась девочка. Она была беспечна и беззаботна, ей предстояла жизнь, полная радостей и счастья. Но подули ветры, хлынули сели, все перевернулось вверх дном. В семь лет девочка осталась без отца. В 14 лет, расставшись с матерью, братьями, приехала в Бад

Нигяр Рафигбейли и Расул Рза.
Художник Эльмира Шахматинская

ла вдали от своего письменного стола, в семейных заботах о муже, детях, потом - о внуках. Трудно представить, сколько бессонных ночей провела она у постели больного мужа, ухаживала за ним, до тех пор, пока сама не свалилась. Она до конца исполнила свой человеческий, женский, материнский долг.

...И теперь, после смерти мужа и своей собственной смерти - пройдя до конца свой жизненный путь, исполнив до конца свой долг, она снова вернулась к своим родным Рафигбейли. К тем, с кем рассталась сорок лет назад, когда ушла в другую жизнь.

Помимо общественно-политических препон, всю жизнь встававших перед ней, в чем, конечно, мы не были виноваты, я все же чувствую перед ней вину по другой причине. За полвека работы в литературе у Нигяр Рафигбейли вышло очень мало книг. Одна из главных причин в том, что ей не удалось написать и сотой доли того, что она могла бы написать. Семейный долг, материнские обязанности, заботы большого дома

ку, ни на кого не опираясь, ни от кого не ожидая помощи, сама, своими силами, умом, талантом и волей зарабатывала свой хлеб насущный. В поэтическом сердце юной девушки не поселилась злоба, чувство мести. Ее душа была полна света, она видела мир в радужных красках, шла к зорям новой жизни, тянулась к теплу новых очагов. Когда ей было 17, некто чиновный захотел оборвать ее крохотные крыльышки. Началось состязание несправедливых нападок, и все она вынесла, все стерпела - и насмешки, и оскорблении, и угрозы.

Однажды в ее жизнь вошел светлоглазый поэт и сумел завоевать сердце молодой поэтессы.

Они поженились, и всю жизнь она была верным другом поэту - как жена, единомышленница, соратница. Они прожили вместе и хорошие, и суровые дни. Большую часть своей жизни она прове-

мешали ее творчеству. Мешали мы - мы все. Мы все, и, конечно, в очень большой степени я сам, грабили, расхищали ее время, отрывали ее от письменного стола, эмоционально обкрадывали ее в том, что предназначалось для творчества. Дни, часы, которые могли быть посвящены поэзии, она раздавала мужу, семье, детям, внукам. Мы всегда были рядом, всегда были с ней, не давали возможности уединиться, она не находила времени оставаться наедине со своим сердцем. А она, в отличие от отца, любила одиночество. Она никогда не скучала, оставаясь наедине с собой. Такие моменты уединения были для нее несбыточными грезами. Одиночество среди людей - самое страшное из одиночеств.

Мне кажется, что, например, одиночество Энвера Мамедханлы, прожившего всю жизнь одиноко, но среди книг, своих заметок, в мыслях, являющихся плодом колоссальной эрудиции и феноменальной памяти, в раздумьях о мире, жизни, явлениях, в анализе прежних и современных людей, в том числе и самоанализе, - наполненная всем этим жизнь, изолированное от людей бытие Энвера Мамедханлы - это еще не предел одиночества. Предельная степень одиночества - это одиночество среди людей, жизнь, замешанная на каждодневных заботах, на сутолоке тысячи бытовых проблем. Именно эта вот деспотия будней опустошает, разъедает человека изнутри - невозможно уйти в себя, остаться наедине со своим сердцем, памятью, наконец, с книгами - это и есть повседневный, безнадежный, беспросветный вид одиночества. Как говорил Расул Рза:

*Кому мне поведать свою печаль,
Ведь мир полон людей.*

Лишенная в большинстве случаев возможности оставаться наедине с собой, мама, естественно, не могла выделить для творчества столько времени, сколько ей хотелось. А результат - написанного ею во много раз меньше, чем могло бы быть. Творчеством занимались мы, а наши заботы несла она. Каждая написанная мною статья, созданное отцом стихотворение - это не написанное мамину стихотворение, не написанная ею статья.

Свою тоску по духовной жизни она выразила в замечательном стихотворении “Журавль”:

*Во сне, ночами становлюсь я журавлем,
Со взмахом крыльев
Отрываюсь от земли,
Спешу туда,
Где между туч летят
Мои родные братья -
Журавли.
Летим, пока хватает сил,
Под нами страны, горы и моря,
Летим*

*И в сердце бережно храним
Желания земные и мечты,
Все лучшее, что нам дала земля.
Шум наших крыльев
Слышен на земле,
Она нас ждет,
Но мы летим в простор,
Роняем перья с высоты,
Кочуем
На вершинах гор,
В далекий звездный мир,
В мир тишины, несем мы запахи земли,
Мы шум земной
Доносим в одиночество луны.
С лучом зари
Кончается мой сон
Я просыпаюсь. Я встаю.
Но днем
Нет у меня ни времени, ни сил
Подняться над землей,
Стать журавлем.*

(Перевод Музы Павловой)

“Невозможность стать журавлем”, подняться над землей, над обыденностью находит свое объяснение в знаменитом цикле “Кухонных стихов” Нигяр Рафибейли.

*Не будь я матерью, женой,
Я убежала бы из мира
Кастрюль, половников, горшков,
Из мира кухонной посуды
На ветреный простор морской -
Из мира чада к миру чуда
Лежал бы путь передо мной.
У моря
На высоких скалах
Встречала бы я
Приход зари,
И ветром свежим и соленым
Дышала бы...
О, если б с морем
Остались мы наедине,*

*Я б ветру странствий
Грудь открыла
И песни грустные свои*

*За каплей каплю сочиняла
Садам цветущим Ашерона...
Ты так мне скучен, мир котлет, -
Увы, ведь я еще поэт!*

(Перевод Музы Павловой)

У мамы есть еще одна старая фотография - кажется, снята близ Москвы, в Малеевке. Она совсем еще юная, стоит на широком, заросшем сплошь белыми цветами лугу - у нее у самой в руках большая охапка полевых цветов, которые, наверное, собрала вот на этом самом лугу.

Порой мне кажется, что и сама она пришла в наш мир, в жизнь каждого из нас из какого-то иного мира, из мира, полного тех белых полевых цветов, и должна была однажды непременно туда же возвратиться.

*Во сне сказала жизни я: прости,
Мир был прекрасен, тяжело - прощанье
Таков закон -
Конечны все пути,
Приходит старость,
Тщетны все старанья,
Мой друг, проститься с миром тяжело,
Придет ли смерть к нам поздно или рано*

(Перевод В.Проталина)

*Прощайте, чайки, рядышком бродящие гурьбой,
Прощай, ты, парус, реющий, как чайка над волной,
Прощай откос, и рощица, спокойная сейчас,
Ведь завтра, хоть не хочется, я покидаю вас.*

(Перевод Б.Дубровина)

Так она прощалась с миром. С прекрасным миром, который она так любила. С миром, который порой был так неласков с ней.

21-23 ноября 2009 г.

Памятник Нигяр Рафибейли в Гяндже

“Боже, как понять сей мир, нагисто про нас забывший?”

Мирварид Дилбази - старейшина нашей современной литературы, одна из ярких ее личностей.

Есть писатели, поэты, произведения которых мы читаем в молодости, в юношеские годы. Есть писатели, поэты, с произведениями которых мы начинаем знакомиться с самых детских лет, чуть ли не с младенческой поры. С годами мы отходим от этих детских стихов, быть может, читаем их только своим внукам.

Мирварид ханум принадлежит к тем счастливым художникам, чьи произведения сопровождают нас в течение всей жизни. Мы читаем их или нам читали их в детстве, и мы уже сами возвращаемся к ним в любом возрасте.

Еще до того как поступить в школу, я помнил наизусть некоторые стихи Мирварид ханум, в том числе ее знаменитые строки про май:

*Радуйся, дитя мое, - ведь месяц май
Какой светлый этот месяц май.*

В те годы месяц май воспринимался в связи с его “красными” числами - 1 мая, 9 мая. Сейчас этот месяц дорог нам другим числом - 28 мая - Днем провозглашения в 1918 году независимости Азербайджана.

Поступив в первый класс школы, я увидел стихи Мирварид Дилбази в учебниках и очень удивился, что ее имя пишется как “Мирварид”. Ведь она была близкой подругой моей матери, часто бывала у нас дома и я всегда знал ее как тетя Мирвари. Дома я спросил у мамы, почему имя тети Мирвари в учебниках написано неправильно: Мирварид. Мама улыбнулась: “Нет, ее имя Мирварид, это мы ее зовем “Мирвари” (Жемчужина)”.

Отчего я вспомнил это? Да оттого, что все эти годы я ценил и уважал замечательную поэтессу Мирварид Дилбази и любил ее как подругу моей мамы - тетю Мирвари, с которой было связано столько семейных, детских воспоминаний.

Я знаю, как тяжело пережила смерть Нигяр Рафебейли тетя Мирвари и как эта боль отразилась в ее замечательных стихах “Я тебя называла Сары Бюльбюль” с подзаголовком “Поэтессе от поэтессы”:

*Уже в садах взошли цветы,
Где ты, моя Сары Бюльбюль?*⁶⁶

⁶⁶ Сары Бюльбюль

“БОЖЕ, КАК ПОНЯТЬ СЕЙ МИР, НАЧИСТО ПРО НАС ЗАБЫВШИЙ?”

Портрет Мирварид Дилбази

Слева: Сулейман Рустам, Самед Вургун, Владимир Луговской,
Нигяр Рафебейли, Константин Федин, Мирварид Дилбази
в верхнем ряду: Джадар Джадаров, Мамед Рагим и Осман Сарывелли

Нигяр Рафебейли, Мирварид Дилбази, Расул Рза и Сулейман Рустам в Москве

Участники VII Съезда писателей Азербайджана. Слева: Эльчин, Ильяс Эфендиев, Мирварид Дилбази, Анар, Мирза Ибрагимов, Лейли Эрадзе, Ашуг Гусейн Джавид

Мирварид Дилбази и Нигяр Рафибейли

*Где чудные твои черты -
Снега сошли с горы, Бюльбюль.*

*Душа скорбящая - больна
Зачем же ты ушла... одна
Как рано жизнь пресечена,
Как петь мне без сестры, Бюльбюль?*

*Судьбы мне слышится ответ:
Приговоренному - пощады нет!
Вот и моей отрады - нет!
Все кличет Мирварид: Бюльбюль!
Где ты, моя Сары Бюльбюль?*

(Перевод С.Мамедзаде)

В письме ко мне тетя Мирвари писала:

“Дорогой Анар! Я знаю тебя как достойного сына своих родителей, внимательного исследователя ...и хочу, чтобы мои воспоминания остались в твоем архиве. Это воспоминания о подруге моей молодости, твоей матери Нигяр и о твоем отце Расуле Рзе. Мои воспоминания об этих замечательных современниках были опубликованы в свое время в “Адабият газети”. Сейчас я еще слаба, как только поправлюсь, найду эту публикацию и пошлю тебе. Когда будете отмечать дни их памяти, прошу, не забудьте и меня. Если позволит здоровье, я хотела бы сказать несколько слов, может быть, в последний раз.

С глубоким уважением и любовью,

Мирварид Дилбази.
28 ноября 1996 г.”

Они пришли в литературу в одни и те же годы, и их имена всегда стояли и стоят рядом в истории нашей поэзии. Об этом говорил и наш незабвенный лидер Гейдар Алиев на торжественном вечере, посвященном 85-летию М.Дилбази:

“И в прошлые века в Азербайджане были поэтессы. Мехсети Гянджеви, Агабейим ага Агаджи, Хейран ханум, Ашуг Бести, Хуршид Бану Натафан доказали миру, на какой морально-интеллектуальной высоте находится азербайджанская женщина. Все это - наша гордость. И в XX веке эту прекрасную традицию продолжили наши выдающиеся поэтессы Мирварид Дилбази и Нигяр Рафибейли. Я помню, в книгах учебниках мы с большой любовью читали произведения наших поэтов, и особое место среди них занимали стихи Мирварид Дилбази, Нигяр Рафибейли”.

Далее на юбилейном вечере Гейдар Алиев сказал: “Дорогая моя сестра Мирварид Дилбази. Азербайджанский народ гордится вами. Вы - историческая личность, классик азербайджанской литературы XX века. Сегодняшнее юбилейное мероприятие отлича-

Гейдар Алиев поздравляет Мирварид Дилбази с юбилеем

ется от других подобных мероприятий: сегодня, празднуя 85-летие поэтессы, мы вместе с тем отмечаем юбилей Матери, прекрасной, самоотверженной азербайджанской Женщины...”.

В преклонные годы Мирварид ханум с таким же душевным накалом жила радостями и горестями родного народа. Я помню, с какой душевной тревогой она спрашивала меня о сессиях Верховного Совета СССР, где проходили обсуждения карабахской проблемы, с какой болью воспринимала известия о том, что мы часто оказываемся в изоляции, что никто не хочет знать о подлинных причинах беды, постигшей наш народ.

Одно из лучших стихотворений Мирварид Дилбази последних лет называется “Скорбной земле моей”. Трудно без волнения читать эти полные горечи строчки:

*Боже, как понять сей мир, начисто про нас забывший?
Небо, нынче мы живем, на тебя лишь уповая,
Древний сохрани народ святоогненного края.*

(Перевод Ровшана Кафарова)

К горечи, связанной с карабахской трагедией, добавлялись и личные мучения поэтессы, связанные с ее недугами. В письме в больницу Нигяр Рафибейли она вспоминала, что сама была на грани смерти в московской лечебнице, и спасла ее вера в поэзию. “Ведь мы - поэты, - утешала она свою подругу, - поэтому и сильны”.

В самом деле, поэты не только сильные, но в каком-то смысле и счастливые люди, ибо свои страдания и боли преодолевают созданием стихов.

Вот стихотворение “В больнице” Мирварид Дилбази:

*Четыре стены,
Потолок,
И пол,
Еще - сердечный спазм
И горечь
Надежда - в ожиданье завтра...
А если это завтра как сегодня будет?*

(Перевод Р.Кафарова)

Несмотря на пессимистическую концовку, уже сам факт создания этих стихов свидетельствует: поэта не покидает надежда на завтра, на то, что оно все же будет другим.

Это небольшое эссе, посвященное дорогой для меня Мирварид Дилбази, тете Мирвари, я хочу завершить ее стихами, такими же хрупкими и нежными, какой была и она сама:

*Лес в бликах солнца, будто на рисунке,
Рассветный ветер пролетел над ним,
И комаров серебряные струнки
Вибрируют над озером лесным.*

*И каждый листик предвкушает ласку
Распахнутых светлеющих небес...
Лес начинает утреннюю сказку.
До вечера ее не кончит лес...*

1998, 2009 гг.

(Перевод В.Портнова)

“Жизнь болит...”

“Жизнь болит” - это выражение Энвера Мамедханлы.

Помню с детства: иногда среди хорошего застолья или во время оживленной беседы он замыкался в себе, словно на глаза его опускалась тень какого-то далекого воспоминания, и на вопрос: “Что с тобой, что случилось?” - рассеянно отвечал: “Жизнь болит”. Не знаю, вошло ли это выражение в какое-либо из его произведений. Наверное, нет. Во всяком случае, я не встретил его в изданных книгах.

В те далекие годы я считал это выражение просто оригинальной метафорой. Когда глубже осознал личность Энвера Мамедханлы, его биографию, я понял, что это не просто красивая фраза, это очень точная, емкая формула жизни писателя.

Это был жизнелюбивый человек: как в молодости, когда он умел наслаждаться радостями жизни, так и в пожилые годы в нем не иссякло желание жить, любить, читать, размышлять, спорить. Однако жизнь этого обладающего оптимистической природой человека всегда “болела”.

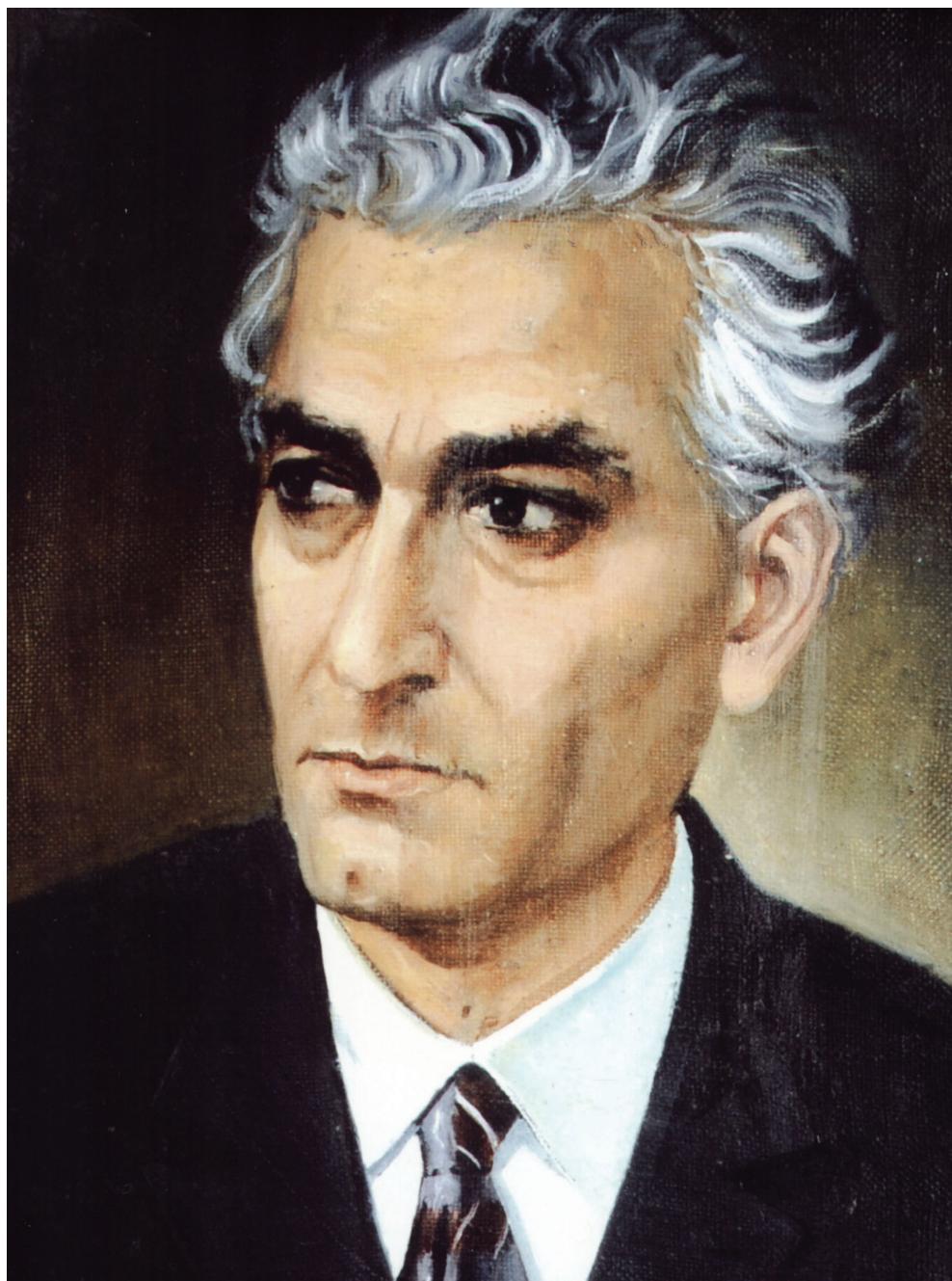
Энвер Мамедханлы был двоюродным братом Расула Рзы как по отцу, так и по матери. Их отцы - Ибрагим и Гафар - были братьями, матери - Марьям и Уммухану - сестрами. Но помимо кровного родства Расула Рзу и Энвера Мамедханлы объединяла духовная сущность, и никакие родные братья не могли быть настолько близки друг другу, как они.

В предисловии к книге воспоминаний о Расуле Рзе и Нигяр Рафибейли Э.Мамедханлы пишет:

“Однажды, когда мы отправились на гору Боздаг возле Геокчая, чтобы нарвать травы для корма, на каком-то холме Расул, глядя вдаль, сказал мне: “Никому не говори, скоро мы убежим из дома, отправимся куда глаза глядят, объездим весь мир”.

Я будто вижу эту картину собственными глазами: двое подростков стоят на вершине одного из голых серых холмов Геокчая - один кудрявый, другой - голубоглазый, старше на три года, - куда-то смотрят и видят своим внутренним взором дальние страны, большие города, моря, океаны, корабли...

Эта романтическая мечта была в характере каждого из них. Оба жили мечтой объездить, увидеть весь свет. Оба хотели слиться с миром, оба не могли им насытиться. Это беспокойство, тоска в узких жизненных рамках нашли свое отражение во многих произведениях Энвера Мамедханлы. Его герои идут за караванами, горят желанием отправиться в дальние края. Это есть и в рассказе “Караван остановился”, написанном им в молодости, и в романе “Бабек”, который он хотел завершить в старости. Ведь и Бабек привлекал писателя прежде всего как человек, не вмещающийся в жесткие каноны этого мира, как личность, не смиряющаяся с ограничениями существования, живущая духом странствий и, как птица Феникс, сгорающая и возрождающаяся в огне

Портрет Энвера Мамедханлы

Свободы. Большую часть, увы, незавершенного романа занимают описания долгого караванного пути. Герой рассказа “Легендарные горы” также убегает из мира обыденности в мир мифов, на вершины далеких, высоких гор. В рассказе “При лунном свете” старый ашуг своим чудесным искусством хочет вернуть молодость, свою юную страсть, чувства, желания давно минувших лет и страдает от невозможности осуществить это.

И, наконец, в рассказе “Расстались” бунт против этой давящей человека обыденности заканчивается расставанием двух влюбленных, которое кажется на первый взгляд необъяснимым и нелогичным. Когда-то Самеду Вургуну не понравился этот рассказ, и он даже написал статью под названием “Зачем же они расстались”. Но должен сказать, что Самед Вургун вообще любил Энвера как личность и ценил его творчество. Он написал положительную рецензию на его спектакль “Утро Востока”. Самед Вургун дружески называл Энвера Печориным, и, по-моему, в их характерах, особенно в молодые годы, было много схожего. Оба в молодости были романтиками и мечтателями.

Впоследствии Энвер Мамедханлы переработал рассказ “Расстались”, в корне изменив его. Вероятно, в этом последнем варианте можно найти более ясный, более логичный ответ на вопрос “почему же они расстались?”. Но, на мой взгляд, первый вариант рассказа был более впечатляющим и привлекательным из-за своей недоговоренности.

В знаменитом рассказе “Бакинские ночи”, вышедшем, кстати, в свое время в популярной серии “Библиотека “Огонька”, писатель описывает впечатления юноши (в котором угадываются автобиографические черты), приехавшего из провинции в Баку, и видит город как бы его глазами. Мерцаниеочных огней в расположенных близко друг к другу домах, внезапно срывающийся безудержный бакинский ветер, плоские крыши бакинских зданий, где спят люди в жаркие летние ночи, частые в те годы нефтяные пожары, окрашающие небо в цвет зарева, от Приморского бульвара до Черного города, многолюдные шумные дворики, маленький Саттар, запускающий в небо голубей с веранды, - все эти точные детали, четкие приметы рождены ощущениями тонко чувствующего, воспринимающего мир поэтическими глазами юноши и острой наблюдательностью будущего писателя.

Вот так описывает автор девушку Ягут, развешивающую белье на плоской крыше: “Комната заполнила темнота, но я не пошевелился, чтобы встать и включить свет, опершись подбородком на руки, я смотрел на гроздья огней, зажигающихся в вечернем го-

Энвер Мамедханлы и Расул Рза

Энвер Мамедханлы в молодости

роде. Хотел вернуть свои где-то разгуливающие мысли и вдруг увидел ее на крыше под моим окном... С моря дул нежный ветерок. Она наклонялась, затем выпрямлялась, иногда обхватывала колени, опуская подол платья, вздыбленного ветром, затем на миг застывала с усталым видом, не двигалась и в эту минуту вечерние огни ее родного города как бы застывали, глядя на нее, и девушка начинала свой таинственный танец на фоне золотых огней города. То исчезала, то появлялась, как призрак, среди развешенного ею белья”.

Перечитывая “Бакинские ночи”, я изумился, дойдя до этого места. Ведь такой же образ - танец девушки, развешивающей на крыше белье, “танец с ветром” - есть и в моем рассказе “Грузинская фамилия” и в фильме “День прошел”, снятом по этому рассказу. Хотите верьте, хотите нет, но когда я писал этот рассказ, у меня и в мыслях не было повторить эту сцену из “Бакинских ночей” - рассказа, который я не перечитывал более 30 лет. Не знаю, возможно, она, эта

сцена, жила неведомо от меня где-то в подсознании. Странно, что сейчас, перечитывая через много лет рассказы Энвера Мамедханлы, я обнаружил куски, близкие к “энверовским мотивам”, и в рассказах других писателей моего поколения.

Там же, в “Бакинских ночных”, есть такое место: Юнус, герой рассказа, достает из кармана своего соседа Саттара письмо любимой Ягут. “Я опустил руку в карман Саттара и вытащил оттуда лист бумаги, сложенный вчетверо, слева на этом листке, вырванном из ученической тетради, был нарисован белый цветок, казалось, его рисовал ребенок, справа был изображен соловей, также будто нарисованный рукой ребенка. Между цветком и соловьем крупным детским почерком было написано:

*Ты пришел, чтоб увидеть меня,
Сорвал, чтоб заплести меня
Не было у тебя ключа,
Чтоб открыть, увидеть меня.*

А внизу завещание, тем более ужасное, что написано было детским почерком: “Напишишь это на моем могильном камне”.

В этом отрывке ясно видна перекличка с поэтикой, свойственной некоторым произведениям Эльчина и Акрама Айлисли.

В рассказе “Расстались” беседа Ильяса и Адыли, встретившихся на краю деревни и разговаривающих сидя на холодном камне, - на одной волне с рассказом “Холодный валун” Юсифа Самедоглы.

Повторяю, все эти сходства, конечно, могут быть случайными или связанными с осколками, застрявшими в подсознании со времен нашей молодости, первого знакомства с прозой Энвера Мамедханлы. Но влияние его как писателя и личности на литературное поколение, пришедшее после него, несомненно.

У Энвера был своеобразный юмор, который не все могли воспринимать. Помню, как он рассказывал об одном случае с Мехти Гусейном. “Однажды я поведал Мехти, что видел сегодня ночью во сне Максима Горького, и тот мне сказал очень умную, мудрую вещь. “Как ты думаешь, если я опубликую эту мысль, - выдавать ее за свою или Горького?” - Мехти вышел из себя: “Что за глупости ты говоришь, откуда я знаю, за чью мысль это выдавать? Что за чушь?”, - смеялся Энвер, рассказывая эту историю.

Мне трудно последовательно вспоминать, выстраивать в ряд и упорядочивать услышанные мною от Энвера эпизоды из его жизни или истории, о которых он рассказывал. Их было так много в течение всей жизни. Поэтому я обращаюсь к ним ассоциативно, разрозненно, ухватившись за цепочку воспоминаний. Одна из таких историй связана с переходом нашей графики с латиницы на кириллицу. Эта акция, крайне ущербная для нашей культуры, была проведена, как известно, по личному указанию Сталина.

Но сначала я хочу привести отрывок из воспоминаний Мирварид Дилбази:

“Когда эта весть (имеется в виду решение Сталина) дошла до Баку, люди, испугавшиеся имени Сталина, стали расхваливать кириллицу, те же, кто был против, были наказаны. Первой жертвой этого неприятия кириллицы стал очень талантливый молодой поэт Абдулла Фарук. Его исключили из Союза писателей, не давали нигде работать; когда началась война, его послали на передовую, там он и погиб. Абдулла Фарук был родственником Расула Рзы, поэтому Расул был снят с должности председателя Союза писателей”.

Продолжение этой истории я слышал из уст Энвера Мамедханлы: “Фарук сказал мне, что считает изменение алфавита ошибкой, это работа Багирова, и что он напишет ему письмо. Я сказал: “Не пиши, это работа не Багирова, все идет от Сталина”. Фарук не послушался, написал. Как только письмо дошло до Багирова, поднялась буря. Тут же шустрые сплетники сообщили Багирову, что Фарук - родственник Расула Рзы и Расул, будучи председателем Союза писателей, организовал это письмо”.

Отец рассказывал, что Мир Джадар Багиров вызвал его, метал громы и молнии, а он до поры до времени не понимал, в чем же провинился, так как на самом деле ничего не знал о письме Фарука. Когда все прояснилось и Багиров сказал: “Это ты научил Фарука, он твой родственник”, отец ответил: “Разве вы отвечаете за каждый поступок своих родственников?”. Багиров еще больше вышел из себя: “Я вот этими руками расстреливал своих родственников”.

В интервью, опубликованном в газете “7 гюн”, Мирза Ибрагимов, отвечая на вопрос корреспондента, вспоминает: “Расул Рза выступал против его (Багирова) резких аргументов, остро отвечал на его вопросы. Однажды на одном из совещаний в ответ на выражение, употребленное Багировым в отношении рода Мамедхановых, Расул сказал: “Ты иди и уйми свою сестру” (сестра Багирова, живущая в Кубе, вела себя крайне вызывающе, и Багиров, как говорили, боялся ее - А.). Но основная масса писателей и поэтов молчала в ответ на критику со стороны Багирова”.

Глубоко уважая Мирзу муаллима и доверяя его памяти, хочу все же сказать, что здесь явный перебор. Во-первых, никто в Азербайджане, кроме М.С.Ордубади и М.Миркасимова, не обращался к Багирову на “ты”. Даже Узеир бей обращался к нему на “вы”. Отец, который был гораздо моложе Багирова, конечно же, не мог говорить ему “ты” и отвечать в столь грубой форме. Какой смысл сейчас бравировать тем, чего не могло быть. Я не хочу, чтобы по поводу отношений Расула Рзы и Багирова допускались такие преувеличения, сказанные даже из лучших побуждений. Но вместе с тем во имя справедливости должен сказать и то, что, по свидетельству всех людей того периода, наиболее резко и смело разговаривал с “хозяином республики” Расул Рза. И отпор его по поводу родственников последнего имел место, хотя и не в тех выражениях. Во всяком случае, одного этого ответа было достаточно, чтобы решить судьбу отца. Его сразу же сняли с поста председателя Союза писателей, стали вычеркивать имя из всех списков. И не его одного, в черные списки попали и Нигяр Рафибейли, Энвер Мамедханлы, началась кампания против них.

Энвер был не только родственником, но и близким другом А.Фарука. Он рассказывал, что после этой истории Фарук каждый вечер приходил к нему домой в Ичери шехер (Крепость). Был еще один человек, который тоже стал наведываться каждый вечер. Этот человек спрашивал меня: “Как ты относишься к замене алфавита?” - и я не успевал ответить, как Фарук тут же встревал: “Я очень плохо отношусь к этому”. Это повторилось несколько раз, и наконец этот человек не выдержал: “Да, мы знаем, что ты плохо относишься к этому - я хочу узнать мнение Энвера”.

(Эту запись я сделал в 1993 году, хочу добавить к ней документы, попавшие в мои руки в 2003 году, ровно 10 лет спустя. С этими документами из архива НКВД меня ознакомила ученый-исследователь Солмаз ханум Рустамова-Тохиди, которой я выражаю искреннюю благодарность.

В документе 1939 года, подписанного народным комиссаром внутренних дел Емельяновым и сотрудником Комиссариата Григоряном, отражены тайные доносы информаторов об отношении азербайджанской интеллигенции к вопросу замены алфавита. Я привожу здесь три цитаты из этого документа:

“Писатель Мамедханлы говорил: мы маленькая нация, и нас хотят русифицировать посредством алфавита”.

“Есть сведения, что Самед Вургун и Расулов (так в документе - А.) Рза, возвращающиеся из Москвы, резко высказывались против перехода на новый алфавит”.

“Поэт Эфендиев Абдулла Фарук говорил: “Я хотел выступить против перехода на новый алфавит”, но Расул Рза отсоветовал. Теперь я остаюсь нейтральным наблюдателем”.)

Через много лет Энвер, смеясь, рассказывал, что в те годы осведомителей подсыпали не только к нему домой, но и ставили у входной двери подъезда: “Я уж совсем намучился. Однажды пришел домой слегка навеселе, вижу - опять у моих дверей какая-то тень крутится. Притворившись совершенно пьяным, я так наступил на ногу этому топтуну, что тот взмыл от боли. В те годы НКВД здорово пасло и меня, и Расула. Был у них один сотрудник, я слышал, он как-то сказал: “Расул и Энвер очень уж гордые, заносчивые, ничего, вскоре мы посадим их в подвал, там они быстро размякнут”.

Дамоклов меч карательных органов висел над ними не только в связи с алфавитом. Ведь супругой Расула Рзы была Нигяр Рафебейли - дочь первого министра здравоохранения независимого Азербайджана, губернатора Гянджи, расстрелянного большевиками в 1920 году, а отец Энвера - Гафар Мамедханлы был представителем партии “Мусават” в Геокчае, приставом в годы независимости. После установления советской власти Гафар Мамедханлы много раз подвергался аресту, сидел в тюрьмах, был сослан, а вернувшись из ссылки и вновь обвиненный, скрывался в течение 5 лет отластей. Он так и умер как разыскиваемый, но не пойманный беглец, несмотря на все усилия чекистов напасть на его след при помощи членов семьи. Неоднократно вызывали в НКВД дочерей Гафара Мамедханлы - Арифу и Хабибу - с целью выудить у них сведения о местонахождении отца. Юные девушки держались молодцом, выдержали и послы, и угрозы. Чекистам так и не удалось ничего разнюхать.

Гафар Мамедханлы скрывался в основном в Грузии, там у него были надежные друзья. Оттуда и пришла семье весть о его смерти. Энвер поехал туда. Гафара Мамедханлы уже похоронили в каком-то селе, на христианском кладбище. Ночью Энвер нанял машину, перевез останки отца и перезахоронил на мусульманском кладбище, рядом с могилой М.Ф.Ахундова.

Как только он вернулся в Баку, наутро его вызвали в НКВД. Там, естественно, уже все знали о его вояже. Хорошо, что дело попало к Теймуру Якубову, родственнику Мир Джаббара, одного из близких друзей Энвера. Теймур Якубов сказал писателю: “Мир Джаббар столько рассказывал мне о тебе. Наверное, мать твоя молилась в ту минуту, потому что информация попала сразу ко мне, не прошла через канцелярию. Иначе твое положение было бы плачевным”.

Проблемы, связанные с отцом, всю жизнь бросали тень на Энвера Мамедханлы. Например, давали Сталинскую премию за спектакль по его пьесе, и премию получали ре-

жиссер, художник, актеры, но только не автор пьесы. Энвера неизменно отодвигали в тень в любых литературно-общественных ситуациях и событиях. До 60-х годов он был невыездным.

Энвер был гордым и бесстрашным человеком. Иногда смелость бывает внешней, проявляется как чрезмерная вспыльчивость, импульсивность. Это скорее показная, декоративная смелость. Но есть и настоящее бесстрашие, внутренняя смелость, которая становится очевидной лишь в поступках. В жизни Энвера Мамедханлы было много таких мужественных, мужских поступков. Разве то, что он поехал и похоронил отца, который скрывался отластей, не является таким поступком? Учитывая все последствия, совершив его в те времена было непросто. Конечно, в нынешнем понимании, а точнее, в непонимании той эпохи, можно даже удивляться: как это может быть, чтобы сын не похоронил отца? Но в те

Портрет Э.Мамедханлы.
Художник Кязим Кязимзаде

годы, когда сын доносил на отца, отец отказывался от сына, брат - от брата, поведение Энвера Мамедханлы было опасным и рискованным шагом человека с чисто мужским характером.

Если в течение долгих лет висящий над Энвером дамоклов меч был связан с его отцом и эта опасность несколько ослабла после смерти Гафара Мамедханлы в 42-м году, а также в связи с работой писателя на фронтах Отечественной войны в качестве боевого корреспондента, с его военно-журналистской деятельностью впоследствии в Иране, его вторая “дольная тема” началась в послевоенные годы, и это было связано уже с его младшим братом - Ниязи.

Ниязи был мягким как шелк и в то же время очень мужественным, смелым человеком, работал инженером-нефтяником. С началом войны его отправили на фронт, а через неделю после его отправки завод, на котором он работал, был переоборудован в военный и весь его персонал получил броню. В Севастополе Ниязи был ранен, попал в плен. Он не любил распространяться об этом, но как-то рассказал мне некоторые эпизоды из своей военной биографии. Когда его, раненого, вели по этапу в плен, он совсем обессилел, готов был упасть, а немцы тут же расстреливали тех, кто падал. “Двое русских пленных взяли меня под руки с двух сторон и сказали: “Будем тащить тебя, пока есть силы”. Спасли мне жизнь. Когда по этапу мы шли через украинские деревни, украинские женщины протягивали нам хлеб, немецкие конвоиры били их прикладами автоматов и винтовок, отгоняли, но они не отставали, улучив момент давали каждому из нас кусочек хлеба. Потом я видел этих украинских женщин в сибирских лагерях, то есть не конкретно тех женщин, а вообще женщин с оккупированных территорий. Мерзавец Берия сослал их после войны в лагерь...”.

Во время войны пришла похоронка на Ниязи. В семье держали траур по нему. Сейчас, я думаю, эти свидетельства о смерти, посыпаемые семьям пропавших без вести или попавших в плен, не были результатом незнания или путаницы, они были хорошо продуманным элементом человеконенавистнической сталинской политики: раз человек попал в плен, значит, он враг, раз это враг, то пока не дошли до него руки, надо наказать его семью, сообщить ей о смерти живого человека - вот с какой целью посыпались эти похоронки. В общем, во время войны жизнь Энвера “болела” еще и потому, что, не имея возможности справить поминки по умершему отцу, он должен был соблюдать траур по живому брату.

После окончания войны или ближе к ее концу вдруг пришло неожиданное известие. Ниязи был жив и находился в воинской части близ Москвы. Мои родители поехали в Москву, встретились с ним. (Энвер в то время был в Иране.) Вскоре Ниязи вернулся в Баку. Я хорошо помню, с какой радостью в семье праздновали его возвращение, а точнее, воскрешение.

Но радость эта длилась недолго. Вскоре Ниязи забрали, осудили на десять лет и сослали в Сибирь.

*Брат Энвера
Ниязи Мамедханлы*

*Ниязи Мамедханлы - узник ГУЛАГА.
Портрет написан там же узником-
художником Гисметом Ахвердиевым*

Адалят, - издевается полковник, -

В те годы в Азербайджане началась еще одна кампания ссылок, и в ней пострадали члены нашей семьи из другой ветви - Рафибековской: были сосланы родной дядя матери - Фаррух бей Рафибейли с женой Рахшандой ханум.

Незадолго до этого в Театре азербайджанской драмы готовился спектакль “В огне” по пьесе Э.Мамедханлы, посвященный событиям в Иране. В ней людей ссылали. Конечно же, в Иране иранское правительство совершило эту подлость, разве наше родное советское правительство допустило бы такое насилие над людьми? Один из персонажей пьесы говорит: “В городе кошмар, солдаты с факелами и списками в руках ходят по кварталам и стучатся в двери. Вновь отправляют в ссылку 600 семей”.

В другой сцене пьесы между полковником шахской армии и старым интеллигентом Адалятом, высланным из Тебриза, происходит следующий разговор:

“- Как быстро ты устал и остановился, господин таким ходом вы и за три месяца не доберетесь до

Билиджистана.

- Не издевайся, полковник, - отвечает Адалят, - настанет день, и мы вернемся.

- Нет, старик, оставь мечту о возвращении. С течением времени вы забудете, где ваша родина, ваш дом, забудете о том, какого вы рода-племени.

- Это тысячелетняя пустая мечта шахского Ирана, полковник, за тысячу лет вы не смогли вырвать из наших сердец нашу гордость за свое имя, за свой язык и за свою землю”.

И, наконец, в finale пьесы мать главного героя Азера говорит о своем младшем сыне: “Нельзя уничтожить род Азера! Мой младший сын вернется и станет хозяином земли своих предков”.

Сейчас настало такое время, что можно интерпретировать все это совсем по-другому. Если заменить Билиджистан на Сибирь, полковника шахской армии - на полковника НКВД, шахский Иран - на Советскую империю, можно было бы сказать, что Энвер Мамедханлы, описывая соседнюю страну, имел в виду Советский Союз и его политику. Но я не хочу говорить этого, и сам Энвер не говорил этого. Это говорил не Энвер Мамедханлы, это сказали его враги, его недоброжелатели, кто доносил на него или просто ябедничал от нечего делать.

Люди, склонные к доносительству, разного рода стукачи - штатные или любители - существовали во все эпохи, были они и тогда, но в те годы их развелось намного больше, чем в другие времена.

Словом, появился донос о том, что Энвер Мамедханлы в этом произведении под видом Ирана и Южного Азербайджана пишет о беде своей семьи, о судьбе своего млад-

шего брата, отправленного в ссылку, и вообще имеет в виду тех, кто был выслан из Баку. Такой донос был отправлен в соответствующие органы и дошел до самых верхов. Спектакль был уже готов, но объявленную премьеру внезапно отменили. “Я взял и написал письмо Багирову, - рассказывал Энвер. - Я узнал, что письмо дошло до него и он даже буркнул: “Чего он хочет от меня? Я что, обязан читать его пьесу?”. На что Мирза Ибрагимов ответил: “Нет, он не хочет, чтобы вы прочли его пьесу, но спектакль готов, приходите посмотреть и выскажете ваше мнение”.

И однажды Багиров пожаловал в театр на просмотр пьесы.

“Сидели мы, - рассказывал Энвер. - Багиров, рядом с ним другие люди, поближе к ним - Адиль Исакдеров (постановщик спектакля - А.) и я. Ну вот, Багиров смотрит спектакль и вдруг без всякой связи с пьесой обращается к нам: “Какое имеет отношение к вам “Деде Горгуд?”.

“К вам”, то есть к азербайджанцам. “Там едят конину, пьют лошадиное молоко, - продолжает он, - разве ваши деды ели конину, пили кумыс? Хотят его туркмены, так я отдам им его на золотом подносе. Этот эпос никакого отношения к Азербайджану не имеет”.

Я сказал: “А Дербент?” (В эпосе упоминаются и Дербент, и Гянджа, и Барда - А.)

Он сердито посмотрел на меня из-под очков, но ничего не сказал. Тут Адиль потянул меня за рукав, мол, ты что говоришь. Не видишь разве, что у него уже готово мнение?».

Через некоторое время “Деде Горгуд” объявили произведением, чуждым азербайджанскому народу, и запретили, а показ пьесы “В огне” был разрешен.

(Мой комментарий 2009 года: Сейчас мы получили возможность ознакомиться с документами, собранными в книгах нашего замечательного историка Джамиля Гасанлы. Они убедительно свидетельствуют о том, какие титанические усилия прилагал Багиров с целью добиться хотя бы автономии для Южного Азербайджана. Думается, разрешение на показ пьесы связано именно с этим - с несбывшимися мечтами первого секретаря присоединить Южный Азербайджан к Советскому.)

Энвер обладал удивительной, уникальной памятью. Несмотря на то, что я намного моложе его, я часто не могу вспомнить прочитанное вчера. Он же помнил все, что читал когда-либо, где и с кем встречался и о чем говорили, - словом, все, что пережил в течение всей своей жизни. Он обладал энциклопедическими знаниями в области истории Азербайджана и мировой истории, литературы, философии, современной политики, и беседы с ним обогащали человека и давали знания, равные университетскому образованию.

Он часто вспоминал события 37-го года. Будучи совсем молодым и еще не вступив в Союз писателей, Энвер стал живым свидетелем кровавых собраний в писательской организации: “Помню, Султан Меджид Ганизаде был совсем старым человеком - один из так называемых пролетарских писателей чуть ли не душил этого старика, требуя отдать членский билет: “Мы тебя исключили из Союза писателей. Отдай билет”.

Старик слабым голосом сопротивлялся: “Не отдам, эту книжку подписал сам Горький”.

Бесполезно, так и отняли у него билет. Старика арестовали, уничтожили, но через некоторое время посадили и того, кто отбирал у него билет, и он не вернулся. Трагедию той эпохи мог бы описать только мастер, обладающий гением Шекспира”.

Э.Мамедханлы с членами азербайджанской делегации на встрече с кубинскими поэтами Николасом Гильеном в Гаване

О Сталине Энвер говорил: “Он оставил нам жизнь серую, как цвет своей шинели”.

Летом 1968 года мы отдыхали в Загульбе. Каждую ночь я слушал зарубежное радио. “Пражская весна”, попытки построить в Чехословакии “социализм с человеческим лицом” были лично моей последней надеждой и верой в социалистическую идею - я знал, что если и это попытка пражских реформаторов будет задавлена гусеницами советских танков, уже не останется никакой веры в социалистические идеалы.

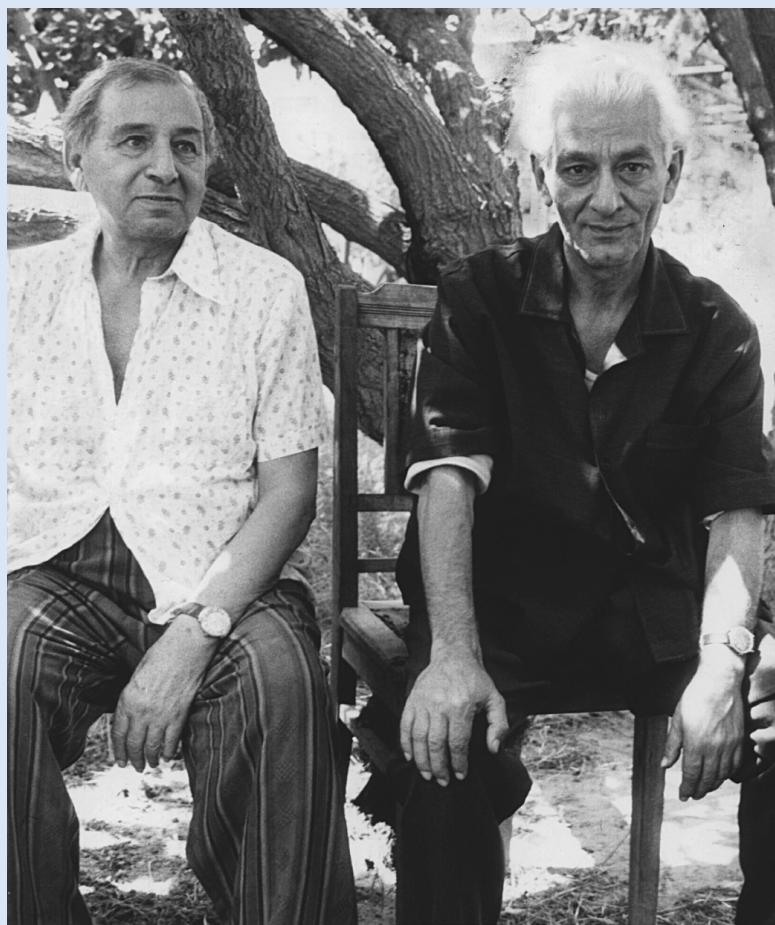
Увы, наши самые тревожные предположения подтвердились: советские танки вошли в Прагу. В одном из стихов Вагифа Самедоглы, написанных в то время и в связи с этой акцией, есть строка: “Сняться мне танки русского царя”. (Комментарий 2009 года: и этот сон сбылся спустя 22 года в Баку, в кровавую январскую ночь.)

В том же 68-м году, под впечатлением чехословацкой трагедии, я написал и опубликовал заметки о Франции, в которых, обманув цензуру, высказал все, что накипело у меня на душе. Слова, сказанные в адрес парижского мэра XIX века, барона Османа, были, конечно же, адресованы советским баронам, и речь шла о советских танках, изуродовавших мощные улицы Праги:

“Если бы Осман жил сейчас, он, наверное, выступил бы против восставшего человеческого достоинства не с пушками, а с танками. Но когда честь народа попрана, когда переполняется чаша его терпения, народ выходит на улицы, требуя соблюдения своих прав, невзирая ни на пушки, ни на танки. Возможно, танковая броня и одерживает на какой-то короткий период истории верх над Волей и Словом народа, но бароны прошлого и современности должны знать, что победа Танка над Мыслью и Словом - временная, преходящая и обманчивая победа”.

Справа: Гылман Илькин, Абульгасан, Энвер Мамедханлы

Энвер Мамедханлы и Расул Рза на даче в Бузовнах

Энвера Мамедханлы
и Мирза Ибрагимов

Энвер Мамедханлы и Анар.
Шуша 1981 г.

В день, когда я узнал о вторжении советских войск в Чехословакию, я не мог оставаться в Загульбе. Сердце мое разрывалось, почему-то я хотел повидаться именно с Энвером. Я поехал в Бузовны к нему на дачу. Лицо его было пепельного цвета, он производил впечатление человека, задушенного в самом себе. “Ей Богу,- сказал он,- если бы у меня была возможность, я бы сейчас же поехал в Чехословакию, чтобы с оружием в руках сражаться с оккупантами. Как когда-то люди из разных стран отправлялись в Испанию, чтобы защитить Республику. И эту возможность отняли у нас”.

Очень редко можно было услышать такую взволнованную речь Энвера. Невозможность высказать в своих произведениях все, что было у него на душе, свои мысли, чувства тоже давила на него, душила, заставляла “болеть” его жизнь.

“Сейчас уже обыскивают не дома людей, а их мозги. Везде магнитофоны, все, что мы говорим, записывается. Прошу тебя, будь по возможности далек от идеализма”.

“Для думающего человека его желание мыслить - бесконечно, дружбу и все прочее можно задушить, но чем больше душат мысль, тем больше она оживает”.

“Приходи, смерть, ибо эта жизнь убивает нас”.

“О несчастные, вы никогда не поймете, что значит жажда свободы, она сжигает сердце и превращает его в пепел”.

“Великое будущее или мир равноправия - разве не сказки для детей? Если справедливое Прошлое - это первая ложь, то справедливое Будущее - это вторая ложь”.

“Я видел крохотные деревни, в которых верхний квартал воевал с нижним. Я видел большие города, где нижние кварталы воевали с верхними. И проклятие тем маленьким рыбкам, которые дерутся друг с другом в брюхе большой рыбы”.

Все эти филиппики, намеки, разбросанные по разным текстам Энвера Мамедханлы, - как бы сдавленный крик о том, что он хотел, но не мог в полный голос высказать. Те, кто посмеиваются над такими попытками протеста прошлых лет с позиций нынешней дозволенной смелости, не понимают или не хотят понять, что в течение длительного периода нашей истории наши самые честные поэты и писатели были вынуждены создавать свои произведения не только на азербайджанском, но и на эзоповом языке.

Об этом знал великий Назым Хикмет. Ознакомившись с комедией “Ширванская красавица” Энвера Мамедханлы, он сказал: “У вас, писателей малых наций, всегда есть какое-то лукавство, вы выражаете свои мысли окольными путями”.

Говоря о малых нациях, и сам Назым Хикмет выражался эзоповым языком: он имел в виду несвободные нации, а не их численность.

“Ширванская красавица” - легкая комедия, в хорошем смысле этого слова. Но если в ней говорится о невозможности внедрения северных растений в условиях Юга, то здесь, разумеется, речь идет не о сорте яблок, а о чем-то более серьезном. Приехавший из Москвы русский ученый Мудров, обращаясь к своим азербайджанским коллегам, говорит: “Друзья, выращенные мною деревья хороши в низменности, на их родине, но здесь, в предгорье, они не прививаются”.

Мудров ставит и последнюю точку: “За события, происходящие здесь, в Гектепе, и я в ответе, потому прошу прощения у всех садов этой земли”.

“Ширванская красавица” подверглась резкой критике в печатных органах того периода.

Внутренне Энвер Мамедханлы всегда жил с диссидентскими настроениями, с резко отрицательным отношением к существующему режиму. Однако диссидентство в Азербайджане, в отличие от московского, находившегося всегда в центре внимания мировой общественности, носило несколько иной характер. Оно существовало в виде внутреннего недовольства, неприсоединения к восхвалениям и торжествам, неучастия в общем хоре, демонстративного молчания.

Правда, в сталинские годы Энвер Мамедханлы написал рассказы о Ленине, Сталине, назвал 28 апреля “Утром Востока”. Все это было, и нет смысла отрицать: что написано пером, не вырубишь топором. В беседе с Кямалом Абдуллоем Энвер Мамедханлы рассказывает об этом со всей искренностью. Когда он писал “Утро Востока”, на руках у него оказались документы, в которых была отражена лишь малая, да и то искаженная часть событий тех лет. В то время не было ни правдивой информации о нашем независимом государстве 18-20-х годов, ни об истинных целях тех, кто низверг его. Истина как для Энвера Мамедханлы, так и для ряда людей его поколения открывалась постепенно, шаг за шагом, год за годом. При этом ведь и советская действительность в 20-х - начале 30-х обладала некоторым обаянием, и этого тоже нельзя отрицать. Да и сами они тогда переживали лучшую пору своей жизни - молодость. Основная разница в мироощущении поколения Энвера Мамедханлы и нашего, возможно, кроется именно в этом. Когда мы, повзрослев, стали что-то понимать, мы воспринимали этот строй как старую, уродливую проститутку, в то время как поколение Энвера Мамедханлы все еще сохраняло в своей памяти ее молодой, привлекательный образ.

Рассуждая о судьбе Энвера Мамедханлы, я прихожу к выводу, что если бы он, не дай Бог, скончался по какой-то причине в середине 30-х годов, будучи автором первых рассказов, получивших широкий резонанс, которые запомнили читало молодое поколение, его вспоминали и оценивали бы, как, например, композитора Асафа Зейналлы или художника Рустама Мустафаева, то есть как рано погибший редкий талант...

Если бы он стал бы жертвой 37-го года из-за своего отца или своих опрометчивых поступков, то сейчас его превратили бы в идола. Если бы погиб на фронтах Отечественной войны, его помнили бы как незабвенную военную жертву азербайджанской прозы.

Но для того, чтобы занять в литературе свое истинное место, основанное на бескомпромиссных критериях, без каких-либо посторонних причин признания, Энвер Мамедханлы должен был прожить всю свою долгую, постоянно “болящую” жизнь.

И еще. Кто-то справедливо сказал, что писательство - это не только профессия, это и образ жизни, форма существования в мире. В этом смысле место Энвера Мамедханлы в нашей нравственности, моральный пример его человеческого поведения ставят его гораздо выше того уровня, который определен для него сегодня, у него намного большее место, чем в нише, отведенной ему в официальной, академической истории литературы.

В последние годы своей жизни, прожитой в одиночестве (он никогда не был женат, не имел детей), Энвер потерял свою горячо любимую маму, младшего брата Ниязи, который, вернувшись из ссылки и прожив наконец-то несколько спокойных лет, умер от рака, сестру Вахиду, попавшую под машину.

Смерть Расула Рзы и Нигяр Рафибейли еще более сузили круг его одиночества. Он где-то написал будто бы о самом себе: “Ты так одинок, что никогда не узнаешь, что такое одиночество...”.

В последние годы он лишь однажды нарушил свое добровольное затворничество, появившись в Союзе писателей на одном из скандальных заседаний, чтобы защитить повесть “Мельница” Мовлуда Сулейманлы, подвергшуюся огульным, невежественным нападкам. Энвер ценил Мовлуда, говорил, что это писатель, который заставляет читать свои произведения. Энвер Мамедханлы посчитал своим писательским и гражданским долгом защитить молодой талант. Идейным наследникам идеологических надзирателей тридцатых годов он сказал на этом собрании: “Хватит, не пройдут игры тех проклятых лет, вы больше не сможете вернуть те годы”.

И еще он сказал: “Я никогда не боялся вас”.

У Энвера Мамедханлы было моральное право сказать так, эти слова могла подтвердить вся его биография.

Смерть Энвера образовала в моей жизни такую пустоту, которую я ничем не могу заполнить. Нет такого дня, чтобы я не подумал: “Вот этот вопрос я должен обсудить, обговорить с Энвером, узнать его мнение”.

1990 год был одним из самых страшных в моей жизни. В том году, начавшемся с кровавой ночи “Черного января”, я потерял дорогого, очень близкого друга Араза Да-дашзаде. На его похоронах был и Энвер Мамедханлы. А в конце года, в декабре, ушел из жизни и Энвер. В день его кончины я был в Москве, на сессии Верховного Совета. В ту же ночь я вылетел в Баку.

Мне сказали, что когда он был в больнице, одним из тех, кого он позвал перед смертью, был я. Он сказал: “Я хочу увидеть Анара, мне надо ему кое-что сказать”.

Что он хотел сказать мне? Этого я никогда не узнаю. Возможно, если бы я успел, если бы спросил: “Как ты?”, он в последний раз сказал бы: “Жизнь болит”.

Январь 1993 г.
Перевод Фидан Рзаевой

Ностальгия по дням минувшим

*День за днем перебери,
С днем минувшим не сравнимся...*

Благословенный край нашего Азербайджана - Карабах - неповторим не только своей гордой и многострадальной историей, но и чарующей природой. Убеленные снегами горные вершины, густая, непроницаемая тень заповедных лесов, стремительные, пениющиеся реки, бьющие из-под земли ключи, слетающие со скал каскады водопадов, студеные родники, обжигающие ладони... При воспоминании этих оживающих в снах и грехах картин свербит сердце от тоски по израненному куску нашей Родины.

Край наш вечный и извечный, край, “взамен живой воды напоенный баяты”, родина наших великих творцов - композиторов, певцов-ханенде, поэтов, литераторов, мастеров мугама, ашугов, публицистов-мыслителей, ученых, политических деятелей...

Карабах одарил поэзию великого Вагифа, уроженца другого песенного края, неповторимыми красками, Карабах предстает живыми сценами пьес великого Мирзы Фатали. Переливается всеми цветами радуги в гошмах Касумбека Закира, в газелях Хуршудбану Натаван. Плеяда наших драматургов, прозаиков, начиная с Наджаф бека Везирова, - сыны Карабаха. В этом смысле мы вправе говорить о “карабахской школе” в азербайджанской прозе.

Конечно, как Карабах - нерасторжимая часть Азербайджана, так и произведения писателей “карабахской литературной школы” - нераздельное достояние нашей общенациональной литературы.

Мы ведем речь о карабахской литературной школе не потому, что Абдурагимбек Ахвердов, многострадальный Юсиф Везир Чеменземинли, писатели последующих поколений, до Сабира Ахмедли, Исы Меликзаде и целого ряда других авторов - уроженцы Карабаха. Это определение, по-моему, может считаться приемлемым, потому что в произведениях названных и не названных других писателей различные картины, нюансы, типажи карабахской жизни нашли свое обстоятельное и блестящее отражение.

Среди этих писателей нашему выдающемуся художнику Ильясу Эфендиеву принадлежит исключительное место. Не умаляя ничьих заслуг и места в истории нашей литературы, мы должны признать, что всецело бытие карабахского корневого люда, жизненный уклад, нравственные устои, обычаи и традиции, бытовые реалии, даже особенности кулинарии общины “терекеме” ни в одном литературном произведении не изображены столь пластично-зримо, со всеми подробностями, как в романах Ильяса Эфендиева “Не оглядывайся, старик!..” и “Трехлинейка”.

Есть одно биографическое преимущество у Карабахского ханства, состоящее в том, что хроника ни одного другого нашего ханства не отражена, насколько мне известно,

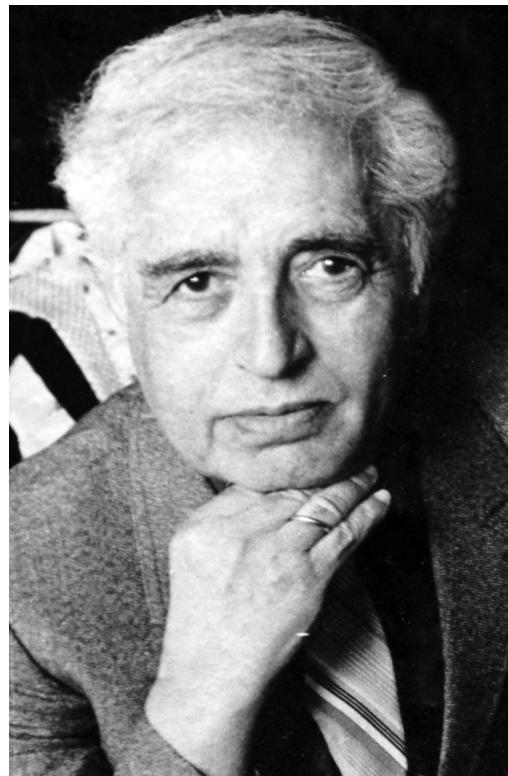
Портрет Ильяса Эфендиева. Художник Бююкага Мирзазаде

в семи знаменитых летописях, запечатлевших историю Карабаха. Семь “Карабахнамэ”, вышедших из-под пера различных авторов, - ценные свидетельства отрадных и трагических вех судьбы этого края, незначительных и значимых превратностей, порождающих гордость или отзывающихся болью в душе событий. Но в художественной литературе в первую очередь оживает не хроника карабахской истории, а ее конкретные сцены, обыкновенные люди, их жизненные треволнения, судьбы, нравы, поведение, понятия о чести и достоинстве, их труды и досуг, шутки и забавы... С этой точки зрения среди других произведений Ильяса Эфендиева - рассказов, повестей, романов, пьес - как мне кажется, во главе стоят два упомянутых романа - дилогия. Хотя автор и не назвал эти два романа дилогией, но налицо именно дополняющая, продолжающая друг друга пара повествований. Написанный в 1981 году роман “Не оглядывайся, старик!..” воскрешает как бы общую полифоническую панораму народной жизни, живописует разнохарактерные истории, отдельные человеческие судьбы, а “Трехлинейка” знакомит нас на этом фоне, через единый, острый и драматичный сюжет, с жизненными перипетиями нескольких персонажей.

Как бы мы ни ценили исторические документы, сила истинно художественной литературы в том, что она превращает нас не в созерцателя, а в участника событий. И эти романы нашего видного мастера слова Ильяса Эфендиева, по-моему, источник доказательства и аргумента об исконной и истинной “чьеиности” Карабаха, более впечатляющий, нежели исторические хроники.

В обоих романах явственно ощущается черта, присущая многим другим произведениям писателя, например, роману “Сказ о Сарыкейнек и Валехе” (где изложение событий предваряется зачином на ашугский манер: “И взялся сказывать Валех” и т.д.) - лад и строй дастанного повествования. Реальные события весьма искусно перетекают в даственный сказ и словно наглядно показывают нам процесс зарождения наших знаменитых дастанов, условия, обстановку, ауру, сопутствующие их созданию.

Я прочел “Не оглядывайся, старик!..” сразу по выходе романа, в начале 80-х годов, и он произвел на меня очень сильное впечатление. Я и при жизни Ильяса муаллима по слуху его юбилея, и в связи с его кончиной, в статьях, посвященных писателю, вел речь об этом романе. После первого прочтения я поделился своими добрыми впечатлениями также и с Эльчином. Он посоветовал: “Прочти и “Трехлинейку”. С тех пор одной из трех-четырех книг, подлежащих обязательному прочтению, для меня стала “Трехлинейка”. Но из-за проклятой тщеты, нехватки времени это намерение долго оставалось неосуществленным.

Нынче всякий встречный-поперечный профан норовит припечатать литературному поколению, к которому принадлежит и Ильяс муаллим, ярлык “советского писателя”, а самые беспрardonные и ретивые призывают вообще вычеркнуть этих писателей из истории национальной литературы. Напрасные потуги. Истинный художник остается художником, в какую бы эпоху он ни жил, а завистливый графоман остается графоманом.

Отрицатели, выставляющие писателей, живших и творивших в советский период, сплошь как бессловесных рабов, повязанных по рукам, берут на душу большой грех, и если они останутся в истории, то пребудут в ней с запятнанными именами. Конечно, говорить о полной свободе писателей той эпохи было бы другой непростительной ошибкой и ложью. Но таланты, верные голосу совести, находили пути и способы высказать истинное, выстраданное слово, в каких бы условиях они ни жили. И есть еще такая справедливая мысль, что сила сопротивления искусства в периоды жестоких ограничений бывает куда больше, чем во времена разрешенной смелости и вседозволенности - “пиши, что благорассудится”. Цена любого смелого слова, высказанного в те трудные времена, куда дороже сегодняшнего безопасного горлопанства. Ныне, при честном и совестливом подходе к литературным текстам тех времен, нужно вместо порицания этих писателей воздать им честь и хвалу за их литературную отвагу, за “несанкционированную” смелость. И Ильяс Эфендиев тоже из авторов, которых следует поминать с признательностью.

Когда на щит поднимались лакировочные колхозные эпopeи, Ильяс Эфендиев писал и на сельские, и на городские темы, о естественных человеческих чувствах и переживаниях, о любви, о верности, о ранимости любящей души, а в исторических драмах во весь голос поведал о наболевшем, накипевшем в сердце - об исторических трагедиях нашего народа.

Я немного отдалился от темы. Как я уже сказал, в этом году было опубликовано несколько моих статей в связи с юбилеями писателей старшего поколения, которых пытаются дискредитировать; я стремился воздать должное их праведным заслугам. Была у меня и задумка написать об Ильясе муаллиме. В канун его 95-летия я намеревался непременно выкроить время, написать о нем и прочесть давным-давно ждущую “Трехлинейку”. Недавно я был приглашен на мероприятие по случаю 70-летия журнала “Дружба народов”; взял с собой в дорогу том Ильяса Эфендиева, куда были включены эти два его романа. В Москве, в гостинице сперва прочел “Трехлинейку”, затем перечитал роман “Не оглядывайся, старик!...”. Поочередное чтение этих романов в дождливые московские дни словно заново вернуло мне временно потерянный нами Карабах.

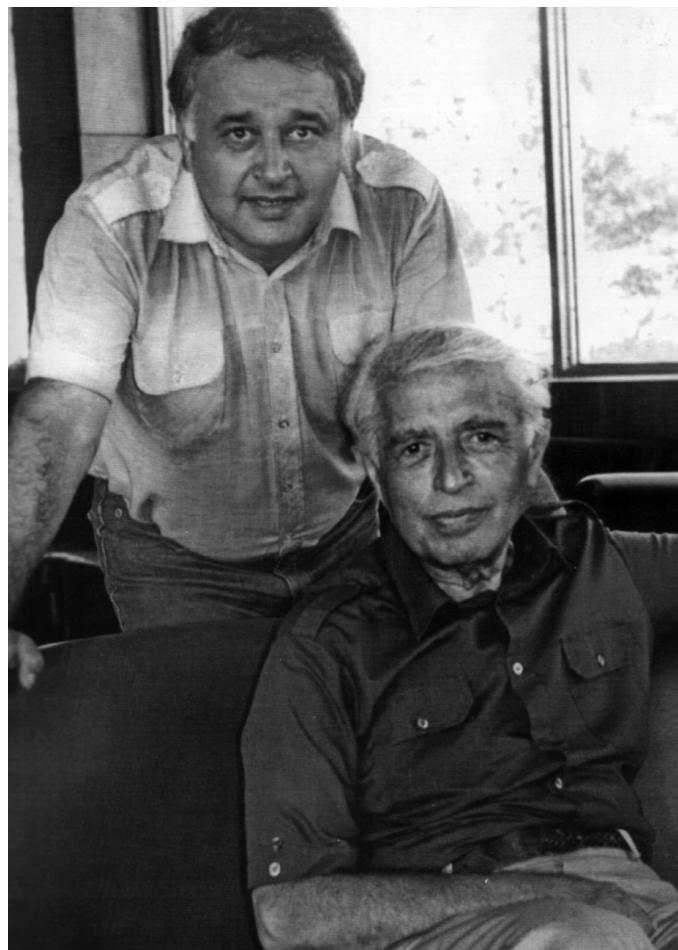
В нашенские добрые карабахские дни я обошел этот край пядь за пядью. Неоднократно бывал в большинстве карабахских городов - Агдаме, Барде, Физули, Тертере, Агджабеди; обошел все окрестные селения Шуши, восходил на гору Сары-баба, на эйлаг Гырх-гыз, на каменистую кручу Пери-чингилы, на самую высокую обитаемую верхогору - к алачикам чабанов. Если и не каждый год, то через год летом отдыхал в Шуше, работал, снимал здесь фильм “Жизнь Узеира”. Шуша часто видится мне во сне. И в этих цветных снах мне предстают не только волшебные виды Шуши - я ощущаю аромат и вкус чая, заваренного на головчатке, чабреце, я слышу звуки и голоса Шуши, переливчатые трели соловьев, печальныеочные переклички козодоев, я слышу

магические мелодии мугама, возносящиеся с Иса-булага, из каждого квартала города... Мокну под слепым дождем, теряю из виду тропинки, тающие в тумане... Быть может, гены, унаследованные от карабахской прабабушки моей - Тават-нэнэ, столь кровно, столь нерасторжимо породнили меня с Карабахом.

Читаю “Трехлинейку”. Словно воочию вижу роскошное многоцветье степи Харами-дюзю, с травой по колено, с пылающими маками, слышу запахи холдянки, полыни... А главное - ожидают люди этого мира перед взором моим. Как убедительно, как живо, во плоти и крови выглядит главный герой Аршад, какими точными, меткими красками он обрисован! Автор не затушевывает и разбойничью хватку героя, но этот абрецкий кураж сродни робингудовской удали - потроша богатеев, он зачастую раздает добытое бедным и сирым.

Аршаду присущи и круть, упрямство, доходящие до грани жестокости. Дал слово - не отступится, решил - не удержишь. В час судьбоносных испытаний он поступает и действует по-мужски, по долгу чести. Зная, какой дорогой ценой обойдется это, он идет именно на такой шаг, ибо иного не дано, он не может поступиться собой, своим существом, достоинством, “самостью”.

В “Трехлинейке” Ильяс Эфендиев создал законченный, полнокровный национальный, я бы сказал, этносоциальный характер. Ибо по многим своим чертам это именно образ сына своей полукучевой вольницы - “терекеме”. Контрабандный промысел, которым занимается персонаж комедии Мирзы Джалила - Гейдарбек, у Аршада в позднейший период проявляется как протест против существующего режима. Если учесть, что роман написан в 1981 году, в пору всевластия советской системы, а описываемые события протекают в 20-30-е годы, то можно заключить, что писатель интуитивно предвидел и обозначил позднее разбушевавшийся произвол, несправедливость, беспредел. Старик, оглядывающийся назад, в прошлое, словно предвидит и предчувствует грядущие беды. В написанных в начале восьмидесятых годов романах, как бы предвидя события, разразившиеся десять лет спустя, Ильяс Эфендиев запечатлел писательским пером в запоминающихся образах, с дотошной точностью топографа и этнографа на-

Ильяс Эфендиев с сыном Эльчином

Участники VI съезда Азербайджанских писателей слева: А.Агабейли, Ильяс Эфендиев, Али Велиев, Расул Рза, Абульгасан, Исхак Ибрагимов. 26 мая 1976 г.

звание каждой веси, каждого уголка, каждого рода-племени, исконно проживавшего на наших вероломно отторженных землях.

Еще один символический образ, метафора романа - сама трехлинейная винтовка. Это оружие, на плече и в руках Аршада побывавшее во многих кровавых передрягах и переделках, свидетель и отваги, и вероломства, кажется, уже отжило свой век. Как у каждого ашуга своя пора, так и у каждого оружия - свое время. Здесь сквозит и аллюзия, идущая от дастана “Кероглы”. И это оружие, некогда вызвавшее горестные слова легендарного Кероглы: “Ружье появилось, и доблесть ушла...” - много веков спустя сходит на нет; нет ни оружейников, производящих его, некому и патроны мастерить... И это - мучительное прощание Аршада со своим прошлым.

Думаю о возрасте писателя, в котором он создавал эти произведения. Ему было под семьдесят. Позади большая, значимо прожитая жизнь, он снискал огромную славу как драматург, он - один из любимых и читаемых прозаиков. Но в этой предзакатной поре жизни он словно хотел обрести утешение в воспоминаниях о детстве, отрочестве. И свою тоску, ностальгию по былому утешал творчеством, писательством. Память - драгоценнейшее сокровище каждого писателя, а преображение этого сокровища в слово - удел талантливого творца.

При чтении “Трехлинейки”, перечитывании “Старика...” мне на ум пришло неожиданное сравнение. Вспомнилась мне эпопея Марселя Пруста “В поисках утраченного времени”. Сравнивать французского писателя, жившего и творившего в Париже, находившегося в центре внимания европейской литературной элиты, и в частности поэту му сподобившегося мировой славы, с азербайджанским автором, наверное, было бы провинциализмом.

Речь идет не о сравнении с наследником французской литературы, с ее многовековой традицией прозы, масштабов славы или профессионализма. Речь о том, что Марсель Пруст, обретенный болезнью на затворническую жизнь, желал вернуть в поисках утраченного времени свое прошлое, воскресить заново некогда прожитую жизнь, свою среду, окружавших его друзей и знакомых. Ильяс Эфендиев так же возвращается именно в свое прошлое, в свою детскую пору. Перенося на бумагу оставшуюся позади, в далеком далеке, жизнь со всеми подробностями, в мельчайших деталях картины природы, на фоне которой прошла эта жизнь, человеческие отношения - причем с изумительной точностью, достоверностью, он словно стремится остановить неумолимое время. В одной из пьес Ильяса муаллима звучит песня Эмина Сабитоглы на текст Алиаги Кюрчайлы, где есть такие слова: "Повремени, время..."

Увы, время не остановишь и не повернешь вспять...

Народом давно уже запечатлена эта горькая истина: "День за днем перебери, с днем минувшим не сравнится..."

Сказанное - не моя версия о намерениях автора, а его собственное признание.

В романе "Не оглядывайся, старик!.." есть такой фрагмент:

"Теперь вы можете спросить, почему я включаю в это печальное повествование о самом себе все эти предания и рассказы о моих дедах, стариках, отце, матери, дяде? Потому что я не мог представить себе эту мою жизнь отторженной от них. Я видел в своем внутреннем, сокровенном мире их как есть, и мне казалось, что я ощущаю пережитые Кербалаи Ибиханом, старой Сакиной, бабушкой Ханум, дедушкой Байрамом чувства и треволнения точно так же, как они, и это сопререживание доставляло мне неизъяснимое сладостное утешение, особенно в горестные минуты. И мне казалось, что я вижу всех их постоянно, и происходящее с ними постоянно переживается мною. Даже сейчас, в преклонном возрасте, когда я стараюсь оглянуться назад и всмотреться в минувшее, мне чудится некий всполошенный голос изнутри: "Не оглядывайся, старик!..". Но я все хочу оглянуться. Я знаю, что это прошлое - многоструйное, многопечальное, и все же хочу вновь и вновь взглянуться в него, что-то понять, постичь..."

Я и теперь не могу жить без прошлого. Оно было непрестанно со мной, и теперь, когда разум мой очень внятно проникается сложнейшими событиями современности, - прошлое пребывало со мной. Порой мне изменяло чувство реальности, и мне чудилось, что жизнь состоит из этого бесконечного потока воспоминаний, что эти воспоминания сами по себе - живущий удивительный мир, что все сущее - только лишь вспоминания проносящихся в моем воображении видений, и если я не буду замечать событий, порождающих боль и печаль, все будет прекрасно...

Но, увы, я прозревал пронзительно ранящие события, и, как пробуждаешься от прикосновения к огню, так и эти истории возвращали меня в обыденное... очень заурядное мельтешение суэтных дней и годов..."

Мне представляется, что трудно найти более точные слова для того, чтобы выразить суть этих двух романов, а быть может, основное кредо творчества Ильяса Эфендиева - ностальгию писателя по отшумевшим дням минувшим. Этой цитатой и хочу завершить настоящие заметки.

Надгробный памятник Ильяса Эфендиева

Мне остается почтительно поклониться памяти нашего большого художника Ильяса Эфендиева, который, окидывая взором свое прошлое, увлек с собой и нас в эту старину, вернул нам запахи карабахского приволья, благоухание незабываемой природы Карабаха, а главное - интереснейших, ярких, неоднозначных, живых людей, посетивших и покинувших этот мир.

22-25 мая 2009 г.
Перевод Сиявуша Мамедзаде

Подвижник служения муз

Для друзей, ровесников, близких он был Джадаром. Для истории литературы и театра - Джадаром Джадаровым. Московские коллеги обращались к нему как к Джадару Гашимовичу, студенты, подопечные по работе называли его Джадар муаллим. Для меня же он был Джадар-ами - дядя Джадар.

С каких же пор я знал его? Но... разве припомнишь, когда именно вошел в твою память близкий родственник, член семьи? С тех пор, как себя помню, я видел в нем близкого для нашей семьи человека, друга отца, знал, как Джадара-ами. Сызмала, с отроческих лет заслушивался его увлекательными разговорами, внимал глубоким суждениям, привык видеть его располагающее к себе лицо, слышал его неподражаемый смех. В годы моей университетской учебы он преподавал мне, был руководителем моей дипломной работы. По прошествии лет мы становились еще ближе, прикипали сердцем друг к другу. Несмотря на разницу в возрасте, нам всегда было о чем поговорить. Он оставался неизменным и постоянным в своих отношениях - и когда трудился на ответственных постах, и когда работал на обычных должностях, и когда оказывался не у дел...

Повстречаться, пообщаться с ним - в его городской квартире, в рабочем кабинете, на даче, или у моего отца, или на бакинской, а часом и на московской улице - было для меня зарядом радости на толику дней. Хотя со временем его кончины минуло десять лет, по-прежнему точит тоска по этому общению. Порой мне чудится: стоит взять телефонную трубку и набрать его номер, как услышу его голос. Кажется, что, завернув за какой-нибудь угол, неожиданно столкнусь лицом к лицу с ним, по обыкновению спрятавшим руки в карманы пальто, что-то напевающим себе под нос, со знакомой мерцающей улыбкой на лице, неспешно вышагивающим по бакинской улице...

На каждом обсуждении - будь то фильм, спектакль или новое произведение, при обмене мнениями, при выявлении точного и глубокого отношения к каждому новому факту искусства, общественному событию ощущается его необходимое, но пустующее место.

У каждого из нас помимо общего для нас всех мира есть свой, внутренний мир. Признаюсь, мой личностный мир без Джадара Джадарова стал несколько беднее, бледнее, безынтереснее. И душа захочится болью при осознании беспощадной истины, что впредь никогда не встречусь с ним где-нибудь - в фoyе театра, на литературном диспуте, на просмотре фильма, не поговорю о том о сем.

Сейчас, когда пишу эти строки, вспоминая о нем, думая о его месте в истории нашей культуры и лично в моей жизни, я обращаюсь и к его книгам, научным трудам, к "Джадару Джадарову". И еще - к словам, высказываниям, суждениям и наблюдениям, запечатлевшимся в моей душе, памяти, сознании. Для меня образы "Джадар Джадаров" и "Джадар-ами" нерасчленимы, едины еще и потому, что между написанным и сказан-

Портрет Джаяфара Джаяфарова. Художник Тогрул Нариманбеков

ным им, между официальной, публичной позицией и позицией в доверительных беседах никогда не было противоречия и контраста; он не писал вразрез мыслимому и не менял, не дезавуировал и не приукрашивал написанное в изустных высказываниях. Джафар Джадаров был цельной личностью, и эта цельность, единство мысли, души и слова, по-моему, составляли определяющую черту его натуры.

Джафар Джадаров был скромным человеком в истинном смысле слова. Скромность была не внешней оболочкой, а органичным свойством его характера. Бывает показная скромность, служащая маской, некоей рекламной позой. Вспоминается некогда услышанное искреннее и симптоматичное признание одного человека: “Говорят: будь скромным. Ну, буду, а кто об этом узнает?”.

Скромность Джафара Джадарова не преследовала цель произвести впечатление на кого-то, то есть цель корыстную; это было спокойствие уверенного в себе и знающего себе цену человека. В его поведении, манерах, натуре чувствовался в хорошем смысле слова аристократизм; он мог свысока смотреть на карьерную и славолюбивую возню.

Терпеть не мог угодничества, дешевого панегиризма, ханжества, спеси, зависти. Был непримиримым врагом невежества, профанации. Ему претили тщеславие и эгоизм.

Одна из худших ущербностей человека - “ячество”. Пропасть между претензиями и возможностями - беда. Удручающее зрелище, когда, о чем бы ни шла речь, человек стремится выпятить себя, сфокусировать внимание на собственной персоне. Декларирование своей малейшей (реальной или мнимой) заслуги на весь белый свет с расчетом на воздаяние и лавры, тыканье в глаза благодетельствованному своим каким-никаким благодеянием, постоянное попрекание добром, которое оборачивается своей противоположностью, - все эти встречающиеся нам человеческие слабости в соотнесении с благородством Джафара Джадарова представляются мне еще более жалкими и убогими. Человек с достоинством, уважающий себя, всегда стоит выше подобной мелочности и мелкости. Страдающие комплексом неполноценности нуждаются в постоянном самоутверждении - не столько в глазах других, сколько перед самими собой. Такое аномальное самоутверждение - знак слабости, несостоятельности, внутренней дисгармонии. Личность цельная, содержательная, сильная не нуждается в таких поползновениях.

Джафар Джадаров был такой сильной личностью. Он считал ниже своего достоинства связываться с закулисными склочниками, несущими всякую околесицу по его адресу, опускаться до их уровня.

* * *

Он был человеком смелым и стойким, и с честью выходил из всех испытаний и превратностей эпохи, оставаясь последовательным в критических, научных суждениях, принципиальным в эстетических позициях, постоянным в убеждениях, понятиях, вку-

сах. Был приверженцем определенных направлений и тенденций в нашей поэзии, драматургии, театральном искусстве, кино, музыке, живописи, был ревнителем нового и никогда ни от кого не утаивал этого; однако эта четкость предпочтений не переходила в тенденциозность, предвзятое ревнительство, “механическое” и всеядное “новаторничанье”. Он умел на самых любимых и импонирующих ему художников смотреть трезвыми глазами, давать им взыскательную и бескомпромиссную оценку.

Симпатии к определенному творческому направлению, художественному стилю не переходили в безоглядный пиетет, не сужали и не ограничивали диапазона эстетического вкуса.

Он пишет: “Творчество Кара Караева и Таира Салахова более близки моей душе, духу, вкусу...”. И добавляет: “Но это отнюдь не означает, что я должен игнорировать других художников, пренебрежительно относиться к их творчеству”.

“Юный талант... невзирая на недостаток опыта, вступает в искусство с опережающим возраст знанием, понятием, чувством и жаждой нового... Юный талант может учиться у старших. Однако он должен уметь звучать самостоятельно, творить свободно, не получая ни от кого “стипендию”, - эти слова из его последнего интервью, которое он дал сотруднику альманаха “Гобустан”, опубликованного после его смерти (“Гобустан”, №2, 1974).

“Я люблю тех художников, которые не стареют и вечно новы, которые могут адаптироваться к эпохе, с динамической природой времени...”.

“Главное достоинство критика - доброжелательность. Так же, как он радуется удачам искусства, он должен терпеть и муки искусства”.

Эти суждения из того же интервью.

Расул Рза, Джагар Джагаров, Анар

* * *

В студенческие годы я написал статью об “Обманутых звездах”. С юношеской за- пальчивостью я ставил Мирзу Фатали Ахундова выше многих мировых гениев. Чтобы “превознести” Мирзу Фатали в своей воображаемой иерархии, я “принизил” Шиллера. Джадар Джадаров, один из авторитетнейших исследователей нашего классика, строго отозвался: “Никогда не склоняйся к таким противопоставлениям, от подобных попыток лишь разит ограниченностью и провинциализмом”. Это послужило мне уроком на всю жизнь.

Среди азербайджанских интеллигентов, с которыми меня сводила судьба, Джадар Джадаров был одним из пламенных подвижников, кровно связанных со своим народом, его судьбами, культурой, прошлым и будущим, постоянно думающим о путях развития нашей литературы, нашего театра. Он хотел видеть современный день нашего искусства далеким от национальной и локальной ограниченности, свободным от провинциального “ячества”, дешевой вкусовщины, примитивизма формы, мелкосодержательности. “Каждая литература, равно как и искусство, национальны, потому что отображают жизнь своего народа, в центре ее стоит национальный характер. Вот в чем, по нашему мнению, заключается национальное и его специфика. Однако в то же время мы не должны пользоваться национальным в целях самоотторжения и самозамыкания. То есть сколь естественны свойства, отличающие нас от других, столь же естественно и крайне важно сближение с другими, интернационализирование, обретение общечеловеческой значимости”. (“Гобустан”, №2, 1974).

Джадар Джадаров ясно осознавал, что настояще состояние искусства и литературы связано с двумя факторами - их прошлым и их будущим. Забывшим о прошлом нет пути в будущее. Но и те, кто не печется о будущем, не подготавливает почву для движения в будущее, обречены на утрату своего прошлого.

Он никогда не выступал с заявлениями о любви к своему народу - у него на это не было ни времени, ни досуга. Он вершил труд во благо народа, во благо его культуры. Как литературовед, теоретик, театральный историк и критик, как преподаватель университета, доктор наук, член-корреспондент Академии наук и руководитель отдела театра, как доблестный интеллигент...

* * *

На первых порах творческой деятельности он более был известен как литературный критик. И впоследствии он пишет ряд ценных статей как критик, литературовед, теоретик и эстетик, осуществляет значимые исследования о М.Ф.Ахундове, Г.Джавиде, Дж.Джаббарлы, выступает в связи с музыкой, живописью, киноискусством.

Однако самая значительная часть его творческого наследия связана с историей и судьбами нашего театра.

Если книги по нашей национальной истории, философии, по истории литературы создавались коллективами авторов, то Джадар Джадаров один написал обстоятельную историю азербайджанского театра. У многих из нас на памяти ответ Джадара Джадарова злопыхателям, пытавшимся запятнать грандиозный и благородный труд клеймом “нигилизма”, ответ, прозвучавший с трибуны Съезда писателей: “Я собирал эту историю, ко-

паясь денно и нощно в архивах, по обрывкам афиш, из скучных газетных объявлений, “роя иголкой могилу”,⁶⁷ и никому не дано права называть эту работу “нигилизмом”.

Широкоохватная, капитальная, высоконаучная по уровню история азербайджанского театра - творческая победа, подвиг интеллигента, гражданская заслуга Джадара Джадарова. В этом вершинном творении, как и в разделе шеститомной “Истории советского драматического театра”, изданной в Москве, посвященном национальному театру, отразились ярчайшие грани таланта Джадарова. Он умел видеть прошлое глазами сегодняшнего дня, настоящее глазами будущего; воспринимать мир в призме эстетического видения Азербайджана и рассматривать национальную культуру в контексте мировой эстетической мысли.

Энвер Мамедханлы и Джадар Джадаров

* * *

Он был выходцем из очень простой семьи. Моя мать, вспоминая впечатления московских студенческих лет, рассказывала, что Джадар всегда был одет легко, ходил в поношенной одежде и в суровые московские морозы неизменно оказывался простуженным. Но и хворый, и здоровый он целыми днями пропадал в библиотеках.

Он не расставался с книгой и в позднейшие годы жизни, и когда работал в различных ведомствах, и на фронтовых дорогах, и в дни, когда захлестывали дела и заботы, и вследствие пожизненно неутомимой жажды знаний и страсти к чтению он вырос в исключительно эрудированного, информированного, глубокомыслящего интеллигента.

---

⁶⁷ Идиоматическое выражение, обозначающее кропотливый труд.

Чтение, общение с книгой имеет свои особенности. Подобно тому, как мы встречаем иных полиглотов с ограниченным мировидением, попадаются и библиофаги с поверхностным мышлением. Немало тех, кто “проглатывает книги, не переваривая их”. Чтение, как и прочие сферы умственной деятельности, требует творческого отношения. Быть просто потребителем книги - проку мало. Помнится, как-то Джадар Джадаров заметил: “Чтение книги, накопление впечатлений - это количественное наполнение ума, а качественное наполнение, обогащение ума - это мышление, саморазвитие мысли”.

* * *

Он глубоко и тонко чувствовал прекрасное. Не мог оставаться равнодушным к красоте - красоте искусства, красоте женщины, красоте мысли. Интересно, что во “Фронтовых записках” (Баку, 1943) он заводит речь и о красоте войны: “Есть у войны своя красота, причем красота удивительная, исполненная ужаса... Чувство страха на войне - естественная вещь, но особенность войны в том, что она, с одной стороны, порождает страх, с другой - убивает это чувство, закаляет, расхрабряет человека”.

Быть может, слова о красоте войны выражены неточно, но сама мысль ясна и точна: то, что война - великое, беспощадное испытание, тягчайший экзамен, когда в самых суровых условиях выявляются такие качества, как мужество, отвага, стойкость, - неоспоримая истинна. И судьба самого Джадара Джадарова, доблестно прошедшего огненные испытания Крымского фронта, - еще одно тому подтверждение.

Я наслушался рассказов о личной отваге, смелости Джадара, о проявленной им самоотверженности, мужестве при временном отступлении наших войск из Крыма в 1942 году - от отца, Аббаса Заманова, работавших с ним во фронтовой газете. Во “Фронтовых записках” сам Джадар Джадаров говорит об испытаниях войны в очень простых, скромных тонах; о том, как они отправились на передовую и по возвращении, заблудившись в ночной темени, наконец набрали на линию полевой телефонной связи и, держась за спасительную проволоку, вышли к своим, - говорится скромно, как о чем-то обыденном: “Все наше внимание было приковано к проводу в руках. Мы уже находились в такой зоне фронта, где наша судьба зависела от этой проволоки”.

В этих очерках, воспроизводящих трагические картины фронта, мы обнаруживаем авторские суждения об искусстве, переживания, порождающие метафорические ассоциации. Перед разрушенной стеной он погружается в раздумья об искусстве: “Говорят, многое, чего человек не понимает в жизни, он постигает через искусство. Искусство для него как бы ключ к жизни. Это действительно так...

...Произведение искусства сродни человеку. Его язык - язык любящих, посвященных, радеющих о нем. Конечно, для профана оно - безъязыко, не надобно... Чем больше корежит его десница Времени, тем значимее оно становится...”.

* * *

Разрушенная стена может сообщить о былом архитектурном великолепии грандиозного здания. Так и обретают язык и говорят с нами творения литературы, музыки, изобразительного искусства, созданные в незапамятную старину. Иной удел у сценического искусства. Вся художественная полнота спектакля, тончайшие нюансы актерского

исполнения, сила режиссерской трактовки существуют только в определенных временных рамках, в восприятии определенного зрительского круга; по прошествии времени, со сменой поколений “очевидцев” данного сценического действия - знаменитые актеры-исполнители, режиссеры, произведшие фурор, превращаются в воспоминания, переходящие из уст в уста. Важная миссия историка театра, театрального критика - наилуче точно, достоверно воссоздать эти явления искусства, донести до нынешних поколений; вместе с тем - прокомментировать сегодняшние постановки с такой обстоятельностью, живостью и широтой, чтобы эти спектакли могли сохраниться с наибольшей наглядностью и долговечностью. В таких творческих портретах, как “Г.Араблинский”, “Дж.Зейналов”, “А.М.Шарифзаде”, “И.Идаятзаде”, “Хагигат Рзаева”, “Мехти Мамедов”, “Тофик Кязимов”, в десятках статей и рецензий на спектакли по пьесам классиков и современников Джавад Джаваров достойно выполнил важные исторические задачи, но наряду с исполнением этих значимых задач Джавару Джаварову принадлежит еще одна великая заслуга перед нашим театром. Он был не только летописцем, но и активным, ревностным строителем, впередсмотрящим нашей сцены. Он не мог довольствоваться только отображением нашей сцены такой, как она есть, он размышлял и о том, каким быть нашему театру, каким путем идти, призывал к высоким вершинам искусства, к новому, к современности, широким горизонтам. “Требовать хорошей пьесы, успешной постановки - очень ответственно и правомерно. В противном случае даже сам критик, считающийся активным зрителем, переживает разочарование. Если критик болеет душой, он в первую очередь призван озабочиться невзгодами театра, стремиться к их разрешению”. (“Гобустан”, №2, 1974).

* * *

До последних дней он жил этой заботой, этой подвижнической страстью и миссией. Последние месяцы его жизни прошли в противоборстве с беспощадным недугом. В 1973 году, узнав о том, что он подвергся тяжкой, безнадежной болезни, я занес в дневник некоторые его беседы. Хочу привести фрагменты из этих дневниковых записей:

“1973. 6 января: Мы с отцом, Гуламом Мамедли и Кязимом Кязимзаде отправились навестить Джавара-ами. Он в “Семашко”, в отдельной палате. Очень ослаб, но внешне выглядит получше, чем предстал дома. Отец с остальными ободряли его, перешучивались. Джавар-ами в ответ на шутки отозвался репликой Гаджи Гара из пьесы: “Не я их, а они меня зацепили”. И расхохотался по-детски, как в былые времена”.

“Его повезли на операцию в Москву. 15 января я переговорил по телефону с Москвой. Его супруга, Зубейда ханум, сказала, что сегодня Джавар встал на ноги, собственоручно написал письмо, мол, чувствую себя хорошо”.

29 января его оперировали... Из головы извлекли опухоль величиной с кулак. Один из врачей сказал, что это не решает задачи, опухоль может пустить ростки и разрастись. Джаварову осталось жить, может, год, полгода или месяца три. (После операции он прожил девять месяцев).

2 марта его привезли в Баку. Мы поехали встречать в аэропорт. Из самолета его вынесли на носилках. Многие из встречавших плакали, давясь слезами, а он, узнавая людей, улыбался, привечал движением глаз... Один из его сотрудников, находившийся с